

СОБОР У МОРЯ

— РОМАН —

ИЛЬДЕФОНСО ФАЛЬКОНЕС

The Big Book

Ильдефонсо Фальконес

Собор у моря

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Фальконес И.

Собор у моря / И. Фальконес — «Азбука-Аттикус», 2006 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-20630-4

Дебютный роман испанского писателя Ильдефонсо Фальконеса, мгновенно ставший мировым бестселлером. Книга была издана более чем в 30 странах, и ее тираж превысил 2 миллиона экземпляров; в 2018 году по книге был снят телевизионный сериал. «Собор у моря» – это захватывающий исторический роман, действие которого разворачивается в средневековой Бар-елоне, богатой и процветающей столице Каталонии. С этим городом навсегда соединилась полная взлетов и падений судьба главного героя Арнау Эстаньола, отец которого, беглый серв, оказался в Барселоне в поисках свободы, спасаясь от произвола своего хозяина. Жестокость средневековых нравов и беспредел знати, костры инквизиции и бубонная чума, интриги и заговоры, войны, насилие, голод и кровь, обман и предательство, любовь и верность – все это на фоне строительства одного из самых прекрасных в мире храмов – барселонского собора Святой Марии у Моря, дарующей силу и свет.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-389-20630-4

© Фальконес И., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	15
3	20
4	26
5	34
Часть вторая	38
6	38
7	48
8	55
9	59
10	64
11	71
12	77
13	83
14	92
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Ильдефонсо Фальконес

Собор у моря

Idefonso Falcones

LA CATEDRAL DEL MAR

Copyright © 2019, Idefonso Falcones de Sierra

Translated from the original edition of PenguinRandom House Grupo Editorial, Barcelona,
2019

All rights reserved

thebigbook.

Серия «The Big Book»

Перевод с испанского Виктора Степанова

Оформление обложки Ильи Кучмы

© В. Ю. Степанов, перевод, 2007

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть первая Рабы земли

1

1320 год

*Дом Берната Эстаньола,
Наварклес, графство Каталония*

Улучив момент, когда, казалось, никто не обращал на него внимания, Бернат посмотрел вверх, на безоблачное голубое небо.

Мягкое солнце конца сентября ласкало лица его гостей. Бернат потратил немало времени и усилий, готовясь к этому празднику, и теперь его могла испортить только немилосердная погода.

Улыбнувшись осеннему небу, Бернат опустил глаза, и улыбка на его лице расплылась еще шире: на мощеном дворе перед воротами и первым этажом его дома царило всеобщее веселье.

Около тридцати приглашенных гостей беззаботно радовались жизни. Урожай винограда в этом году был великолепен. Мужчины, женщины и дети работали с утра до ночи: сначала они собирали виноград, а потом давили из него сок, не давая себе ни дня отдыха. Только когда вино было залито для брожения в бочки, а мезга подготовлена для того, чтобы в скучные зимние дни перегонять выжимки в самогон, крестьяне принялись отмечать сентябрьские праздники.

В эти же дни Бернат Эстаньол решил сыграть свадьбу.

Бернат смотрел на гостей. Они, должно быть, встали на заре, чтобы пройти пешком расстояние, отделявшее их дома от усадьбы Эстаньола – для некоторых весьма приличное. Они оживленно болтали, вероятно о свадьбе или об урожае, а возможно, о том и другом; некоторые гости, как, например, группа, состоящая из его двоюродных братьев и семьи Пуч, то и дело разражались хохотом и с лукавством поглядывали в его сторону. Чувствуя, что краснеет под их взглядами, Бернат решил избегать столь назойливого внимания; ему, честно говоря, не хотелось знать причину их смеха. Он видел стоящих во дворе представителей семей Фонтаниес, Вила, Жоаникет и, разумеется, родственников невесты.

Бернат украдкой посмотрел на своего тестя Пере Эстеве, который только и делал, что поглаживал свой огромный живот и, широко улыбаясь, переходил от одних гостей к другим. Пере повернулся к нему, и, глядя на его сияющее лицо, Бернат невольно счел себя обязанным кивнуть ему – уже, наверное, в сотый раз. Поискав глазами своих шуринов, он наконец разглядел их среди приглашенных. С самого начала они относились к нему с некоторой подозрительностью, хотя Эстаньол старался понравиться им.

Бернат вновь устремил взгляд в небо. Похоже, урожай и погода решили быть вместе с ним на его празднике. Он посмотрел на свой дом, а потом снова на людей и слегка поджал губы. Внезапно, несмотря на общее оживление, он почувствовал себя одиноким. Прошел всего лишь год с той поры, как Бернат похоронил отца, но его сестра, Гиамона, которая обосновалась в Барселоне после того, как вышла замуж, и которую ему очень хотелось увидеть, так и не ответила ни на один из приветов, посланных ей братом. А ведь Бернат был ее единственным прямым родственником, оставшимся после смерти отца...

Смерть старшего Эстаньола превратила их усадьбу в предмет интереса всей округи: свахи и отцы с незамужними дочерьми шли сюда безостановочно. Прежде их никто не навещал, но

смерть отца, который из-за своих приступов бешенства заслужил прозвище Безумный Эстаньол, вернула надежды тем, кто хотел выдать свою дочь за самого богатого селянина в округе.

– Ты уже достаточно взрослый, чтобы жениться, – говорили ему. – Сколько тебе лет?

– По-моему, двадцать семь, – отвечал Бернат.

– В этом возрасте у тебя уже должны быть внуки, – упрекали молодого человека. – Что ты будешь делать со своим хозяйством один? Тебе нужна жена.

Бернат терпеливо выслушивал советы, зная, что за каждым из них непременно следовало упоминание новой кандидатуры, достоинства которой превосходили силу быка и красоту самого невероятного захода солнца.

Тема не была для него новой.

Безумный Эстаньол, овдовевший после рождения дочери Гиамоны, тоже собирался женить его, но все отцы с дочерьми на выданье выходили из их дома с проклятиями: никто не мог удовлетворить требования сумасшедшего старика к приданому, которое должна была принести будущая сноха. Постепенно интерес к Бернату ослаб. С возрастом старик стал еще капризнее, а приступы бешенства у него сменились бредом. Бернат из кожи вон лез, заботясь о земле и об отце, и вдруг в двадцать семь лет оказался один на один с теми, кто желал породниться с ним.

Первым, кто пришел к Бернату, когда он еще не успел похоронить покойного, был управляющий сеньора де Наварклеса, местного феодала.

«Как ты был прав, отец!» – подумал Бернат, увидев подъезжающего к дому гостя, которого сопровождали несколько солдат на лошадях.

– После моей смерти, – повторял ему старик бесчисленное количество раз, когда к нему возвращался рассудок, – они придут к тебе, и тогда ты покажешь им завещание.

И отец указывал рукой на камень, под которым лежал завернутый в кусок кожи документ, запечатлевший последнюю волю Безумного Эстаньола.

– Зачем, отец? – спросил его Бернат, когда старик впервые сказал об этом.

– Как ты знаешь, – ответил тот, – мы владеем этими землями благодаря бессрочной аренде, но я вдовец, и если бы не сделал завещания, то после моей смерти сеньор имел бы право взять себе половину нашего движимого имущества и скота. Это право называется *интестия*, есть еще много других, составленных в пользу сеньоров, и ты должен знать их все. Придут, Бернат, придут отбирать наше, и, только показав им завещание, ты сможешь отделаться от них.

– А если они отберут завещание? – спросил Бернат. – Ты ведь знаешь, какие они...

– Даже если они это сделают, оно все равно записано в книгах.

Ярость управляющего и самого сеньора стала известна всей округе, и положение сироты, наследника всего добра Безумного Эстаньола, стало выглядеть еще более привлекательным.

Бернат очень хорошо помнил визит, который нанес ему его нынешний тесть еще до начала сбора винограда. Пять суэльдо, тюфяк и белая льняная рубашка – это было все, что он предложил в качестве приданого за свою дочь Франсеску.

– Зачем мне белая льняная рубашка? – спросил его Бернат, продолжая перебрасывать солому на первом этаже своего дома.

– Смотри. – Пере Эстеве жестом указал на вход.

Опершись на вилы, Бернат проследил за его рукой.

Вилы упали на солому. Пронизанная светом, перед ним явилась Франсеска, одетая в белую льняную рубашку...

Каким же манящим оказалось ее тело!

Дрожь пробежала по спине Берната. Пере Эстеве понимающе улыбнулся.

Бернат принял предложение. Он сделал это там же, на сеновале, не приближаясь к девушке, но и не сводя с нее глаз.

Конечно, его решение было поспешным, Бернат понимал это, но он не мог сказать, что раскаивается; Франсеска, молодая, красивая, крепкая, вызвала у него бурю чувств. Аж дыхание перехватило!

Сегодня же...

О чем думала девушка? Чувствовала ли она то же, что и он?

Франсеска не принимала участия в веселой болтовне женщин; она молчаливо стояла рядом с матерью и лишь натянуто улыбалась в ответ на шутки и хохот остальных. На мгновение их взгляды встретились. Она покраснела и опустила глаза, и Бернат заметил, как колыхнулась ее грудь, выдавая волнение. Белая льняная рубашка вновь возникла в воображении Берната, в нем вспыхнуло желание...

– Поздравляю тебя! – услышал он голос тестя, который подошел сзади и сильно хлопнул его по плечу. – Береги ее, – добавил он, следя за взглядом Берната и показывая на дочь, которая уже не знала, где спрятаться. – Что ж, если жизнь, которую ты ей готовишь, будет такой же, как этот праздник... Это самый лучший пир, на котором я когда-либо бывал. Уверен, даже сеньор де Наварклес не наслаждался такими яствами!

Бернат постарался на славу угостить своих гостей: он приготовил сорок семь буханок белого хлеба из пшеничной муки, отказавшись от ячменя, ржи и полбы, которую обычно ели крестьяне. Мука из пшеницы высшего качества была белая, как рубашка его супруги! Погрузив хлеб, он прибыл в замок, чтобы выпечь его в печи сеньора де Наварклеса. Бернат надеялся, что две буханки, как всегда, будут достаточной платой, чтобы ему разрешили сделать это. При виде пшеничного хлеба глаза пекаря открылись так широко, что стали похожими на две тарелки, а потом закрылись, превратившись в едва заметные щели. Плата возросла до семи буханок, и Бернат уехал из замка, проклиная закон, который не позволял крестьянам иметь собственную печь для выпечки хлеба и кузницу, а также заниматься шорным делом...

– Разумеется, – ответил он тестю, отгоняя неприятные мысли.

Оба смотрели на двор перед домом.

Возможно, у него и украли часть хлеба, думал Бернат, но не вино, поданное сегодня гостям, – самое лучшее, которое готовил еще его отец, выдерживая годами, не украли и солонину, и олюю, и, конечно же, четырех баранов, надетых на вертела и медленно жарившихся над углями, покрываясь золотистой корочкой и издавая запах, перед которым нельзя было устоять.

Внезапно женщины пришли в движение. Оля была готова, и тарелки, которые подносили гости, начали наполняться. Пере и Бернат присели за единственным столом, который был во дворе, и женщины стали подавать кушанья. Никто больше не сел, четыре оставшихся стула были свободны.

Люди взялись за еду; одни стояли, другие присели на бревна, а некоторые устроились прямо на земле. Все не сводило глаз с баранов, за которыми постоянно присматривали женщины.

Гости пили вино, весело болтали, кричали и смеялись.

– Что за дивный праздник! – воскликнул Пере Эстеве, поднося ко рту ложку за ложкой. Кто-то предложил выпить за молодых. Все сразу оживились и поддержали тост.

– Франсеска! – крикнул тесть, держа в руке стакан. Он повернулся в сторону невесты, которая стояла среди женщин, суетившихся у вертелов с баранами.

Бернат посмотрел на девушку, но та снова спрятала лицо.

– Волнуется, – извинился за нее Пере и лукаво подмигнул зятю. – Франсеска, доченька! – снова крикнул он. – Выпей с нами! Давай сейчас, потому что вскоре мы уйдем... почти все.

Взрывы хохота смутили Франсеку еще больше. Девушка чуть приподняла стакан, который ей вставили в руку, но так и не выпила из него. Повернувшись спиной к смеющимся гостям, она снова взялась за приготовление баранов.

Пере Эстеве ударил стаканом о стакан Берната так, что вино немного расплескалось. Гости последовали их примеру.

– Теперь тебе придется позаботиться о том, чтобы у нее прошла застенчивость, – громко сказал он, чтобы его услышали все присутствующие.

Снова раздался хохот, на этот раз сопровождаемый сальными подковырками, на которые Бернат предпочел не обращать внимания.

Между смехом и шутками все отдавали должное вину, солонине и олье. Когда женщины начали снимать баранов с углей, гости внезапно замолчали и стали смотреть на опушку леса, выходящую на ту часть угодий Берната, которая находилась немного дальше, за широкими полями пашни, в конце пологого склона, где Эстаньолы высаживали виноград, дававший им такое замечательное вино.

Через несколько секунд молчание воцарилось на всей эспланаде.

Среди деревьев показались трое всадников. За ними шли пешие в одинаковых одеждах.

– Что это? – шепотом спросил Пере Эстеве.

Бернат пристально следил за людьми, которые приближались, огибая его поля. Гости тихо переговаривались между собой.

– Не понимаю, – сказал наконец Бернат, не заметив, что тоже перешел на шепот. – Он никогда прежде не проходил здесь. Эта дорога не ведет к замку.

– Не нравится мне это посещение, – пробормотал Пере Эстеве.

Группа двигалась медленно. По мере ее приближения смех и веселье угасали, и вскоре оживление, царившее до сих пор во дворе, исчезло – как его и не бывало. Бернат оглядел своих гостей: некоторые из них притихли, другие стояли с опущенной головой. Он стал искать глазами затерявшуюся среди женщин Франсеску и не нашел ее. Голосище сеньора де Наваркlesa уже доносился до них. Бернат почувствовал, как его начинает охватывать ярость.

– Бернат! Бернат! – воскликнул Пере Эстеве, дергая его за руку. – Чего ты стоишь? Беги встречай своего сеньора.

– Добро пожаловать в наш дом, – поприветствовал Бернат незваных гостей, подбежав к сеньору и его спутникам.

Льоренс де Бельера, сеньор де Наварклес, потянул свою лошадь за поводья и остановился перед Бернатом.

– Ты сын Безумного Эстаньола? – сухо спросил он.

– Да, сеньор.

– Мы охотились и, возвращаясь в замок, были удивлены, когда увидели этот праздник.

По какому поводу веселитесь?

За лошадьми Бернат разглядел солдат, нагруженных всякой дичью: зайцы, дикие петухи. «Лучше бы вы объяснили свой приезд сюда, – хотелось крикнуть ему. – Или, может быть, это пекарь донес вам о хлебе из муки высшего качества?»

Казалось, даже лошади, пляшущие свои большие круглые глаза на него, ожидали ответа.

– Празднуем мою свадьбу, сеньор.

– На ком ты женишься?

– На дочери Пере Эстеве, сеньор.

Льоренс де Бельера молча уставился на Берната из-за головы своей лошади. Животные громко фыркали.

– Ну... – угрожающе начал Льоренс де Бельера.

– Моя супруга и я сам, – сказал Бернат, пытаясь подавить отвращение, – почли бы за великую честь, если бы ваша милость и ваши спутники сообразовали присоединиться к нам.

– Мы хотим пить, Эстаньол, – коротко ответил сеньор де Бельера.

Лошади пришли в движение, хотя всадники даже не пришпорили их. Бернат, метнув взгляд на сеньора, направился к дому. Тем временем все гости собрались поприветствовать своего сеньора: женщины – опустив глаза, а мужчины – сняв головные уборы. Когда Льоренс де Бельера предстал перед ними, поднялся глухой шум.

– Ладно, ладно, – сказал тот, слезая с лошади, – празднуйте дальше.

Люди подчинились и молча отошли в сторону. Тем временем солдаты бросились к лошадям и занялись ими. Бернат проводил новоприбывших гостей к столу, за которым несколько минут назад он сидел со своим тестем Пере. Их тарелки тут же исчезли вместе со стаканами.

Сеньор де Бельера и оба его спутника сели за стол.

Когда они принялись болтать между собой, Бернат отошел на несколько шагов назад, а женщины стали быстро подносить кувшины с вином, стаканы, хлеб, тарелки с курицей, блюда с солониной и только что поджаренной бараниной. Бернат поискал взглядом Франсеску и снова не нашел ее. Среди женщин не было его молодой жены. Он встретился взглядом с тестем, который уже стоял вместе с остальными. Развернувшись вполоборота, Пере Эстеве незаметно покачал головой.

– Продолжайте ваш праздник! – крикнул Льоренс де Бельера, держа в руке баранью ногу. – Давайте, вперед!

Гости молчаливо двинулись к углям, поближе к жареной баранине. Только несколько человек, находившихся вдали от взглядов сеньора и его друзей, стояли спокойно: Пере Эстеве, его сыновья и еще кто-то из приглашенных. Бернат, заметив среди них белую льняную рубашку, тут же подошел к ним.

– Уйди отсюда, дурак! – рявкнул тесть.

Прежде чем Бернат успел ответить, мать Франсески дала ему в руки поднос с бараниной и шепнула:

– Иди ухаживай за сеньором и не подходи к моей дочери.

Крестьяне вполголоса хвалили сочную баранину и украдкой поглядывали в сторону стола. На эспланаде были слышны только взрывы хохота и крики сеньора де Наваркlesa и его двоих друзей. Солдаты отдыхали в стороне от всех.

– Раньше было слышно, как вы смеетесь! – крикнул сеньор де Бельера. – Казалось, что вы даже распугали дичь. Веселитесь же, черт вас возьми!

Никто не проронил ни слова.

– Сельские скоты, – проворчал сеньор, обращаясь к своим спутникам.

Те встретили это замечание хохотом и стали утолять голод, уминая баранину и хлеб из лучшей муки. Тарелки с солониной и курицей стояли вразброс по всему столу.

Бернат ел стоя, пристроившись немного поодаль, и искоса поглядывал на кучку женщин, среди которых пряталась Франсеска.

– Еще вина! – потребовал сеньор де Бельера, поднимая стакан. – Эстаньол! – внезапно позвал он Берната, высматривая его среди гостей. – В следующий раз, когда ты будешь платить подать за землю, принесешь такое же вино, как это, а не то пойло, которым потчевал меня твой отец.

Не обнаружив Берната, который слушал, стоя у него за спиной, сеньор хмуро огляделся и уставился на мать Франсески, подошедшую с кувшином вина.

– Эстаньол, где же ты?

Кабальеро ударил по столу как раз в тот момент, когда женщина поднесла кувшин, чтобы наполнить его стакан. Несколько капель вина забрызгали одежду Льоренса де Бельеры.

Бернат уже стоял перед ним. Друзья сеньора смеялись над происшедшим, а Пере Эстеве закрыл руками лицо.

– Старая дура! Кто тебе поручил наливать вино?

Женщина опустила голову в знак покорности, а когда сеньор замахнулся, чтобы дать ей пощечину, упала на землю. Льоренс де Бельера повернулся к своим друзьям, и те разразились хохотом, наблюдая, как старуха удаляется от стола ползком.

Затем он снова принял серьезный вид и обратился к Бернату:

– А, ты здесь, Эстаньол. Смотри, это неуклюжее старье ни на что не способно! Разве ты хочешь оскорбить своего сеньора? Неужели ты такой невежда, что даже не знаешь, что за гостями должна ухаживать хозяйка дома? Где невеста? – спросил он, скользнув взглядом по эспланаде. – Где невеста? – повторил он при всеобщем молчании.

Пере Эстеве взял Франсеску за руку и подвел ее к столу, чтобы передать дочь Бернату.

Девушка дрожала.

– Ваша милость, – произнес Бернат, – позвольте представить вам мою жену Франсеску.

– Вот это уже лучше, – заметил Льоренс, без всякого стеснения осматривая девушку с головы до ног, – гораздо лучше. С этого момента она будет подавать нам вино.

Сеньор де Наварклес снова присел к столу и повернулся к девушке, подняв стакан. Франсеска взяла кувшин и поспешила к нему. Рука девушки дрожала, и Льоренс де Бельера схватил ее за запястье и держал так, пока вино лилось в стакан. Затем он потянул ее за руку и заставил поухаживать за своими спутниками. Грудь девушки касалась лица Льоренса де Бельеры.

– Вот как наливают вино! – крикнул сеньор де Наварклес, пока Бернат, стоя сбоку от него, сжимал от злости кулаки и скрипел зубами.

Льоренс де Бельера и его спутники продолжали пить и требовали присутствия Франсески, чтобы повторить еще и еще раз ту же сцену. Солдаты смеялись вместе со своим сеньором и его друзьями каждый раз, когда девушка вынуждена была наклоняться над столом, чтобы налить вина. Франсеска изо всех сил старалась сдержать слезы, а Бернат заметил, как из его ладоней, израненных его собственными ногтями, стала сочиться кровь. Гости-крестьяне молча отворачивались, когда девушка наливала вино.

– Эстаньол! – крикнул Льоренс де Бельера, поднимаясь и все еще держа Франсеску за тонкое запястье. – Согласно праву, которым обладает сеньор, я решил переспать с твоей женой в первую брачную ночь.

Спутники сеньора де Бельеры громко зааплодировали в ответ на эти слова.

Бернат бросился к столу, но, прежде чем он успел добежать, охрана сеньора, которая уже казалась пьяной, вскочила и схватилась за мечи.

Бернат резко остановился. Льоренс де Бельера ухмыльнулся, а потом и расхохотался.

Девушка пронзительно смотрела на Берната, взглядом умоляя о помощи.

Бернат сделал еще один шаг вперед, но меч одного из друзей сеньора уперся ему в живот. Беспомощный, он снова остановился. Франсеска не переставала смотреть на него, пока ее тащили к внешней лестнице дома.

Когда хозяин этих земель схватил ее за талию и закинул к себе на плечо, девушка закричала.

Друзья сеньора Наварклеса вновь сели за стол, продолжая пить и смеяться, в то время как солдаты стали на страже у подножия лестницы, чтобы не подпускать к ней Берната.

Стоя внизу у лестницы, Бернат не слышал ни хохота друзей сеньора де Бельера, ни всхлипываний женщин.

Он не присоединился к притихшим гостям и даже не обращал внимания на шутки солдат, которые обменивались выразительными жестами, тыча в сторону дома: он слышал только крики боли, доносившиеся из окна третьего этажа...

Небо по-прежнему сверкало голубизной.

Через некоторое время, Бернату показавшееся вечностью, на лестнице появился Льоренс де Бельера.

Весь потный, он на ходу застегивал на себе охотничью куртку.

– Эстаньол! – крикнул он своим громовым голосом, направляясь к столу. – Теперь твоя очередь. Донья Катерина, – сказал он своим спутникам, имея в виду жену, с которой он недавно вступил в брак, – устала от моих незаконнорожденных детей, которые продолжают появляться на свет, я больше не выдержу ее хныканья. Поступи как добрый муж-христианин! – потребовал он, снова поворачиваясь к Бернату.

Бернат опустил голову и под пристальными взглядами всех присутствующих побрел к боковой лестнице.

Едва переставляя ноги, он поднялся на второй этаж, в просторную комнату, служившую кухней и столовой, где в одну из стен был встроен большой очаг, над которым нависала внушительная каминная труба, выкованная из железа. Прислушиваясь к звуку своих шагов по деревянному полу, Бернат направился к лестнице с поручнями, которая вела на третий этаж, предназначенный для спальни и амбара. Он скользнул взглядом по деревянному настилу верхнего этажа, не смея подняться выше.

Оттуда не было слышно ни звука.

Неловко выпрямившись, так что его подбородок оказался на уровне пола, стоя на лестнице, он увидел одежду Франсески, разбросанную по комнате; ее белая льняная рубашка, семейная гордость, была разорвана в клочья...

Наконец Бернат поднялся наверх.

Совершенно голая, с потерянным взглядом, Франсеска лежала, свернувшись калачиком, на новом тюфяке, покрытом пятнами крови. Ее тело, в капельках пота, с царапинами и следами побоев, казалось неподвижным.

– Эстаньол, – услышал Бернат громкий голос Льоренса де Бельеры, – твой сеньор ждет.

Содрогаясь от позывов, Бернат стал блевать прямо в зерно так, что из него едва не вывалились кишки.

Франсеска продолжала лежать неподвижно.

Бернат рванулся к лестнице. Пока он спускался, в его голове лихорадочно роились самые разные мысли. Испытывая отталкивающие ощущения, ослепленный, он столкнулся с громадным Льоренсом де Бельерой, который стоял у нижней ступени и усмехался.

– Похоже, новобрачный не исполнил свой долг, – сказал Льоренс де Бельера своим спутникам.

Бернату пришлось поднять голову, чтобы взглянуть на сеньора де Наварклеса.

– Нет... я не смог, ваша милость, – пробормотал он.

Некоторое время Льоренс де Бельера хранил молчание.

– Что ж, раз ты не смог, я уверен, что кто-нибудь из моих друзей или солдат заменит тебя. Я уже говорил, что больше не хочу незаконнорожденных детей.

– Не имеете права!

Крестьяне, наблюдавшие за этой сценой, вздрогнули, хорошо понимая, какие последствия могла иметь такая дерзость. Сеньор де Наварклес схватил Берната за шею и затряс с такой силой, что тот стал хватать ртом воздух:

– Как ты смеешь говорить такое?! Может, ты хочешь использовать законное право твоего сеньора переспать с невестой, а потом прийти с незаконнорожденным ребенком и что-нибудь требовать? – Льоренс продолжал трясти Берната. – Ты на это рассчитываешь? Права вассалов определяю я, только я, понимаешь? Ты забываешь, что я могу наказать тебя, когда захочу и как захочу!

Льоренс де Бельера отшвырнул Берната, размахнулся и залепил пощечину, свалив его с ног.

– Кнут мне! – в ярости закричал сеньор.

Кнут!

Бернат помнил, как, будучи совсем ребенком, он был вынужден вместе со своими родителями и другими селянами присутствовать на публичном наказании, наложенном сеньором де Бельерой на одного несчастного, о чьей вине так никто никогда и не узнал. Воспоминание о звуке лопающейся кожи на спине этого человека незамедлительно всплыло в сознании Берната – так было не только в тот злополучный день, но и каждую ночь в течение доброй половины его детства. Тогда никто из присутствующих даже не посмел пошевелить пальцем. А уж тем более сегодня...

Бернат поклонился и поднял глаза на сеньора: тот стоял, подобно огромной скале, и протягивал руку в ожидании, когда кто-нибудь вложит в нее кнут. Бернат вспомнил спину бедолаги, исполосованную до самого мяса и превратившуюся в кровавую массу, из которой даже вся ненависть сеньора не могла вырвать еще кусок...

На четвереньках, вслепую, Бернат попятился к лестнице, дрожа, как в детстве, когда его не покидали ночные кошмары.

Никто не шелохнулся. Все молчали. А солнце продолжало сиять.

– Я сожалею, Франсеска, – пробормотал Бернат, когда, с трудом поднявшись по лестнице, приблизился к ней в сопровождении солдата.

Он спустил штаны и стал на колени рядом с женой.

Девушка продолжала лежать неподвижно.

Бернат посмотрел на свой свисающий член и подумал о том, сможет ли он выполнить приказ своего сеньора. Он протянул руку и мягко провел пальцем по голому бедру Франсески.

Франсеска не ответила.

– Я должен... мы должны это сделать, – настаивал Бернат, беря ее за руку, чтобы повернуть к себе.

– Не прикасайся ко мне! – крикнула Франсеска, выходя из оцепенения.

– С меня спустят шкуру! – Бернат с силой перевернул жену, прижимая к себе ее голое тело.

– Оставь меня!

Они боролись, пока Бернату не удалось схватить ее за оба запястья и немного приподнять. Несмотря на это, Франсеска сопротивлялась.

– Если не я, придет другой! – шепнул он ей. – Придет другой, который... возьмет тебя силой!

В глазах девушки читалось осуждение. Она отвернулась от него.

– С меня снимут шкуру, – с мольбой шептал он. – С меня снимут шкуру...

Франсеска не прекращала бороться, и Бернат набросился на нее с новой силой. Слез девушки было недостаточно, чтобы охладить желание, пробудившееся в Бернате от прикосновения к молодому телу, и он вошел в нее, не обращая внимания на то, что Франсеска кричала во весь голос.

Эти вопли удовлетворили солдата, следившего за Бернатов. Он без всякого стыда наблюдал за этой сценой, стоя на лестнице.

Бернат еще не закончил, когда Франсеска прекратила сопротивление. Постепенно ее крики сменились всхлипываниями.

Плач жены беспрестанно звучал в ушах Берната...

Солнце достигло зенита.

Льоренс де Бельера, услышав отчаянные крики, доносившиеся с третьего этажа, дождался подтверждения солдата, что супружеский долг исполнен, и потребовал лошадей. Зловещая компания покинула дом. Большая часть гостей, подавленных ужасным зрелищем, последовала его примеру.

Тишина наполнила комнату.

Бернат, лежа на истерзанной жене, не знал, что ему делать. Лишь осознав, что по-прежнему с силой держит Франсеску за плечи, он отпустил ее, чтобы опереться на тюфяк, но тут же обессиленно повалился рядом с ней. Повинуясь инстинкту, он вновь приподнялся, вытягивая руки, чтобы опереться на них, и встретился взглядом с пустыми глазами Франсески, которая, казалось, смотрела сквозь него. Любое движение причиняло ей новую боль. Бернат всем сердцем сочувствовал Франсеске, но не знал, что сделать, чтобы она перестала мучиться. Он готов был взлететь, лишь бы оторваться от Франсески и больше не соприкасаться с ней.

Наконец Бернат поднялся и тут же опустился на колени рядом с женой. Но и теперь он не знал, что делать: лечь рядом, уйти из комнаты или попытаться оправдаться...

Он отвел глаза от тела Франсески, повалился на спину и, лежа с открытым ртом, подумал о том, как непристойно он сейчас выглядит. Проведя ладонью по своему лицу, Бернат опустил глаза, и вид голого члена внезапно заставил его устыдиться.

– Я сожа...

Неожиданное движение Франсески застало его врасплох. Девушка повернулась к нему лицом. Бернат попытался найти понимание в ее взгляде, но ее лицо было совершенно отрешенным.

– Я сожалею... – опять начал он, но Франсеска продолжала смотреть на него все тем же бессмысленным взглядом, – я сожалею, очень сожалею. С меня... с меня бы шкуру спустили, – бормотал он.

Бернат вспомнил сеньора Наварклеса, стоящего с вытянутой рукой в ожидании кнута, и вновь стал вглядываться в безучастное лицо Франсески. В ее глазах он вдруг почувствовал страх: они беззвучно кричали – так же, как недавно кричала она сама.

Инстинктивно, желая дать понять, что он всем сердцем сочувствует ей, Бернат протянул руку к щеке Франсески, как будто перед ним был ребенок.

– Я... – начал было он, но, внезапно осекшись, замолчал, так и не прикоснувшись к жене.

Когда его пальцы приблизились к ней, все мышцы Франсески напряглись. Бернат закрыл ладонью свое лицо и заплакал.

Франсеска оставалась лежать без движения, на ее лице застыло потерянное выражение...

Бернат перестал плакать, поднялся, надел штаны и скрылся в проеме, который вел на нижний этаж.

Когда его шаги затихли, Франсеска встала и подошла к сундуку, единственному предмету мебели в спальне, в который складывали белье. Одевшись, она собрала свои разорванные вещи, среди которых была ее драгоценная белая льняная рубашка, аккуратно сложила ее – лоскуток к лоскутку – и спрятала в сундук.

2

Франсеска бродила по дому как неприкаянная.

Она выполняла домашние обязанности, но делала это в полной тишине, источая неизбывное горе, которое вскоре овладело всем домом Эстаньолов, вплоть до самого потаенного уголка.

Множество раз Бернат пытался попросить у нее прощения за случившееся. После того как прошел ужас, охвативший его и всех селян в день их свадьбы, Бернат смог пространно объяснить, что им двигало: прежде всего, это был страх перед жестокостью сеньора, а также мысль о последствиях, которые мог бы повлечь за собой отказ повиноваться, как для него самого, так и для нее. Но эти «я сожалею», тысячи «я сожалею», которые раз за разом произносил Бернат, обращаясь к Франсеске, приводили лишь к тому, что она смотрела и слушала его, не проронив ни слова, как будто ожидала момента, когда он в своих аргументах дойдет до самого главного: «Пришел бы другой. Если бы не я, то это сделал бы другой...»

Однако Бернат молчал, чувствуя, что любое оправдание теряет смысл, воспоминание о насилии вновь и вновь становилось между ними непреодолимой стеной. Эти «я сожалею», попытки оправдаться и молчание в ответ, конечно, затягивали рану, которую Бернат хотел залечить во что бы то ни стало, да и угрызения совести растворялись в каждодневных заботах, но Франсеска оставалась равнодушной, и Бернат, вконец отчаявшись, опустил руки...

Каждое утро, на рассвете, когда Бернат поднимался, чтобы приняться за тяжелую крестьянскую работу, он выглядывал из окна спальни. Он всегда так делал, как и его отец, который даже в последние дни, опираясь на широкий каменный подоконник, смотрел на небо, чтобы предугадать, какой день их ожидает. Вместе с отцом он оглядывал земли, плодородные, четко очерченные вспашкой, так что был виден каждый участок. Поля простирались на бесконечной равнине, начинавшейся у подножия дома. Они наблюдали за птицами и внимательно прислушивались к звукам, которые издавали животные на подворье. Это были короткие моменты единения отца и сына, а также обоих Эстаньолов с их землями – те редкие минуты, когда казалось, что к отцу возвращается рассудок.

Прислушиваясь, как жена хлопочет по хозяйству этажом ниже, Бернат мечтал разделить с ней эти мгновения, а не переживать их в одиночестве. Ему хотелось рассказать ей о том, что он когда-то услышал из уст своего отца, а тот узнал от своего – и так на протяжении многих поколений.

Он мечтал, что расскажет ей о времени, когда эти земли были свободны от ленных повинностей и принадлежали Эстаньолам. О том, как его предки возделывали их с радостью и любовью, собирая выращенный урожай и чувствуя себя уверенными оттого, что не надо было платить оброк или налоги и склонять голову перед сеньорами, надменными и несправедливыми. Он мечтал поделиться с ней, его женой, будущей матерью наследников этих полей, той же грустью, какой его отец делился с ним, когда рассказывал о причинах, из-за которых сейчас, триста лет спустя, дети, рожденные ею, вынуждены будут стать рабами. Ему хотелось с гордостью поведать ей, как триста лет тому назад Эстаньолы, наряду с другими, такими же, как они, держали оружие в своих домах, как они, чувствуя себя свободными и независимыми, были готовы прибыть по приказу графа Рамона Борреля и его брата Эрменголя Уржелского на защиту старой Каталонии от набегов сарацин. Ему хотелось рассказать ей, как по велению графа Рамона несколько Эстаньолов попали в победоносное войско, разгромившее сарацин Кордовского халифата у Альбезы, за Балагером, на Уржелской равнине. Его отец рассказывал об этом с блеском в глазах, но как только старик вспоминал о смерти графа Рамона Борреля в 1017 году, его возбуждение переходило в уныние. Судя по рассказам, именно эта смерть превратила их в рабов: сын графа Рамона Борреля в пятнадцать лет занял место отца; его мать,

Эрмессенда Каркассонская, стала регентшей; а бароны Каталонии – те самые, которые плечом к плечу сражались с крестьянами, – когда границам графства уже ничего не угрожало, воспользовались безвластием, чтобы обобрать крестьян, убить тех, кто не уступал своего имущества, и стать владельцами земель, позволив бывшим хозяевам обрабатывать их и платить сеньору частью своего труда. Эстаньолы уступили, как и многие другие, но огромное количество крестьянских семей были жестоко убиты.

– Будучи свободными людьми, – говорил ему отец, – мы, крестьяне, боролись рядом с кабальеро, пешим порядком разумеется, против мавров, но так и не смогли противостоять сеньорам. И когда последующие графы Барселоны захотели вернуть себе бразды правления над каталонским графством, они столкнулись с богатой и могущественной знатью, вынудившей их заключить соглашение – опять же за счет крестьян. Сначала это были земли старой Каталонии, а потом мы поплатились нашей свободой и честью, а также собственными жизнями...

– Речь идет о твоих дедах, – уточнял он дрожащим голосом, не переставая смотреть на землю, – которые утратили свободу, став сервами. Им запретили покидать свои поля, их превратили в рабов, привязав к земельным наделам, так же как и их детей, как меня, и внуков, как тебя. Наша жизнь... твоя жизнь находится в руках сеньора, который вершит суд и имеет право дурно обращаться с нами и оскорблять нашу честь. Мы даже не можем защитить себя!

Если кто-нибудь обидит тебя, ты вынужден обращаться к своему сеньору, чтобы возместили ущерб, и если он согласится, тебе придется отдать ему половину возмещенного.

Отец очень часто рассказывал ему о многочисленных правах сеньора, и Бернат, который никогда не осмеливался прерывать его гневный монолог, хорошо запомнил все, что услышал во время этих бесед.

Сеньор в любой момент мог потребовать от серва клятвы в верности. Он имел право отобрать часть имущества у серва, если тот умер, не оставив завещания, или если серв был бездетным; если его жена совершила прелюбодеяние; если был пожар в его доме; если он закладывал дом; если венчался с подневольной крестьянкой другого сеньора и, разумеется, если он хотел уйти от своего сеньора. Сеньор мог переспать с невестой серва в первую брачную ночь; мог потребовать от женщин вскармливать грудью его детей или чтобы дочери подневольных людей прислуживали в замке. Сервы должны бесплатно обрабатывать земли сеньора, принимать участие в защите замка, платить ему частью урожая со своих усадеб, принимать сеньора или его посыльных у себя в домах и кормить их во время постоя, платить за использование лесов или пастбищ, платить вперед за возможность пользоваться кузницей, пекарней или мельницей сеньора, посылать ему подарки на Рождество и прочие праздники.

– А что же Церковь?

Когда его отец задавал себе этот вопрос, то приходил в еще большую ярость.

– Иноки, монахи, священники, дьяконы, архидьяконы, каноники, аббаты, епископы, – гневно восклицал он, – все они такие же феодалы! Они даже запретили крестьянам принимать сан, чтобы мы не сбежали с наших земель и чтобы таким образом сделать наше услужение вечным!

– Бернат, – предупреждал он сына со всей серьезностью в те моменты, когда размышления о Церкви доводили его до белого каления, – никогда не верь тому, кто будет пытаться убедить тебя, что надо служить Богу. С тобой будут говорить спокойно, произнося добрые, возвышенные слова, которые ты не сможешь понять. Тебе будут приводить такие аргументы, которые только они умеют придумывать, чтобы завладеть твоим разумом и волей. Все эти священники постараются предстать перед тобой добропорядочными людьми, они будут говорить, что хотят спасти нас от лукавого и искушения, но на самом деле их мнение о нас давно известно, и все эти солдаты воинства Христова, как они себя называют, преданно следуют тому, что написано в книгах. Их слова – это оправдания, а доводы годятся лишь для несмышленных.

Бернат вспомнил, как однажды, во время одной из таких бесед, он спросил отца:

– А что говорится в их книгах о нас, крестьянах?

Отец направил свой взор вдаль, туда, где поля сливались с небом, потому что ему не хотелось смотреть в ту сторону, где обитал тот, от чьего имени говорили люди, облаченные в сутаны.

– В них утверждается, будто мы – чернь, животные, не способные понять, что такое хорошее обращение. В них говорится, что мы ужасны и отвратительны, бессовестны и невежественны, жестоки и упрямы, а потому не заслуживаем никакого снисхождения. Мы, считают все эти святоши, недостойны уважения, поскольку не можем ценить его и готовы воспринимать что-либо только под угрозой силы. Они говорят...¹

– Отец, а мы действительно такие?

– Сынок, в *таких* они хотят нас превратить.

– Но вы же молитесь каждый день, и когда умерла мать...

– Мы молимся Святой Деве, сынок, – перебил его старик. – Она не имеет ничего общего с монахами и священниками. В нее можно верить, не сомневаясь ни секунды.

Бернату Эстаньолу хотелось бы так же облакачиваться на подоконник по утрам и разговаривать со своей молодой женой – рассказывать ей то, что рассказал ему отец, и вместе с ней смотреть на поля...

В оставшиеся дни сентября и в продолжение всего октября Бернат запрягал пару волов и обрабатывал поля, срывая и поднимая твердую корку, покрывшую их, чтобы солнце, воздух и удобрения обновляли землю.

Затем с помощью Франсески он засеял пашню: жена шла с корзиной, разбрасывая семена, а он с упряжкой волов сначала перепаживал, а потом ровнял уже засеянную землю тяжелой бороной. Работали молча, молчание лишь изредка прерывалось покрякиванием Берната на волов, которое раскатывалось по всей равнине. Бернат думал, что совместная работа сблизит их хоть немного. Но нет – Франсеска оставалась безразличной: она несла корзину и разбрасывала семена, даже не глядя на него...

Наступил ноябрь, и Бернат принялся за работу, которую обычно делали в это время: выпасал свиней перед убоем, собирал хворост для дома, удобрял землю, которую предстояло засеять весной, готовил сад, подрезал и прививал виноградники. Когда он возвращался домой, Франсеска уже занималась домашними делами, возилась в саду, кормила кур и кроликов. Каждый вечер жена молча подавала ему ужин и уходила спать; по утрам она поднималась раньше его, а когда Бернат спускался вниз, на столе был готов завтрак и котомка с обедом. Пока он завтракал, было слышно, как она ухаживает за скотиной в хлеву.

Рождество прошло в одно мгновение, а в январе закончился сбор оливок. У Берната было не слишком много оливок, только для нужд дома и уплаты оброка сеньору.

Потом Бернат занялся забоем свиней. Когда был жив отец, соседи, почти не навещавшие Эстаньолов в другое время, никогда не пропускали день забоя. Бернат вспоминал эти дни как настоящие праздники. Сначала забивали свиней, а потом ели и пили, пока женщины занимались мясом.

Незадолго до родов однажды утром к нему в дом явилась семья Эстеве: отец, мать и двое из братьев. Бернат встретил их во дворе, Франсеска стояла за ним.

– Как ты, дочка? – спросила мать.

Франсеска не ответила, но позволила себя обнять. Бернат наблюдал за этой сценой: мать, соскучившись, обнимала дочь, ожидая, что та тоже ее обнимет. Но Франсеска этого не сделала и продолжала стоять как вкопанная.

Бернат перевел взгляд на тестя.

¹ Из «Lo Crestià» (кат. «Христианин») Франсеска Эшимениса. – Примеч. автора.

– Франсеска, – только и сказал Пере Эстеве, глядя куда-то вдаль, мимо дочери. Братья поприветствовали сестру взмахом руки.

Франсеска, не проронив ни слова, пошла в хлев за свиньей; остальные замерли в ожидании. Никто не осмеливался заговорить, и лишь одно глухое всхлипывание матери нарушило молчание. Бернат хотел было успокоить тещу, но удержался, увидев, что ни муж, ни сыновья не сделали этого.

Франсеска появилась со свиньей, которая упиралась, как будто знала, какая судьба ей уготована, и молча отдала ее мужу. Бернат и оба брата Франсески уложили свинью и сели на нее.

Пронзительный визг животного разнесся по всей долине Эстаньолов. Пере Эстеве забил ее одним точным ударом, и все молча ждали, пока кровь животного стекала в кружки, которые женщины меняли по мере их наполнения. Они старались не смотреть друг на друга.

Мужчины даже не выпили по стакану вина, пока мать и дочь занимались уже разделанной тушей.

По окончании работы, когда стало смеркаться, мать попыталась снова обнять дочь. Бернат смотрел на это, ожидая увидеть реакцию со стороны Франсески, но та осталась такой же безучастной, как и всегда. Ее отец и братья попрощались, стыдливо опустив глаза. Мать подошла к Бернату.

– Когда ты увидишь, что начинаются роды, – сказала она, отводя его в сторонку, – пошли за мной, я не думаю, что она сама справится.

Эстеве отправились домой.

В ту ночь, когда Франсеска поднималась по лестнице в спальню, Бернат не мог оторвать взгляда от ее живота...

В конце мая был первый день жатвы, Бернат осматривал свои поля с серпом за плечом. Удастся ли ему собрать весь урожай без потерь? Вот уже пятнадцать дней, как он запретил Франсеске любую тяжелую работу, потому что у нее уже было два обморока.

Она молча выслушала его приказ и подчинилась.

Бернат снова осмотрел бескрайние поля, которые его ожидали.

Время от времени он спрашивал себя: «А если это будет не мой ребенок?» Зачастую женщины-крестьянки рожали прямо в поле во время работы, но, увидев, как она упала один раз, а потом второй, Бернат не мог не обеспокоиться...

Бернат сжал серп и с силой размахнулся. Колосья взлетели в воздух.

Был уже полдень, но он даже не остановился пообедать. Поле казалось необъятным. Он всегда жал вместе с отцом, даже когда тот ослаб. Сжатые колосья как будто возвращали ему утраченные силы. «Давай, сынок! – подбадривал отец. – Не нужно ждать, пока ураган или град испортит зерно». И они жали. Когда один уставал, то просил подменить его. Ели в тени и пили хорошее вино, отцовское, выдержанное, болтали, смеялись...

А сейчас был слышен только свист серпа, режущего ветер и колосья; ничего другого, только «с-серп, с-серп, с-серп» – в воздух как будто взмывали вопросы об отцовстве будущего ребенка.

В течение последующих дней Бернат жал до заката солнца; один день он работал даже при лунном свете. Когда он возвращался домой, ужин ждал его на столе. Он мылся в лоханке и ел без аппетита...

Однажды ночью он заметил, как люлька, которую он вырезал зимой, когда беременность Франсески уже не вызывала сомнений, качнулась. Бернат увидел это боковым зрением, но продолжал есть суп.

Франсеска спала этажом выше.

Он снова посмотрел в сторону люльки. Люлька снова закачалась. Бернат стал пристально наблюдать за колыбелью. Он внимательно осмотрел остальную часть помещения, пытаясь найти признаки присутствия тещи...

Но нет. Франсеска, судя по всему, обошлась без чьей-либо помощи, родила сама.

Бернат встал, но не подошел к люльке, а остановился, повернулся и снова сел. Сомнения насчет ребенка овладели им с новой силой. «У всех Эстаньолов есть родинка возле правого глаза, – говорил ему отец. У него она была, у его отца тоже. – У твоего деда была такая же, – уверял его отец, – и у твоего прадеда...»

Берната одолевала усталость: его дни проходили в работе от восхода до заката.

Он снова посмотрел на люльку и наконец решился. Поднявшись, он медленно подошел к младенцу. Ребенок спокойно спал, выпростав ручонки из-под покрывала, сшитого из лоскутков белой льняной рубашки.

Бернат повернул ребенка, чтобы разглядеть его лицо.

3

Франсеска даже не смотрела на сына. Она давала ребенку, которого назвали Арнау, сначала одну грудь, потом другую, но избегала смотреть на него. А ведь Бернат видел, как крестьянки кормят грудью, как у всех – от самой счастливой до самой жалкой – на лице появлялась улыбка, как они опускали веки от блаженства... Некоторые матери ласкают своих детей, пока те сосут молоко. Франсеска вела себя иначе. Она мыла его и кормила, но за два месяца жизни новорожденного Бернат ни разу не слышал, чтобы жена нежно разговаривала с малышом, не видел, чтобы она играла с ним, брала сына за ручки, нежно покусывала его, целовала или ласкала.

«Чем он виноват, Франсеска?» – думал Бернат, когда брал Арнау на руки. Он уносил мальчика подальше от матери, от ее холодности, туда, где можно было поговорить с ним и приласкать его.

Потому что это был его ребенок.

«У всех Эстаньолов она есть, – говорил Бернат, целуя родинку, которая выделялась у Арнау возле правой бровки. – Она есть у всех нас», – повторял он, поднимая ребенка к небу.

Но вскоре эта родинка превратилась в нечто большее для Берната, чем просто знак его рода.

Когда Франсеска ходила выпекать в замок хлеб, женщины приподнимали пеленку, чтобы посмотреть на Арнау. Франсеска позволяла им это делать, а они потом шутили между собой на глазах у пекаря и солдат. Когда же Бернат ходил работать на землях сеньора, крестьяне похлопывали его по плечу и поздравляли в присутствии управляющего, наблюдавшего за работами.

Льоренс де Бельера имел много незаконнорожденных детей, но, разумеется, никаких претензий по этому поводу не возникало. Его отказа было достаточно любой забитой крестьянке, хотя потом, среди друзей, он постоянно хвастался своей мужской силой. Все понимали, что Арнау Эстаньол не был его сыном, и сеньор де Наварклес стал замечать насмешливые улыбки крестьянок, которые приходили на работу в замок; из своих покоев он наблюдал, как они, случайно встретив жену Эстаньола, шушукуются друг с дружкой и даже с солдатами. Слухи просочились за пределы крестьянского круга, и Льоренс де Бельера превратился в объект насмешек со стороны ему равных.

– Ешь больше, Бельера, – как-то сказал ему один барон, когда пришел к нему в гости, – до меня дошли слухи, что тебе не хватает силенок.

Все присутствующие, сидевшие за столом, встретили эту остроту со смехом.

– В моих землях, – заметил другой, – я не позволяю крестьянам ставить под сомнение свою мужскую силу.

– А может, ты запретишь родинки? – продолжил первый, уже будучи под хмельком от выпитого вина.

Шутка послужила поводом для нового взрыва хохота, на что Льоренс де Бельера ответил лишь натянутой улыбкой...

Это случилось в начале августа.

Арнау лежал в своей люльке в тени смоковницы, во дворе, у входа в дом; его мать мелькала то в саду, то во дворе, а отец, постоянно поглядывая на деревянную люльку, водил за собой волов по разбросанным на эспланаде колосьям, чтобы выбить из них драгоценное зерно, которое будет кормить их в течение года.

Он не услышал, как к дому подъехали непрошенные гости.

Трое всадников на крупных боевых лошадях галопом ворвались во двор: управляющий и двое вооруженных людей. Бернат обратил внимание, что лошади не были в полном боевом

снаряжении, как при обычном сопровождении сеньора. Возможно, их не сочли нужным снарядить для того, чтобы запугать простого крестьянина. Управляющий остановился немного поодаль, а двое других, когда лошади перешли на шаг, пришпоривали их вплоть до того места, где стоял Бернат. Лошади, приученные к боям, не остановились и набросились на него. Бернат пытался отступить, но спотыкался на каждом шагу и в конце концов упал на землю, под копыта возбужденных животных.

Лишь тогда всадники остановили их.

– Твой сеньор Льоренс де Бельера, – крикнул управляющий, – требует, чтобы твоя жена пришла на службу кормить грудью донна Жауме, сына сеньоры Катерины!

Бернат хотел было подняться, но в это время один из всадников вновь хлестнул лошадь. Управляющий двинулся к тому месту, где стояла Франсеска.

– Возьми своего ребенка и иди с нами! – приказал он ей.

Франсеска взяла Арнау из люльки и пошла, опустив голову, за лошадью управляющего. Бернат закричал и попытался подняться на ноги, но едва ему это удалось, как один из всадников направил на него лошадь и снова свалил на землю. Когда Бернат опять попытался встать, все закончилось тем же: оба всадника, громко смеясь, играли с крестьянином, преследуя его и сбивая с ног.

В конце концов истерзанный Бернат, весь в синяках, остался лежать на земле, в ногах у лошадей, не перестававших покусывать уздечки. Как только управляющий скрылся вдалеке, солдаты развернули лошадей и ускакали прочь.

Когда в доме воцарилась тишина, Бернат посмотрел на облако пыли, тянувшееся за всадниками, а потом перевел взгляд на волов, поедавших колосья, которые они только что топтали.

С того дня Бернат лишь по привычке заботился о животных, работал в поле, но все его мысли были заняты сыном. Ночью он бродил по дому, вспоминая детский голосок, который свидетельствовал о новой жизни и будущем, скрип люльки, когда Арнау ворочался, и громкий плач ребенка, требующего, чтобы его покормили. Вдыхая воздух, наполнявший стены дома, Бернат пытался обнаружить в каком-нибудь уголке невинный запах его сына.

Что с ним? Где он теперь спит?

Его люлька, которую Бернат сделал своими руками, стояла пустая.

Когда несчастному отцу удавалось заснуть, он просыпался от тишины. Тогда Бернат вжимался в тюфяк и проводил время, слушая звуки, доносившиеся с нижнего этажа – там жили животные, которые составляли теперь ему компанию в жизни...

Бернат регулярно ходил в замок Льоренса де Бельеры выпекать хлеб, который раньше носила ему Франсеска.

Заточенная в замке, она была отдана на потребу доньи Катерины и капризного аппетита ее сына.

Замок, как Бернату рассказывал отец, когда они оба должны были ходить туда, вначале был всего лишь сторожевой башней, воздвигнутой на вершине небольшого холма. Предки Льоренса де Бельеры воспользовались отсутствием власти после смерти Рамона Борреля и укрепили будущий замок, чтобы затем заставить крестьян трудиться на их все разрастающихся территориях. Вокруг башни сеньора беспорядочно и бестолково возвели пекарню, кузницу, несколько новых больших конюшен, амбары, кухни и другие подсобные помещения.

Замок Льоренса де Бельеры находился на расстоянии свыше одной лиги от дома Эстаньолов. Первые несколько недель Бернат не мог ничего узнать о своем сыне. Кого бы он ни спрашивал, ответ был один и тот же: его жена с ребенком находятся в личных покоях доньи Катерины. Одни цинично смеялись, отвечая ему, а другие опускали взгляд, как будто не хотели смотреть в глаза отцу ребенка. Бернат терпел эти унижения целый месяц, пока однажды, когда

он выходил из пекарни с двумя буханками из бобовой муки, не столкнулся с чумазым подмастерьем кузнеца, у которого при случае спрашивал о малыше.

– Ты что-нибудь знаешь о моем Арнау? – осведомился он.

Рядом никого не было. Мальчишка хотел было увильнуть в сторону, притворяясь, что не услышал вопроса, но Бернат схватил его за руку:

– Я спросил, знаешь ли ты что-нибудь о моем Арнау?

– Твоя жена и твой сын... – начал тот, опустив глаза.

– Я знаю, где они, – перебил его Бернат. – Я тебя спрашиваю, с моим Арнау все в порядке? Паренек устался в землю, рисуя ногой на песке. Бернат его не отпускал.

– С ним все в порядке?

Почувствовав, что Бернат на грани срыва, подмастерье испугался.

– Нет! – крикнул мальчик и повторил: – Нет...

Бернат чуть отступил, в глазах несчастного отца читался немой вопрос. Не выдержав затянувшейся паузы, Бернат снова спросил:

– Что с ребенком?

– Не могу... Нам приказано не говорить тебе... – Голос мальчика надломился.

Бернат снова сжал его руку и заговорил громче, не задумываясь о том, что может привлечь внимание охраны:

– Что с моим сыном? Что с ним? Отвечай!

– Не могу, нам нельзя...

– Может, ты изменишь свое решение? – Бернат протянул подростку краюху хлеба.

Глаза подмастерья расширились. Не отвечая, он схватил хлеб из рук Берната и откусил такой большой кусок, словно не ел несколько дней. Бернат отвел его в сторонку, подальше от любопытных взглядов.

– Что с моим Арнау? – спросил он с нетерпением.

Мальчик, стоя с набитым ртом, жестами показал, чтобы тот следовал за ним. Они шли, прижимаясь к стенам, стараясь не попадаться на глаза слугам сеньора.

Приблизившись к кузнице, они нырнули в дверной проем, и подмастерье открыл дверь каморки, в которой хранились материалы и инструменты. Не входя, мальчик сел на землю и набросился на остатки хлеба. Бернат осмотрел каморку.

Жара стояла невыносимая. Он не сразу понял, почему подмастерье привел его сюда: здесь только инструменты и старое железо...

Бернат бросил на мальчика недоуменный взгляд. Тот, продолжая с упоением жевать, кивнул в сторону темного угла, дав понять, чтобы он шел туда.

Там, на каких-то бревнах, в поломанной плетеной корзине, брошенный и некормленный, лежал ребенок, ожидая смерти. Белая льняная рубашонка была грязной и изорванной. Бернат даже не смог выдать крик, который рвался из горла. Это было глухое рыдание, мало похожее на человеческое...

Он схватил Арнау и прижал его к себе. Малыш чуть пошевелился, очень слабо, но пошевелился!

– Сеньор приказал, чтобы ребенок оставался здесь, – услышал Бернат голос подмастерья. – Поначалу твоя жена приходила сюда по нескольку раз в день, чтобы покормить и успокоить его.

Глядя, как Бернат со слезами на глазах прижимает к груди тельце несчастного сына и пытается вдохнуть в него жизнь, подмастерье продолжил:

– Но потом... Первым был управляющий, твоя жена сопротивлялась и кричала... я все видел, это произошло в кузнице. – Он показал отверстие в дощатой перегородке. – Но управляющий очень сильный... Когда все закончилось, вошел сеньор с солдатами. Твоя жена лежала на полу, и сеньор начал над ней издеваться. Затем стали хохотать все. С тех пор каждый раз,

когда твоя жена приходила кормить ребенка, солдаты поджидали ее у двери. У нее не было сил сопротивляться. Вот уже несколько дней, как я ее не видел: она теперь появляется здесь редко. Солдаты... любой из них... хватают ее, как только она выходит из покоев доньи Катерины. И у нее уже нет времени дойти сюда. Иногда за всем этим наблюдает сеньор, но он только усмехается.

Не раздумывая ни минуты, Бернат поднял свою рубашку и спрятал под нее тельце сына, замаскировав его оставшейся буханкой хлеба. Малыш даже не шелохнулся. Подмастерье стремительно бросился к Бернату, когда увидел, что тот направился к двери:

– Сеньор запретил. Нельзя!..

– Отойди!

Мальчик попытался опередить его, но Бернат шел напролом, стиснув зубы. Придерживая левой рукой буханку хлеба и маленького Арнау, он схватил правой металлический прут, висевший на стене, и в отчаянии размахнулся. Прут опустился на голову мальчика как раз в тот момент, когда он уже выбежал из каморки.

Подмастерье рухнул на пол, не успев произнести ни слова.

Бернат, даже не посмотрев на него, закрыл за собой дверь.

Выйти из замка Льоренса де Бельеры не составило труда. Никто не мог подумать, что под рубахой у Берната спрятано исхудавшее тельце его сына. Проходя через крепостные ворота, он вспомнил о Франсеске и солдатах. В душе он был возмущен тем, что она даже не попыталась сообщить ему, в какой опасности находится их ребенок, что она не боролась за Арнау...

Прижимая к себе сына, Бернат с горечью думал о жене, которую насиловали солдаты, пока Арнау ожидал смерти в замызганной корзине.

Почему он не встретил мальчугана-подмастерья раньше? Может, он умер? Закрыл ли он дверь в каморку?

Эти вопросы то и дело возникали в голове Берната, когда он бросился в обратный путь.

Да, он закрыл дверь.

Он с трудом вспомнил, что сделал это.

Когда Бернат свернул в сторону и скрылся за первым поворотом извилистой тропинки, которая шла от замка, он достал из-под рубашки сына. Тусклые глаза ребенка казались неживыми. Малыш весил не больше буханки хлеба! Его ручки и ножки были такими худенькими...

Что-то перевернулось в душе Берната, колючий комок подступил к горлу, а из глаз потекли слезы. Но он приказал себе не плакать, потому что знал: за ними обязательно будет погоня, спустят собак и...

А если ребенок не выживет?!

Бернат сошел с тропинки и спрятался в кустарнике. Став на колени, он положил хлеб на землю и, взяв Арнау обеими руками, поднес малыша к своему лицу. Ребенок был неподвижен, его головка свесилась набок.

– Арнау, – прошептал Бернат, нежно прижимая его к себе.

Глазки сына приоткрылись. Поняв, что у ребенка даже нет сил заплакать, Бернат едва сдерживал слезы.

Он положил Арнау на одну руку, отщипнул немного хлеба, смочил его слюной и поднес ко рту ребенка. Арнау не отреагировал, но Бернат не успокоился, пока ему не удалось вложить хлебный мякиш в маленький ротик.

– Глотай, сынок, – умолял Бернат.

Его губы задрожали, когда он увидел, что ребенок сделал глотательное движение. Он отщипнул еще хлеба и терпеливо повторил все сначала. Арнау глотнул снова, а затем еще семь раз.

– Мы выберемся отсюда, – сказал Бернат, – я тебе обещаю.

Взяв малыша на руки, он снова продолжил путь.

Пока все было спокойно.

Скорее всего, мальчишку-подмастерья еще не нашли. На мгновение он подумал о Льюренсе де Бельере, жестоком, бессовестном, неумолимом. С каким удовольствием он начнет погоню за Эстаньолом и его травлю!

– Мы выберемся отсюда, Арнау, – повторил Бернат, бросившись бежать в сторону своей усадьбы.

Он мчался без оглядки. Оказавшись дома, Бернат не дал себе отдохнуть ни минуты: положил Арнау в люльку, взял мешок и стал складывать в него манную крупу, сушеные овощи, бурдюк с водой и еще один – с молоком, солонину, миску, ложку и одежду, деньги, которые он припрятал, нож и арбалет...

«Как гордился отец этим арбалетом!» – думал он, беря оружие в руки. Отец сражался вместе с графом Рамоном Боррелем, когда Эстаньолы еще были свободными. Говоря о свободе, отец показывал Бернату, как пользоваться этим оружием.

Свободные! Бернат привязал ребенка к груди и взял приготовленные вещи. Он всегда будет рабом, если не...

– Побудем пока беглецами, – говорил Бернат сыну, отправляясь в горы. – Никто не знает эти горы лучше Эстаньолов, – бормотал он, проходя между деревьями. – Мы всегда охотились в этих местах, понял?

Бернат пробирался сквозь заросли кустарника к речушке, затем вошел в нее и направился вверх по течению.

Арнау закрыл глазки и спал, но Бернат продолжал беседовать с ним:

– Собаки сеньора не возьмут след, их слишком испортили. Мы поднимемся в горы, туда, где лес становится гуще, там на лошади не проедешь.

Бернат гладил сына по головке, поднимаясь все выше и выше по реке.

– Сеньоры охотятся только на лошадях и никогда не добираются до этого места, остерегаясь порвать себе одежду. А солдаты... зачем им идти сюда на охоту? Забирать у нас пищу? Так у них ее достаточно. Мы спрячемся, Арнау. Никто не сможет найти нас, клянусь тебе.

Под вечер он сделал остановку. Лес стал таким густым, что ветки, нависавшие над речушкой, полностью закрывали небо. Бернат присел на камень и посмотрел на ноги, побелевшие и сморщившиеся от воды. Лишь теперь он почувствовал боль, но ему было все равно. Он сбросил с плеч мешок и развязал Арнау. Ребенок открыл глаза. Бернат развел молоко водой, добавил в него манку и, размешав, приложил миску к губам малыша.

Арнау оттолкнул ее с недовольной гримаской. Бернат вымыл свой палец в речушке, обмакнул его в смесь и повторил все заново. После нескольких попыток Арнау открыл ротик и стал сосать отцовский палец, пока не насытился; потом малыш закрыл глаза и заснул.

Бернат тоже перекусил – съел немного солонины. Ему очень хотелось отдохнуть, но впереди был долгий путь.

В пещеру Эстаньолов – так называл ее отец Берната – они добрались через несколько часов, когда уже опустились сумерки. До этого Бернат сделал еще одну остановку, чтобы накормить Арнау. Входить в пещеру нужно было через расщелину, спрятанную среди камней. Бернат, его отец, а также дед закрывали ее изнутри стволами деревьев, если нужно было поспать, спрятавшись от непогоды или диких зверей в те дни, когда они выходили поохотиться.

Он зажег огонь у входа в пещеру и вошел туда с факелом, чтобы убедиться, что она не занята каким-нибудь животным. Уложив Арнау на тюфяк, сделанный из мешка, расстеленного на сухих ветках, он снова покормил его. Малыш не сопротивлялся и после еды крепко заснул, как и Бернат, который, совершенно обессиленный, даже не притронулся к солонине. «Здесь мы в безопасности», – подумал он, прежде чем закрыть глаза и засопеть в такт с сыном...

Льоренс де Бельера вместе со своими людьми бросился в погоню, как только кузнец обнаружил мертвого подмастерья, лежащего в луже крови. Исчезновение ребенка и тот факт, что его отца видели в замке, указывали на Берната.

Сеньор де Наварклес, сидя на лошади, ожидал перед дверью дома Эстаньола.

Когда его люди сказали, что внутри все перевернуто и, по-видимому, Бернат бежал с сыном, он криво улыбнулся и процедил сквозь зубы:

– После смерти отца ты освободился, но зато теперь усадьба станет моей. Обыскать дом! – крикнул он своим людям. А потом повернулся к управляющему. – Сделай опись всего имущества и животных, да смотри, чтобы не пропало ни одного зернышка. А потом ищите Берната!

Несколько дней спустя управляющий предстал перед сеньором в башне замка.

– Мы обыскали все остальные дома, леса и поля, – доложил он, – но Эстаньола и след пропал. Он, наверное, бежал в какой-нибудь город, может быть в Манресу или в...

Льоренс де Бельера жестом приказал ему замолчать.

– Скоро он попадется. Следует уведомить прочих сеньоров и наших людей в городах. Сообщи им, что с моих земель бежал серв и его следует задержать.

В этот момент появились донья Катерина и Франсеска с сыном сеньора на руках. Льоренс де Бельера посмотрел на кормилицу: она была ему больше не нужна.

– Сеньора, – обратился он к супруге, – я не понимаю, как вы позволяете какой-то шлюхе кормить грудью моего сына Жауме?!

Донья Катерина вздрогнула.

– Или вы не знаете, что эта женщина таскается со всей солдатней?

Донья Катерина выхватила сына из рук кормилицы.

Когда Франсеска узнала, что Бернат бежал с Арнау, она только и думала о том, что случилось с ее малышом. Земля и собственность Эстаньолов принадлежали теперь сеньору де Бельере. Ей не к кому было идти, а солдаты по-прежнему пользовались любым моментом, чтобы совершить над ней насилие. Кусок черствого хлеба, подгнившие овощи, иногда возможность погрызть кость – такова была цена ее тела.

Никто из многочисленных крестьян, приходивших в замок, не достаивал ее даже взглядом. Как-то Франсеска попыталась подойти к одному из них, но тот отвернулся от нее. Она не осмелилась вернуться в отчий дом, потому что мать отвергла ее при всех, когда приходила в пекарню. Вскоре молодая женщина вынуждена была побираться невдалеке от замка, как и другие нищенки, которые бродили у его стен, роясь в отбросах.

Казалось, теперь судьба Франсески состояла в том, чтобы ходить по рукам в обмен на объедки со стола того, кто выберет ее в этот день...

Наступил сентябрь.

Бернат уже мог наблюдать, как улыбается его сын, как он ползает по пещере и возле нее. Однако запас провизии заканчивался, приближалась зима, и пришло время уходить...

4

Город простирался у их ног.

– Смотри, Арнау, – сказал Бернат мирно спавшему ребенку, привязанному к его груди, – это Барселона. Здесь мы будем свободными.

С самого начала Бернат не переставал думать об этом городе – великой надежде всех сервов. Бернат слышал, как люди рассказывали о нем, когда шли обрабатывать земли сеньора де Бельеры, или ремонтировать стены замка, или выполнять какую-нибудь другую работу для своего господина. Они всегда были начеку, стараясь, чтобы управляющий или солдаты их не услышали, но эти перешептывания вызывали у Берната обычное для ребенка любопытство. Он был счастлив на своей земле и никогда бы не покинул отца. Бежать с ним он тоже не смог бы. Но теперь, потеряв все, что у него было, он смотрел по ночам на спящего сына и вновь вспоминал каждое слово о Барселоне. Время, проведенное в пещере, прошло в размышлениях о будущем.

«Если удастся прожить в этом городе год и один день, не будучи задержанным сеньором, – вспоминал он услышанное, – можно получить право на гражданство и стать свободным». Тут сервы многозначительно умолкали. Бернат смотрел на них: у некоторых глаза были закрыты, а губы сжаты, другие отрицательно качали головой, остальные улыбались, глядя в небо.

– И нужно только пожить в этом городе? – нарушил молчание один парень, из тех, кто смотрел в небо и наверняка мечтал разбить цепи, приковавшие его к земле. – Почему в Барселоне можно получить свободу?

Самый старший из сервов после паузы ответил ему:

– Да, больше ничего не требуется. Только прожить в городе весь этот период.

Увидев, как у парня загорелись глаза, он продолжил:

– Барселона очень богатая. Многие годы, начиная с Хайме I Завоевателя и до Педро Великого, короли брали у города деньги взаймы для войн и для своего двора. В течение всех этих лет жители Барселоны давали деньги из городской казны в обмен на особые привилегии, пока сам Педро Великий в войне против Сицилии не свел их все в один кодекс... – Старик помолчал и произнес запинаясь: – *Recognoverunt proceres* – по-моему, так он называется. Именно там говорится, что мы можем получить свободу. Барселоне нужны работники, свободные граждане.

На следующий день парень не пришел на работу в указанный сеньором час.

И через день тоже.

Отец сбежавшего парня продолжал работать на своем месте. Три месяца спустя его сына привели в оковах. Он шел, понукаемый кнутом, но все видели, что его глаза блестели от гордости за свой поступок...

С высоты хребта Кольсерола, стоя на древнеримской дороге, которая соединяет Ампурыас с Таррагоной, Бернат любовался простором и... морем!

Он никогда не видел и даже не мог себе представить такого бескрайнего пространства. Конечно, он знал, что за морем находились каталонские земли, так рассказывали купцы, но ему впервые пришлось увидеть нечто такое, чему не было видно конца.

«За той горой...», «за той рекой...» Бернат всегда мог показать дорогу или место незнакомцу, который обращался к нему за помощью.

Сейчас он всматривался в горизонт, сливающийся с водой. Некоторое время он стоял неподвижно, глядя непослушные кудряшки малыша, которые выросли, пока они жили на горе.

Затем он обратил свой взгляд туда, где море сходилось с землей. Пять кораблей стояли у берега, возле островка Маянс. До этого дня Бернат видел только картинки с кораблями. Справа от него возвышалась гора Монжуик, тоже едва касающаяся моря; у подножия ее склона распростерлись равнинные поля, а дальше раскинулась Барселона.

В центре города возвышался холм Табер, а вокруг были разбросаны сотни строений. Некоторые – низкие, терявшиеся среди соседних зданий, а другие – величественные: дворцы, церкви, монастыри...

Бернат удивлялся: как много людей, должно быть, живет здесь! Барселона, окруженная со всех сторон, кроме моря, стенами, напоминала улей. Сорок тысяч жителей, слышал он, населяли город. А дальше, за городскими стенами, простирались поля...

– Как они найдут нас среди сорока тысяч человек? – пробормотал Бернат, глядя на Арнау. – Ты будешь свободным, сынок.

Здесь они, несомненно, смогут скрыться, и он попытается найти сестру. Но Бернат понимал, что сначала ему нужно пройти через ворота. А вдруг сеньор де Бельера разослал описание его внешности?

Эта родинка...

Он думал об этом все три ночи пути, после того как они с сыном покинули пещеру.

Бернат присел на землю и взял зайца, которого подстрелил из арбалета. Он перерезал ему горло и дал крови стечь на ладонь, на которой держал небольшую кучку песка. Когда смесь начала подсыхать, он растер ее над правым глазом. Потом спрятал зайца в мешок. Почувствовав, что смесь засохла и он не может открыть глаз, Бернат начал спускаться по направлению к воротам Санта-Анна, расположенным в северной части городской стены.

Вереница людей стояла в ожидании, чтобы пройти в город. С трудом волоча ноги, Бернат стал в очередь. Он старался быть начеку и не переставал поглаживать ребенка, который к этому времени проснулся. Один босоногий крестьянин, согнувшись под тяжестью огромного мешка с репой, посмотрел в сторону Берната.

Бернат улыбнулся ему.

– Проказа! – закричал крестьянин и, бросив мешок, отскочил в сторону.

Бернат увидел, как вся очередь в одно мгновение разбежалась до самых ворот. Все отошли от него, давая ему пройти по дороге, заставленной повозками с разной утварью и едой. Слепые, которые обычно просили милостыню у ворот Санта-Анна, тоже зашевелились от неожиданных криков.

Арнау заплакал, и Бернат увидел, как солдаты вынули мечи из ножен и стали закрывать ворота.

– Иди в лепрозорий! – крикнул кто-то за его спиной.

– Это не проказа! – запротестовал Бернат. – Просто ветка ударила меня в глаз! Смотрите! – Бернат поднял руки и замахал ими. Затем он положил Арнау на землю и принялся раздеваться. – Смотрите! – повторил он, показывая свое тело, крепкое, без единого пятнышка, без язв или следов от них. – Смотрите! Я всего лишь крестьянин, но мне нужен врач, чтобы вылечить глаз, иначе я не смогу работать дальше.

Один из солдат (офицеру пришлось подтолкнуть его в спину) подошел к Бернату и остановился в нескольких шагах, внимательно осматривая его торс.

– Повернись кругом, – приказал он, делая пальцем вращательное движение.

Бернат подчинился.

Солдат вернулся к офицеру и покачал головой.

– А ребенок? – спросил офицер, указывая мечом на узелок, стоящий у ног Берната.

Бернат нагнулся, чтобы поднять Арнау. Он раздел ребенка и, прижимая его лицом к своей груди, показал тельце малыша, одновременно прикрывая пальцами родинку.

Повернувшись к воротам, солдат снова покачал головой.

– Прикрой эту рану, крестьянин, – посоветовал он, – иначе ты не сможешь сделать по городу и двух шагов.

Люди вернулись на дорогу. Ворота Санта-Анна распахнулись снова. Крестьянин, подняв свой мешок с репой, отвернулся, чтобы не смотреть на Берната.

Бернат прошел через ворота, прикрыв правый глаз рубашкой Арнау. Солдаты проводили его взглядом, и Бернат подумал, что, пряча пол-лица, он так или иначе привлекает внимание.

Миновав церковь Святой Анны, он влился в поток людей, прибывших в город. После этого Бернат свернул направо и оказался на площади Санта-Анна. Он шел, опустив взор вниз. Крестьяне расходились по городу; босые ноги, сандалии-абаркасы и плетеная обувь постепенно исчезли из его поля зрения, и вскоре Бернат увидел ноги, обтянутые шелковыми чулками огненно-красного цвета и обутые в зеленые туфли из тонкой материи без подошвы. У туфель были длинные острые носки, из которых выпущены золотые цепочки, обвивавшие лодыжки.

Не отдавая себе отчета, Бернат, который все время шел с опущенной головой, поднял лицо и встретился взглядом с человеком в шляпе. Незнакомец был облачен в одежду, украшенную золотым и серебряным шитьем; на поясе тоже была золотая вышивка, а от бус из жемчуга и драгоценных камней исходило сияние.

Бернат остановился, разинув рот. Человек повернулся к нему, но взор его был устремлен вдаль, как будто Берната перед ним не было.

Бернат, икнув, опустил глаза и облегченно вздохнул, когда понял, что на него не обратили ни малейшего внимания. Он вновь зашагал по улице в сторону строящегося собора, потихоньку оглядываясь по сторонам.

Никто на него не смотрел.

Какое-то время он наблюдал, как работали поденщики на соборе: раскалывали камни, расходились по высоким лесам, которые окружали строение, поднимали огромные каменные глыбы на блоках...

Арнау напомнил о себе громким плачем.

– Добрый человек, – обратился Бернат к одному рабочему, проходившему мимо него, – где находится квартал гончаров?

Он помнил, что его сестра Гиамона вышла замуж за гончара.

– Иди по этой улице, – торопливо ответил рабочий, – пока не дойдешь до площади Сант-Жауме. Там увидишь фонтан; поверни направо и следуй дальше, пока не окажешься у новой стены, у ворот Бокерия. Не выходи на Раваль. Иди вдоль стены по направлению к морю, до самых ворот Трентаклаус. Там и есть квартал гончаров.

Бернат изо всех сил старался запомнить все эти названия, но когда он захотел уточнить кое-что, человек уже исчез.

– Иди по этой самой улице до площади Сант-Жауме, – повторил он Арнау. – Это я помню. А когда будем на площади, повернем направо, это мы тоже помним, не так ли, сынок?

Арнау всегда прекращал плакать, когда слышал голос отца.

– А теперь? – вслух произнес Бернат.

Он стоял на новой площади Сант-Микел.

– Тот человек говорил только об одной площади, но мы ведь не могли перепутать.

Бернат попытался обратиться к прохожим, но ни один из них не остановился.

– Все спешат, – объяснил он Арнау в тот момент, когда увидел мужчину, стоявшего перед входом в величественное здание, похожее на замок.

– Похоже, что этот не торопится. Возможно... Добрый человек... – позвал он, дотрагиваясь до черного плаща незнакомца.

Бернат был настолько изумлен увиденным, что вздрогнул, и это почувствовал даже Арнау, крепко привязанный к его груди.

Перед Бернатом, печально покачивая головой, стоял старый еврей. Он был точно таким, как их описывали в пламенных проповедях христианские священники.

– Чего тебе? – поинтересовался тот.

Бернат не мог отвести взгляд от желтого кружка, закрывавшего грудь старика. Потом он заглянул внутрь здания, показавшегося ему замком.

Все входящие и выходящие люди были евреями! У всех на груди был такой же знак.

А с ними можно разговаривать?

– Ты что-то хотел? – снова спросил старик.

– Как... как пройти в квартал гончаров?

– Иди прямо по этой улице, – старик махнул рукой. – Дойдешь до ворот Бокерия. Дальше – вдоль стены, в сторону моря, и у следующих ворот будет тот квартал, который ты ищешь.

В конце концов, подумал Бернат, священники предупреждали, что с евреями только нельзя иметь плотских связей – Церковь обязала их носить особый знак, дабы никто не мог сослаться на незнание того, что это был еврей. Священники всегда говорили о евреях весьма эмоционально...

– Спасибо, добрый человек, – сказал Бернат, улыбнувшись.

– Спасибо и тебе, – ответил старик, – но в дальнейшем старайся, чтобы тебя не видели беседующим с кем-нибудь из нас... и ни в коем случае не улыбайся нам.

И он отвернулся, строго сжав губы.

У ворот Бокерия Бернат наткнулся на многочисленную группу женщин, покупавших мясо: потроха и козлятину. Несколько минут он наблюдал, как они проверяли товар и спорили с торговцами.

– Это мясо – такая заноза в заднице нашего сеньора, – сказал он ребенку и засмеялся, вспомнив о Льоренсе де Бельере. Сколько раз он видел, как сеньор старался запугать пастухов и торговцев скотом, которые поставляли мясо в Графский город! Но те не боялись его солдат, отказывались продавать его задешево де Бельеру: ведь тот, кто пригоняет животных в Барселону, куда можно входить только с живой скотиной, получает право выпаса по всему княжеству.

Бернат обогнул рынок и спустился к Трентаклаусу. Улицы становились все более узкими. Повсюду перед домами сохли десятки изделий из глины: тарелки, миски, горшки, кувшины и кирпичи.

– Я ищу дом Грау Пуча, – сказал он одному из солдат, стоявшему на посту у ворот.

Там, на родине, семья Пуч жила по соседству с Эстаньолами. Бернат хорошо помнил Грау, четвертого из восьми вечно голодных братьев, которые не могли пропитаться на своих скудных землях. Мать Берната очень хорошо относилась к ним, поскольку жена Пуча помогла ей – приняла роды дважды, когда матушка произвела на свет Берната и его сестру. Грау был самым проворным и трудолюбивым из восьми мальчишек, поэтому, когда Жозеф Пуч договорился с родственником-гончаром, жившим в Барселоне, чтобы тот взял в обучение одного из сыновей, выбор пал именно на Грау, хотя ему было тогда только десять лет.

Жозеф Пуч не мог прокормить даже свою семью, тем более ему было трудно заплатить две квартиры белой муки и десять суэльдо, которые требовал родственник за то, что позаботится о Грау в течение пяти лет ученичества. К этому следовало добавить еще и два суэльдо, вытребованные Льоренсом де Бельерой за освобождение одного из своих сервов, и одежду, которую должен был носить Грау в течение первых двух лет. В договоре об обучении мастер брал на себя обязанность одевать ученика только в течение последних трех лет.

Поэтому Пуч-отец пришел в дом к Эстаньолам в сопровождении своего сына Грау, который был немногим старше Берната и его сестры. Безумный Эстаньол внимательно выслушал

предложение Жозефа Пуча: если сосед даст сейчас все, что нужно для учебы, то это пойдет в зачет приданого за Гиамону, на которой сын Пучей женится по достижении восемнадцати лет, когда уже будет настоящим гончаром.

Безумный Эстаньол посмотрел на Грау. Иногда, когда у семьи мальчика не было других средств к существованию, Грау приходил помогать им в поле. Он никогда ничего не просил, но всегда возвращался домой с какой-нибудь зеленью или зерном.

Безумный Эстаньол верил ему и потому принял предложение.

Через пять лет тяжелого ученичества Грау стал самостоятельным гончаром. Он хорошо исполнял заказы мастера, и тот, удовлетворенный его работой, начал платить ему по суэльдо.

Грау сдержал свое обещание: когда ему исполнилось восемнадцать лет, он вступил в брак с Гиамоней.

– Сынок, – сказал Бернату отец, – я решил еще раз дать приданое за Гиамону. Мы сейчас остаемся вдвоем, и у нас лучшие земли в округе, самые обширные и плодородные. А им могут понадобиться эти деньги.

– Отец, вы правы, – перебил его Бернат, – не надо ничего объяснять.

– Но твоя сестра уже получила приданое, и сейчас именно ты являешься моим наследником. Эти деньги принадлежат тебе.

– Делайте, как считаете нужным.

Четыре года спустя, в двадцать два года, Грау держал публичный экзамен, который проходил в присутствии четырех консулов гильдии гончаров. Под пристальным взглядом экзаменаторов он выполнил три задания: кувшин, две тарелки и миску, – и ему присвоили звание мастера. Это позволило Грау открыть в Барселоне свою собственную мастерскую и пользоваться клеймом мастера, которое обычно ставили на всех глиняных изделиях, которые выходили из гончарных мастерских.

Грау в честь своей фамилии выбрал для клейма изображение горы².

Он и Гиамона, в то время беременная, поселились в маленьком одноэтажном домике в квартале гончаров, который находился на западной окраине Барселоны, на землях, расположенных между городской стеной, построенной при короле Хайме I, и старыми укреплениями. На покупку дома они потратили приданое Гиамоны, которое они сохранили, мечтая об этом дне.

Мастерская с печью для обжига и спальня супругов размещались в одной комнате. Грау начал свою самостоятельную деятельность в тот момент, когда коммерческая экспансия Каталонии способствовала росту гончарного производства и требовала появления новой специальности, которую многие мастера отвергали, заиклившись на старых традициях.

– Мы начнем делать большие и малые кувшины, – сказал Грау, и Гиамона перевела взгляд на четыре шедевра, сделанные ее мужем. – Я встречал многих торговцев, – продолжил он, – которые спрашивали о двуручных кувшинах, чтобы продавать в них оливковое масло, мед или вино, и видел мастеров-гончаров, которые их выпроваживали, даже не выслушав, потому что их печи были заняты производством вычурной облицовочной плитки для новых домов и разноцветных тарелок, заказанных каким-нибудь аристократом, или флакончиков для аптекаря.

Гиамона провела пальцами по изделиям.

Какие они были гладкие на ощупь! Когда после сдачи экзамена взволнованный успехом Грау подарил их ей, она представляла себе, что его печь будет всегда заставлена подобными вещами. Даже консулы гильдии гончаров поздравили ее мужа. В этих четырех работах Грау продемонстрировал присутствующим свое мастерство: кувшин с двумя ручками, две тарелки и миска, украшенные зигзагообразными линиями, пальмовыми листьями, розами и лилиями, сочетали все цвета: зеленый (медь), характерный для Барселоны и обязательный для изделия

² Грау (кат. grau) – склон.

любого мастера Графского города, пурпурный или фиолетовый (марганец), черный (железо), синий (кобальт) и желтый (сурьма). Каждая линия и каждый рисунок были определенного цвета.

Гиамона еле дождалась, когда их обожгут, – боялась, как бы они не раскололись.

В завершение Грау покрыл изделия слоем прозрачной глазури из свинцового стекла, что делало их устойчивыми к воде. Гиамона снова провела кончиками пальцев по гладкой поверхности.

Итак... ее мужу предстояло посвятить себя кувшинам.

Грау подошел к жене.

– Не волнуйся, – успокоил он ее, – для тебя я буду делать и другие вещи.

Грау угадал. Он забил сушилку своей жалкой мастерской одноручными и двуручными кувшинами – и вскоре все торговцы знали: приди в любой момент в мастерскую Грау Пуча, и найдешь там все, что тебе требуется! Никому больше не надо было упрашивать высокомерных мастеров принять заказ на десяток простых кувшинов для масла...

Жилище, перед которым стоял Бернат с маленьким Арнау, уже не спавшим и требовавшим еды, ничем не напоминало тот первый дом-мастерскую, который молодая семья Пуч купила на приданое Гиамоны. Зрелище, которое Бернат увидел своим левым глазом, поразило его.

Это было большое трехэтажное здание; на первом этаже с окнами на улицу находилась мастерская, а на двух верхних этажах жили хозяин и его семья. С одной стороны дома зеленел фруктовый сад, а с другой – располагались подсобные помещения с печами для обжига и большой двор, где стояло бесконечное множество кувшинов различной формы, размеров и цветов, которым предстояло сохнуть под солнцем.

За домом, согласно городским правилам, хозяева отвели место, предназначенное для выгрузки и складирования глины и прочих материалов для работы. Сюда также сбрасывали пепел и остатки от обжига, которые гончарам было запрещено выбрасывать на улицы города.

В мастерской, которую было видно с улицы, работали не покладая рук десять человек. Судя по виду, никто из них не был Грау. Бернат заметил, что рядом с входной дверью, возле повозки, запряженной волами и нагруженной новыми кувшинами, прощались двое мужчин. Один залез на повозку и вскоре уехал. Другой, хорошо одетый, направился в мастерскую, но, прежде чем он успел войти внутрь, Бернат воскликнул:

– Подождите!

Мужчина задержался у двери и посмотрел на подходившего к нему крестьянина.

– Я ищу Грау Пуча, – сказал Бернат.

– Если ты ищешь работу, то нам никто не нужен. Хозяин не станет терять время, – грубо заявил тот, оглядывая его с головы до ног. – Я тоже не стану, – добавил он и отвернулся.

– Я – родственник хозяина.

Мужчина внезапно остановился.

– Может, хозяин тебе недостаточно заплатил? Чего ты упорствуешь? – процедил он сквозь зубы, отталкивая Берната.

Арнау заплакал.

– Если ты снова вернешься сюда, мы сообщим о тебе куда следует. Грау Пуч – важный человек, понял?

Бернат, вынужденный отступить под натиском этого человека, попытался все же объяснить.

– Послушайте, – начал он, – я...

Арнау ревел что есть мочи.

– Ты что, не понял меня? – заорал мужчина, перекрикивая плач ребенка.

Однако еще более громкие крики послышались из окон верхнего этажа:

– Бернат! Бернат!

Бернат и человек, прогонявший его, обернулись к женщине, которая, наполовину высушившись из окна, махала руками.

– Гиамона! – радостно воскликнул Бернат, приветствуя сестру.

Женщина исчезла, а Бернат снова повернулся к незнакомцу.

– Тебя знает сеньора Гиамона? – спросил тот, прищурился глазами.

– Она – моя сестра, – сухо ответил Бернат. – И знай, что никто и никогда мне ничего не платил.

– Я сожалею, – извинился мужчина, явно сбитый с толку. – Я подумал, что ты – один из братьев хозяина: сначала притащился один, потом еще один, еще и еще...

Увидев, что сестра выходит из дома, Бернат не стал дослушивать до конца и побежал обнять ее.

– А где Грау? – спросил Бернат, когда они уже расположились в доме и он, смыв кровь с глаза и отдав Арнау рабыне-мавританке, которая присматривала за маленькими детьми Гиамоны, смотрел, как сынишка опорожнял миску с молоком и крупой. – Мне бы хотелось обнять его.

Гиамона махнула рукой.

– Что-нибудь случилось? – насторожился Бернат.

– Грау сильно изменился. Теперь он богатый и важный. – Гиамона показала на многочисленные сундуки, стоявшие у стен, шкаф и остальную мебель, какой Бернату никогда не приходилось видеть, на несколько книг и изделий из керамики, ковры, устилавшие пол, гобелены и занавески, висевшие на окнах. – Теперь он почти не занимается гончарной мастерской; все это делает Жауме, его первый помощник, с которым ты столкнулся на улице. Грау посвятил себя коммерции: корабли, вино, оливковое масло. Теперь он консул гильдии гончаров, а значит, согласно Барселонским уложениям, кабальеро и сейчас весь в ожидании, что его назначат членом городского Совета Ста.

Гиамона обвела взглядом комнату:

– Он теперь уже не тот, Бернат...

– Ты тоже очень изменилась, – перебил ее брат.

Гиамона оглядела свое тело матроны и, улыбнувшись, кивнула.

– Этот Жауме, – продолжил Бернат, – говорил что-то о родственниках Грау. Что он имел в виду?

Прежде чем ответить, Гиамона покачала головой.

– Дело в том, что, когда близкие Грау узнали, что их брат разбогател, все – братья, двоюродные братья и племянники – притащились в мастерскую. Они бежали со своих земель в расчете на помощь Грау.

Гиамона не могла не заметить, как помрачнело лицо брата.

– Ты... тоже? – спросила она, и Бернат утвердительно кивнул. – Но ведь у тебя были такие замечательные земли!..

Гиамона не могла сдержать слез, слушая историю Берната.

А когда он рассказал о мальчике из кузницы, она встала, подошла и опустилась на колени рядом со стулом, на котором сидел брат.

– Не признавайся в этом никому, – посоветовала Гиамона и прижалась головой к его ноге. – Не переживай, – всхлинула она, дослушав брата до конца, – мы тебе поможем.

– Сестрица, – ласково произнес Бернат, глядя ее по голове, – как же вы мне поможете, если Грау не захотел помочь своим собственным братьям?

– Мой брат не такой, как все! – твердо ответила Гиамона.

Уже наступила ночь, когда ее муж явился наконец домой. Маленький и худой Грау, весь на нервах, ругался сквозь зубы. Гиамона ждала его и слышала, как он пришел. Жауме успел сообщить хозяину о последней новости в их доме: «Ваш шурин спит рядом с подмастерьями на копне соломы, а ребенок... с вашими детьми».

Грау тут же поспешил к жене.

– Как ты посмела? – крикнул он, выслушав ее сбивчивое объяснение. – Он – беглый серв! Ты знаешь, чем это может закончиться, если в нашем доме найдут беглеца?! Мне конец! Мне придет конец!

Гиамона слушала его не перебивая и холодно наблюдала за тем, как он ходил вокруг нее с искаженным от злобы лицом.

– Ты сошла с ума! Я отправил своих братьев на кораблях за границу! Я дал приданое женщинам из своей семьи, чтобы они вышли замуж не за местного, – и все для того, чтобы никто не мог ни в чем осудить нашу семью! А теперь ты... Почему я должен обходиться с твоим братом иначе?

– Потому что мой брат не такой, как все! – снова крикнула Гиамона.

Изумленный, не ожидавший возражений, Грау стал заикаться:

– Что? Что ты хочешь сказать?

– Ты все прекрасно понимаешь. Не думаю, что тебе надо напоминать об этом.

Грау потупил взгляд.

– Именно сегодня, – пробормотал он, – я встретился с одним из пяти городских советников, надеясь, что меня, как консула гильдии гончаров, изберут членом Совета Ста. Похоже, мне удалось склонить на свою сторону троих из пяти советников, остались только судья и викарий. Ты только представь, что скажут мои враги, если узнают, что я предоставил убежище беглому серву!

Гиамона мягко напомнила:

– Мы обязаны ему всем.

– Я всего лишь ремесленник, Гиамона. Богатый, но ремесленник. Знать презирает меня, а торговцы ненавидят все больше и больше. Если станет известно, что мы приютили беглеца... Ты знаешь, что скажет знать, у которой есть земли?

– Мы всем обязаны Бернату, – с твердостью в голосе повторила Гиамона.

– Хорошо, тогда дадим ему денег, и пусть уходит.

– Ему нужна свобода. Один год и один день.

Грау снова начал нервно ходить по комнате. Потом он всплеснул руками и закрыл ими лицо.

– Мы не можем, – пробормотал он сквозь пальцы. – Не можем, Гиамона... Ты не представляешь, чем это чревато для нас!

– А ты представляешь?.. – прервала она его, снова повышая голос. – Ты представляешь, что случится, если мы выгоним Берната? Его схватят люди Льоренса де Бельеры или твоих собственных врагов и узнают, что ты всем обязан ему, беглому рабу, который согласился отдать в качестве приданого то, что принадлежало ему.

– Ты мне угрожаешь?

– Нет, Грау, нет. Но ведь так все и есть. Если ты не хочешь помочь Бернату из чувства благодарности, так сделай это ради себя самого. Лучше держать это под контролем. Бернат не уйдет из Барселоны, он хочет свободы. Если ты его не приютишь, то получишь беглеца и ребенка – обоих с родинкой у правого глаза, как и у меня! – которые будут бродить по Барселоне и в любую минуту могут оказаться в руках твоих врагов, которых ты так боишься.

Грау Пуч пристально посмотрел на супругу.

Он хотел было что-то ответить, но только махнул рукой и вышел из комнаты. Гиамона слышала, как он поднялся по лестнице в спальню.

5

– Твой сын останется в большом доме. Донья Гиамона позаботится о нем. Когда мальчик достигнет определенного возраста, он пойдет в подмастерья.

На этой фразе Бернат перестал слушать Жауме.

Первый помощник явился на рассвете. Рабы и подмастерья повскакивали со своих тюфяков, как будто вошел сам Сатана, и выбежали из помещения, толкая друг друга.

Бернат пытался успокоить себя тем, что за Арнау будут присматривать и мальчик приобретет профессию, а затем станет свободным человеком.

– Ты понял? – спросил его Жауме.

Бернат молчал, и Жауме выругался:

– Чертов селянин!

Бернат чуть было не ударил его в ответ, но улыбка, появившаяся на лице первого помощника, сдержала его.

– Соглашайся, – продолжил Жауме. – Сделай это, и твоей сестре не придется за тебя заступаться. Я повторю тебе главное, селянин: ты будешь работать с утра до вечера в обмен на кров, еду и одежду. Гиамона будет заботиться о твоём сыне. Тебе запрещено заходить в дом; ни под каким предлогом ты не можешь этого делать. Тебе также запрещено выходить из мастерской, пока не пройдет год и день, которые нужны, чтобы ты мог получить свободу. И каждый раз, когда какой-нибудь незнакомец войдет в мастерскую, ты должен прятаться. И еще: ни в коем случае не рассказывай, что с тобой произошло, даже здесь. Хотя эта родинка... – Жауме покачал головой. – Так решили хозяин с доньей Гиамонной. Доволен?

– Когда я смогу видеть моего сына? – спросил Бернат.

– Это меня не касается.

Бернат закрыл глаза. Впервые увидев Барселону, он пообещал Арнау свободу. У его сына не будет никакого сеньора!

– Что я должен делать? – спросил он наконец.

– Загружать дрова. Загружать стволы за стволами, сотни стволов, тысячи стволов, которые необходимы для работы печей. И следить, чтобы они не гасли. Носить глину и убирать. Убирать грязь, песок и пепел из печей.

Медленно потянулись дни.

Бернат трудился в поте лица. Выносил пепел и песок за дом. Когда возвращался, покрытый пылью и пеплом, мастерская снова была грязной, и он начинал все сначала. Под пристальным взглядом Жауме вместе с другими рабами он выносил готовые изделия на солнце. Первый помощник контролировал работников каждую минуту, прохаживаясь по мастерской, покрикивая, раздавая оплеухи молодым подмастерьям и грубо обращаясь с рабами, для которых не жалел и кнута, когда что-то было ему не по душе.

Один раз, когда рабы ставили на солнце большую посудину, та вырвалась у них из рук и покатила. Жауме в ту же секунду достал виноватых кнутом. Посудина даже не треснула, но первый помощник завопил как бесноватый, раздавая удары рабам, которые вместе с Бернатом несли ее.

Дошла очередь и до Берната.

– Попробуй только, и я убью тебя, – пригрозил Бернат, спокойно глядя в лицо Жауме.

Первый помощник заколебался и, покраснев, стал щелкать кнутом в сторону остальных, уже успевших отойти от него на приличное расстояние. Бернат облегченно вздохнул.

Этот случай ничего не изменил – Бернат продолжал вкалывать, не щадя сил, и его не надо было подгонять.

Ел он то же, что давали всем.

Поначалу ему хотелось сказать толстой женщине, готовившей им, что он своих собак кормил лучше, но, видя, как подмастерья и рабы с жадностью набрасываются на кормежку, предпочел промолчать.

Спал Бернат в одном помещении с остальными работниками, на соломенном тюфяке, под которым хранил свои скудные пожитки и деньги, которые ему удалось захватить с собой. Благодаря столкновению с Жауме он завоевал уважение рабов и подмастерьев, а также прочих помощников хозяина, приглядывающих за ними, поэтому спал спокойно, несмотря на блох, чужой запах пота и храп, стоящий вокруг.

И все это он терпел ради тех двух раз в неделю, когда чернокожая рабыня, свободная от обязанностей по дому, приносила ему Арнау, который обычно спал. Бернат брал сына на руки и вдыхал аромат, исходивший от него, от чистой одежды, от детских мазей. Потом, чтобы не разбудить ребенка, он приподнимал одежду, чтобы посмотреть на его ножки, ручки и кругленький животик.

Арнау рос и набирал вес. Бернат убаюкивал его и, повернувшись к Хабибе, молодой мавританке, умолял ее взглядом дать ему побыть с сыном еще немного. Иногда он пытался погладить малыша, но его потрескавшиеся ладони царапали кожу ребенка, делая ему больно, и Хабиба без промедления забирала у него малыша. Несколько дней спустя Бернат пришел к молчаливому соглашению с мавританкой: она старалась молчать, а он гладил румяные щечки сына тыльной стороной ладони, чувствуя при этом, как от прикосновения к нежной коже малыша у него по телу пробежали мурашки...

Когда же девушка наконец начинала показывать знаками, что пора вернуть ей ребенка, Бернат целовал сына в лоб и неохотно передавал его няньке.

Через несколько месяцев Жауме сообразил, что Бернат мог бы выполнять более полезную работу для мастерской.

Они оба научились уважать друг друга.

– Рабы не думают, когда работают, – как-то при случае сказал первый помощник Грау Пучу. – Они трудятся только из страха перед кнутом, не прилагая стараний. А вот ваш шурин...

– Не говори, что он мой шурин! – перебил его Грау, отлично понимая, что Жауме получил удовольствие, позволив себе в разговоре с хозяином эту маленькую вольность.

– Этот селянин... – поправил себя помощник, делая вид, что сконфузился. – Он не такой, как все. Он проявляет интерес даже к маловажным поручениям. Он чистит печи так, как никогда прежде их не чистили...

– И что ты предлагаешь? – резко спросил Грау, не отрывая взгляда от бумаг, которые просматривал.

– Может быть, его следует занять другими работами, где требуется больше ответственности? – Жауме пожал плечами. – Учитывая, что он обходится так дешево...

Услышав эти слова, Грау поднял голову и посмотрел на первого помощника.

– Не заблуждайся, – сказал он ему. – Бернат не стоил нам денег как раб, не заключал с нами договор как подмастерье, и ему не придется платить как помощнику мастера, но это самый дорогой работник, который у меня есть.

– Я имел в виду...

– Знаю я, что ты имел в виду. – Грау снова занялся своими бумагами. – Делай то, что считаешь нужным, но я тебя предупреждаю: этот крестьянин никогда не должен забывать своего места в мастерской. Иначе я выкину тебя отсюда и ты никогда не станешь мастером. Ты меня понял?

С этого дня Бернату поручили помогать помощникам мастера; он стал также приглядывать за молодыми подмастерьями, не умеющими обращаться с большими и тяжелыми пресс-

формами из огнеупорной глины, которые должны были выдерживать температуру, необходимую для обжига фаянса или керамики. Из них делались огромные пузатые кувшины с узким, очень коротким горлышком и плоским основанием. Их вместимость достигала двухсот восьмидесяти литров³. Такие кувшины предназначались для перевозки зерна или вина. До этого времени Жауме приходилось привлекать для подобных работ по меньшей мере двух своих помощников. Благодаря Бернату стало достаточно одного, чтобы довести процесс до конца: сделать пресс-форму, обжечь ее, наложить на тинаху слой оксида олова и слой оксида свинца в качестве флюса – все это были компоненты глазури. Затем нужно было поставить тинаху во вторую печь, с меньшей температурой, чтобы олово и свинец не расплавились и не смешались, тем самым обеспечив изделию непроницаемый стекловидный слой белого цвета.

Жауме остался доволен результатом своего решения: с помощью Берната он значительно увеличил производительность мастерской, а Бернат продолжал с прежним усердием относиться к своей работе.

«Он лучше, чем кто-либо из помощников!» – вынужден был признать Жауме.

Он не раз пытался прочесть мысли крестьянина, но лицо Берната оставалось непроницаемым. В его глазах не было ни ненависти, ни злобы. Жауме спрашивал себя: что с ним случилось, почему он оказался здесь? Этот молодой мужчина был не таким, как остальные родственники хозяина, которые появлялись в мастерской с одной целью: всем им нужны были только деньги.

А вот Бернат...

С какой нежностью он смотрел на своего сына, когда его приносила мавританка!

Ему хотелось свободы, и ради нее он работал изо всех сил, как никто другой.

Взаимопонимание между ними, помимо увеличения производительности труда, дало и другие плоды.

Однажды, когда Жауме подошел, чтобы поставить печать хозяина на горлышко новой тинахи, Бернат прищурился и взглядом указал на основание изделия.

Но...

«Ты никогда не станешь мастером!» – пригрозил однажды своему помощнику Грау, когда тот при нем выразил свое дружелюбное отношение к Бернату.

Эти слова частенько вертелись в голове Жауме.

Поэтому он притворился, что внезапно закашлялся, и отступил от тинахи, не поставив на нее печать. Внимательно посмотрев на основание кувшина, он заметил маленькую трещину, свидетельствующую о том, что изделие лопнуло в печи. Жауме пришел в ярость от недосмотра помощника... и затаил еще больше злобы на Берната.

Пролетели год и день, необходимые для того, чтобы Бернат и его сын стали свободными.

Грау Пучу удалось заполучить желанное место в городском Совете Ста. Однако Жауме не замечал никакой перемены в поведении крестьянина. Любой другой на его месте потребовал бы письмо с правом на гражданство и бросился бы по улицам Барселоны искать развлечений и женщин, но Бернат этого не сделал.

Почему?

В Бернате постоянно жили воспоминания о мальчике из кузницы. Он не чувствовал себя виноватым: этот несчастный встал на его пути к спасению сына, и Бернат вынужден был его ударить.

Но если подмастерье умер...

³ Для простоты понимания в романе используются единицы десятичной метрической системы, которых в ту эпоху, естественно, не существовало. – *Примеч. автора.*

Бернат мог получить свободу от своего сеньора по прошествии необходимого срока, однако ему вряд ли удалось бы избавиться от обвинения в убийстве. Гиамона посоветовала брату не говорить об этом случае никому, и он послушался ее. Бернат не мог рисковать, поскольку понимал, что Льоренс де Бельера, вероятно, отдал приказ схватить его не только как беглеца, но и как убийцу.

Что стало бы с Арнау, если бы его отца задержали?

За убийство наказывали смертью.

Его сын продолжал расти здоровым и крепким. Мальчик еще не начал говорить, но уже ползал и выдавал трели, от которых у Берната звенело в ушах.

Хотя Жауме по-прежнему держался с Бернатом надменно, его положение в мастерской изменилось – его уважали все больше (об этом не догадывался только Грау, поглощенный своей торговлей и разнообразными старыми и новыми обязанностями). И нянька-мавританка, с молчаливого согласия Гиамоны, которая тоже была слишком занята детьми и домашними делами, стала приносить ребенка все чаще, улучая момент, когда тот не спал.

Сейчас Берната беспокоило только одно: его не должны были видеть в Барселоне, поскольку это могло навредить будущему сыну.

Часть вторая Рабы знати

6

*Рождество 1329 года
Барселона*

Арнау исполнилось восемь лет. Он был спокойным и умным ребенком. Длинные каштановые волосы, волной спадавшие ему на плечи, обрамляли лицо, на котором выделялись большие светлые глаза цвета меда.

Дом Грау Пуча был украшен к Рождеству. Мальчик, который в десять лет смог покинуть отцовские земли благодаря щедрому соседу, стал известным человеком в Барселоне и сейчас торжествовал, вместе с женой ожидая прихода гостей.

– Они явятся, чтобы оказать мне честь, – с гордостью говорил Грау своей супруге. – Ты когда-нибудь видела, чтобы знать и купцы ходили в гости к ремесленнику?

Гиамона молча слушала его.

– Сам король покровительствует мне! Ты понимаешь это? Сам король! Король Альфонс!

В этот день в мастерской не работали, и Бернат с Арнау сидели на полу, нахохлившись от холода и наблюдая из-за горы горшков, как рабы, помощники и подмастерья то и дело сновали в дом и обратно. За эти восемь лет Бернат так ни разу и не вошел в дом Пуча, но его это не волновало. Он задумчиво поглаживал волосы Арнау и радовался, что рядом с ним был сын, крепко обнимавший его. Чего еще он мог желать?

Ребенок жил рядом с Гиамоной, ел с ней за одним столом и даже брал уроки у наставника детей Грау: вместе со своими двоюродными братьями он учился читать, писать, считать.

Однако Арнау знал, что Бернат – его отец, поскольку Гиамона никогда не позволяла ему забывать об этом. Что касается Грау, то он относился к своему племяннику с подчеркнутым равнодушием.

В доме богатых родственников Арнау вел себя хорошо, однако Бернат все равно время от времени напоминал ему о том, что ему следует быть вежливым и благодарным семье Пуч.

Когда мальчик, весело смеясь, входил в мастерскую, лицо Берната светлело от радости. Рабы и помощники, включая Жауме, тоже не могли сдержать улыбки, увидев, как тот несется по двору и садится в ожидании, пока Бернат не закончит свою работу, а затем подбегает к отцу и крепко обнимает его. Потом он устраивался рядышком с Бернатом, восхищенно смотрел на отца и улыбался каждому, кто подходил к ним...

Однажды вечером, когда мастерская уже закрывалась, Хабиба позволила ему провести отца, и Арнау несколько часов провел с Бернатом, болтая и смеясь.

Их никто не беспокоил.

Так все удачно сложилось для них потому, что Жауме продолжал исполнять роль, ни на минуту не забывая о висящей над ним угрозе хозяина. Грау не интересовался доходами, поступавшими от мастерской, и еще меньше – чем-либо другим, связанным с ней. И все же он не мог обходиться без нее, поскольку благодаря гончарству получил титул консула гильдии гончаров, старшины Барселоны и члена Совета Ста. Достигнув того, что было лишь формальным титулом, Грау полностью ушел в политику и финансы более высокого уровня – как и пристало старшине Графского города.

С начала своего царствования в 1291 году Хайме II попытался подчинить себе каталонскую феодальную олигархию и для этого стал искать поддержки у свободных городов и граждан, начав с Барселоны. Сицилия принадлежала короне еще со времен Педро Великого, поэтому, когда Папа предоставил Хайме II право захвата Сардинии, Барселона и ее граждане финансировали это предприятие.

Присоединение двух средиземноморских островов к короне благоприятствовало интересам всех сторон: оно гарантировало поставку зерна в графские земли и господство Каталонии в Западном Средиземноморье, а также контроль над торговыми морскими путями. В свою очередь, корона получила право разрабатывать серебряные и соляные копи острова.

Грау Пуч не застал этих событий. Его звезда взошла со смертью Хайме II и коронацией Альфонса IV. В 1329 году корсиканцы подняли мятеж в городе Сассари. В то же время генуэзцы, боясь коммерческой мощи Каталонии, объявили ей войну и атаковали корабли, которые ходили под ее флагом. Ни король, ни коммерсанты не сомневались ни минуты: кампания по подавлению мятежа на Сардинии и война против Генуи должны финансироваться гражданами Барселоны. Так оно и получилось, причем главным образом благодаря порыву одного из старшин Барселоны: Грау Пуч, сделавший щедрые пожертвования на военные расходы, убедил своими пламенными речами даже самых равнодушных и призвал их оказывать помощь королю. И вот – сам король публично поблагодарил его за патриотизм.

Грау раз за разом подходил к окнам, чтобы посмотреть, не идут ли гости, а Бернат попрощался с сыном, поцеловав его в щеку.

– Сейчас очень холодно, Арнау. Тебе лучше вернуться в дом.

Когда мальчик жестом выразил нежелание, отец добавил:

– Сегодня у вас будет хороший ужин, не так ли?

– Курица, шербет и пирожные, – ответил ребенок.

Бернат легонько шлепнул его и улыбнулся:

– Беги домой. Поговорим еще.

Арнау прибежал как раз к началу ужина; он и двое младших детей Грау – Гиамон, его ровесник, и Маргариды, на полтора года постарше их, – ужинали в кухне. А двое самых старших, Жозеф и Женис, должны были отужинать наверху с родителями.

Прибытие гостей сделало Грау еще более нервным.

– Я сам буду руководить всем, – заявил он Гиамоне, когда начались приготовления к праздничному ужину, – а ты займешься женщинами.

– Но как ты себе это представляешь?.. – попыталась протестовать Гиамона.

Однако Грау, не слушая жену, уже отдавал распоряжения Эстранье, толстой и очень наглой кухарке-мулатке, которая, склонив голову перед хозяином, исподтишка поглядывала на хозяйку, пряча улыбку.

«Как бы он хотел, чтобы я отреагировала? – думала Гиамона. – Он разговаривает не со своим секретарем, и не в гильдии, и не в Совете Ста. Неужели он считает, что я не способна позаботиться о гостях? Или он решил, что я не соответствую их уровню?»

За спиной своего мужа Гиамона попыталась навести порядок среди слуг и приготовить все так, чтобы празднование Рождества удалось, но Грау разошелся не на шутку, вмешиваясь во все, включая заботу о роскошных нарядках гостей. Гиамона вынуждена была отойти на второй план, который уготовил ей муж, и ограничиться тем, чтобы улыбаться женщинам, которые смотрели на нее свысока.

Грау напоминал командующего войском на поле боя: он разговаривал то с одними, то с другими и одновременно указывал слугам, что они должны были делать, кому и что подавать. Однако чем больше он жестикулировал, тем более напряженной и неловкой становилась при-

слуги. В конце концов все рабы – кроме Эстранья, которая была в кухне и готовила ужин, – стали следить за Грау, стараясь не пропустить его поспешных приказов.

Оставшись без присмотра, так как Эстранья и ее помощницы, отвернувшись от них, занимались приготовлением блюд, Маргариды, Гиамон и Арнау смешали курицу с шербетом и пирожными и, не переставая шутить, обменивались кусками. После этого Маргариды взяла кувшин с вином и, не разбавив вино водой, сделала большой глоток. Кровь мгновенно прилила к лицу девочки, ее щеки покраснелись, а глаза стали блестеть еще ярче. Потом она потребовала, чтобы ее родной и двоюродный братья сделали то же самое.

Арнау и Гиамон выпили, стараясь вести себя так же, как и Маргариды, но закашлялись и с полными слез глазами бросились искать воду. Быстро охмелев, все трое начали смеяться без причины – для этого им было достаточно посмотреть друг на друга, на кувшин с вином или на толстый зад Эстранья.

– Прочь отсюда! – крикнула кухарка, услышав насмешки детей.

Дети, весело смеясь, бегом бросились из кухни.

– Тсс! – зашикал на них один из рабов, стоявших у лестницы. – Хозяин не разрешает детям здесь находиться.

– Но... – начала было Маргариды.

– Никаких «но»! – повторил раб.

В этот момент спустилась Хабиба, чтобы взять еще вина. Минуту назад хозяин посмотрел на нее горящими от гнева глазами, потому что один из гостей захотел налить себе вина, а вытекло только несколько жалких капель.

– Смотри за детьми, – напомнила Хабиба рабу, проходя мимо него. – Вина! – крикнула она Эстранье, не успев еще зайти в кухню.

Грау, боясь, что мавританка принесет обычное вино вместо того, которое следует подать, поспешил за ней.

Дети перестали смеяться и, оставаясь у лестницы, с любопытством смотрели на беготню, в которую внезапно включился сам хозяин дома.

– Что вы здесь делаете? – спросил Грау, увидев их рядом со слугой. – А ты? Что ты здесь стоишь? Иди и скажи Хабибе, что вино должно быть из старых кувшинов. Запомни: если перепутаешь, я с тебя шкуру спущу. Детей – в кровать!

Слуга бегом бросился в кухню.

Дети смотрели друг на друга, дурашливо гримасничая; их глаза искрились от выпитого вина.

Когда Грау снова побежал вверх по лестнице, они громко расхохотались.

«В кровать»? Маргариды бросила взгляд в сторону двери, открытой настежь, поджала губы и сделала большие глаза.

– А дети? – спросила Хабиба, когда снова увидела слугу.

– Вино из старых кувшинов... – забормотал он.

– А дети? – повторила она.

– Старые. Из старых... кувшинов.

– Где дети? – настаивала Хабиба.

– Хозяин сказал, чтобы ты шла укладывать их спать... – Он запнулся. – Из старых кувшинов, да? С нас спустят шкуру...

Барселона праздновала Рождество, город оставался пустынным, пока люди не пошли на полуночную мессу, чтобы принести жертвенного петуха.

Лунная дорожка, отражавшаяся в море, была похожа на улицу, которая тянулась до самого горизонта.

Дети сидели на берегу и все трое смотрели на серебристый след, сверкающий на поверхности воды.

– Сегодня никого не будет здесь, у моря, – тихо произнесла Маргарита.

– Никто не выходит в море на Рождество, – добавил Гиамон.

Оба повернулись к Арнау, который покачал головой.

– Никто не заметит, – настаивала Маргарита. – Мы пойдем и вернемся очень быстро. Тут всего несколько шагов.

– Трус, – презрительно заявил Гиамон.

Они побежали до Фраменорса, францисканского монастыря, который возвышался у крайней восточной части городской стены, почти у моря. Добравшись туда, дети устались на прибрежную полосу, простиравшуюся до монастыря Святой Клары, расположенного у западной границы Барселоны.

– Смотрите! – воскликнул Гиамон. – Флот города!

– Я никогда не видела берег таким, – восхищенно добавила Маргарита.

От Фраменорса до монастыря Святой Клары берег был забит самыми разными кораблями. Ничто не портило этого великолепного вида. Примерно сто лет назад король Хайме I Завоеватель запретил строительство на берегу Барселоны – об этом Грау рассказывал своим детям, когда они вместе с их наставником сопровождали его в порт, чтобы посмотреть, как загружают и разгружают корабль, совладельцем которого он был. Берег должен был оставаться свободным, чтобы моряки могли причаливать к нему на своих судах. Но никто из детей не обратил тогда ни малейшего внимания на объяснение Грау. Что странного в том, что корабли вытасканы на песок пляжа? Они здесь всегда были.

Грау переглянулся с наставником.

– В портах наших врагов или наших торговых конкурентов, – объяснил наставник, – корабли на берег не вытаскивают.

Все четверо детей Грау сразу же повернулись к учителю.

Враги! Вот это их заинтересовало...

– Конечно, – вмешался Грау, гордясь, что дети наконец-то уделили ему внимание. Глядя на улыбающегося наставника, он добавил: – Генуя, наш враг, имеет великолепный естественный порт, защищенный от моря, благодаря которому генуэзские корабли остаются на воде. Венеция, наша союзница, расположена в большой лагуне, и к ней тянется множество каналов; штормы не доходят туда, и корабли могут стоять спокойно. Порт Пизы соединен с морем по реке Арно, и даже Марсель обладает естественным портом, в котором суда защищены от бушующего моря.

– Еще фокейские греки использовали порт Марселя, – добавил наставник.

– У наших врагов порты лучше? – спросил Жозеф, старший сын. – Но мы их победим, мы хозяева Средиземноморья! – выкрикнул он, повторяя слова, которые столько раз слышал из уст отца.

Все остальные согласились. А как же иначе?!

Грау ожидал объяснения от наставника.

– Да, у Барселоны всегда были лучшие моряки. Но сейчас у нас нет порта, и все же... – начал тот.

– Как – нет порта? – выкрикнул Женис, перебивая его. – А это?

– Это не порт. Порт должен быть укрытым местом, защищенным от моря, а то, что ты видишь... – Наставник махнул рукой в сторону моря, которое омывало берег. – Запоминайте, – сказал он после паузы, – Барселона всегда была городом моряков. Давно, много лет тому назад, у нас был порт, как и у всех тех городов, которые упомянул ваш отец. Во времена римлян

корабли укрывались за холмом Табер, который находится примерно там. – Он указал на внутреннюю часть города. – Но земля постепенно отбирала у моря его территорию, и порт прекратил существование. Потом у нас был порт Комталь, который тоже исчез, и, наконец, порт Хайме Первого, находившийся еще в одном естественном укрытии, у скалы Фальсийских гор. Знаете, где сейчас эта скала?

Дети посмотрели друг на друга, потом повернулись к Грау, который, лукаво улыбаясь, как будто ему не хотелось, чтобы наставник узнал об этом, ткнул пальцем в землю.

– Здесь? – хором спросили дети.

– Да, – ответил наставник, – именно на этом месте мы и стоим. Она также исчезла, и Барселона осталась без порта, к тому времени мы уже были моряками – самыми лучшими, и остаемся самыми лучшими... но без порта.

– Тогда, – спросила Маргарита, – какую роль играет порт?

– Наверное, это лучше объяснит твой отец, – ответил наставник, и Грау согласился.

– Очень, очень важную роль, Маргарита. Видишь этот корабль? – спросил Грау, показывая дочери на галеру, окруженную маленькими лодками. – Если бы у нас был порт, можно было бы разгрузить его на пристани, без всех этих лодочников, которые перевозят товар. Однако, если бы сейчас началась буря, суда оказались бы в большой опасности и им пришлось бы на время уйти из Барселоны.

– Почему? – продолжала расспрашивать девочка.

– Потому что они не смогли бы дрейфовать в шторм и рисковали разбиться о причал и затонуть. Поэтому законы, Ордонансы о морском побережье Барселоны, требуют, чтобы в случае шторма корабль уходил под укрытие портов Салоу или Таррагоны.

– У нас нет порта, – с грустью произнес Гиамон, словно жалуясь, что его лишили чего-то чрезвычайно важного.

– Нет, – подтвердил Грау, смеясь и обнимая сына, – но мы продолжаем оставаться лучшими моряками, Гиамон. Мы – хозяева Средиземноморья! И у нас есть берег. Сюда причаливают наши корабли; когда заканчивается период навигации, здесь их чинят и строят. Видишь верфи? Там, на берегу, напротив этих аркад?

– А мы можем подняться на какой-нибудь корабль? – спросил Гиамон.

– Нет, – серьезно ответил ему отец. – Корабли – это святое, сынок.

Арнау никогда не ходил на прогулку с Грау и его детьми.

И даже если дети гуляли с Гиамонией, он оставался дома под присмотром Хабибы, но потом двоюродные братья рассказывали ему все, что видели и слышали.

Очень часто речь шла о кораблях.

И вот он увидел корабли в эту рождественскую ночь. Все сразу! Здесь были маленькие лодки: баркасы, шлюпки и гондолы; средние по размерам суда: фелюги, кастильские лодки, плоскодонки, калаверы, трехмачтовики, галиоты и барканты, а также несколько просто огромных – четырехмачтовики, коки и галеры, которые, несмотря на свои внушительные размеры, обязаны были прекращать плавания с октября по апрель – по королевскому запрету.

– Эй! – снова позвал Гиамон.

На верфях, напротив Регомира, горели костры, вокруг которых прохаживались часовые. От Регомира до Фраменорса, сгрудившись у берега, молчаливо покачивались корабли, освещенные луной.

– За мной, моряки! – воскликнула Маргарита, подняв правую руку. Она представила себя капитаном, который ведет своих людей, не боясь ни штормов, ни корсаров, и побеждает генуэзцев и мавров, вновь покоря Сардинию. В ее ушах звучали крики в честь короля Альфонса, когда матросы, перепрыгивая с борта на борт, брали на abordаж вражеские корабли, а Маргарита выходила из битв победительницей!

– Кто здесь?

Трое ребят, испугавшись, метнулись к фелюге.

– Кто здесь? – снова услышали они.

Маргариды подняла голову над бортом. Три факела двигались между кораблями.

– Пойдемте отсюда, – прошептал Гиамон, дергая сестру за подол платья.

– Нельзя, – ответила Маргариды, – они перекрыли нам дорогу...

– А в сторону верфей? – спросил Арнау.

Маргариды посмотрела в направлении Регомира. Там появились еще два факела.

– Туда тоже нельзя, – пробормотала она.

«Корабли – это святое!» – говорил им Грау, и они хорошо запомнили эти слова.

Гиамон начал хныкать. Маргариды заставила его замолчать.

– В море! – приказала капитанша, когда туча закрыла луну.

Они перепрыгнули через борт и бросились в воду.

Маргариды и Арнау увидели, что Гиамон скрылся под водой, а затем вынырнул, стараясь не шуметь; все трое затаили дыхание, наблюдая за факелами, двигавшимися между судами. Вскоре охрана приблизилась к кораблям, стоявшим у берега. Маргариды неотрывно смотрела на луну, молча молясь, чтобы она оставалась закрытой тучей.

Проверка, казалось, длилась вечность, но никто из охранников не догадался посмотреть в море. А если бы кто-то и обнаружил их, ничего страшного не произошло бы. В конце концов, город праздновал Рождество, да и к тому же это были всего лишь трое испуганных ребятшек, сильно промокших и озябших.

Было очень холодно...

На обратном пути домой они так продрогли, что Гиамон даже не мог идти; у него стучали зубы, дрожали колени, мышцы сводило судорогой. Маргариды и Арнау схватили его под мышки и побежали к дому.

Когда они вернулись, гости уже ушли, а Грау, обнаружив, что дети сбежали, вместе с рабами собирался идти на поиски.

– Это Арнау, – заявила Маргариды, когда чернокожая рабыня купала Гиамона в теплой воде. – Он уговорил нас пойти на берег. Я не хотела...

Девочка подкрепила свою ложь слезами. Ее слова прозвучали настолько убедительно, что отец ей поверил.

Ни теплая ванна, ни одеяла, ни горячее питье не смогли помочь Гиамону. Лихорадка усиливалась. Грау послал за доктором, но и его старания не принесли больному облегчения: малыша продолжало лихорадить.

Гиамон начал кашлять, а его дыхание превратилось в жалобный свист.

– Я больше ничего не могу сделать, – признался, отчаявшись, Себастьян Фонт, врач, который навещал их в течение трех дней.

Гиамона подняла руки к лицу, бледному и осунувшемуся, и разрыдалась.

– Нет! – закричал Грау. – Должно быть какое-то средство.

– Могло бы быть, но... – Врач хорошо знал Грау и его предубеждения, однако понимал, что положение требует отчаянных мер. – Вам следует позвать Хафудá Бонсеньора.

Грау хранил молчание.

– Позови его, – потребовала Гиамона, всхлипывая.

«Еврея!» – подумал Грау.

«Кто обращается к еврею, обращается к дьяволу», – учили его в юности. Будучи еще ребенком, Грау с другими подмастерьями бегал разбивать кувшины еврейских женщин, когда те приходили за водой к общественным источникам. И продолжал делать это до тех пор, пока король не внял просьбам еврейской общины Барселоны и не запретил эти притеснения. Грау

ненавидел евреев. Всю свою жизнь он преследовал и презирал тех, кто носил на груди знак в виде кружка. Они были еретиками, они убили Иисуса Христа...

Неужели кто-то из них войдет в его дом?!

– Позови его! – не выдержав, закричала Гиамона.

Этот вопль, казалось, разнесся по всему кварталу.

Бернат и все прочие, услышав его, вжались в свои тюфяки.

В течение трех дней он не видел ни Арнау, ни Хабибы, но Жауме держал его в курсе всего, что произошло в доме Пучей.

– С твоим сыном все в порядке, – сказал он ему, когда их никто не видел.

Хафуда Бонсеньор прибыл, как только его позвали. Одет он был в простой черный плащ с капюшоном и носил на груди кружок. Грау наблюдал за ним из столовой. Согбенный, с длинной седой бородой, тот внимательно слушал объяснения Гиамоны. «Вылечи его, еврей!» – читалось в глазах Грау, когда их взгляды встретились, и Хафуда Бонсеньор молча кивнул ему.

Это был ученый, который посвятил свою жизнь изучению философии и Священного Писания. По поручению короля Хайме II он написал книгу «*Llibre de paraules de savis e filososfs*»⁴, но еще он был врачом, самым главным врачом в еврейской общине. Увидев Гиамона, Хафуда Бонсеньор лишь покачал головой.

Грау услышал крики жены и опрометью бросился к лестнице. Гиамона спускалась из спальни в сопровождении Себастьяна Фонта. Между ними шел Хафуда Бонсеньор.

– Жид! – выкрикнул Грау и плюнул ему вслед.

Мальчик умер два дня спустя.

Не успели похоронить Гиамона и снять траур, как Грау, войдя в дом, жестом подозвал к себе Жауме. Когда первый помощник подошел к нему и Гиамоне, Грау жестко произнес:

– Я приказываю тебе сегодня же убрать отсюда Арнау и позаботиться о том, чтобы его нога больше не переступала порог этого дома!

Гиамона выслушала мужа в полном молчании.

Грау рассказал ей о том, что ему сообщила Маргариды: это Арнау подговорил детей пойти к морю. Их сын и дочь не могли до такого додуматься!

Гиамона не проронила ни слова в ответ на его обвинения в том, что она приютила своего брата и племянника. В глубине души она знала, что это было всего лишь фатальным стечением обстоятельств, но смерть младшего сына лишила ее смелости противостоять мужу. Ложь Маргариды – главное доказательство вины мальчика – не давала ей возможности защитить племянника. Арнау был сыном ее брата, и мальчик, несомненно, не хотел причинить зла, но Гиамона предпочла этого не признавать.

– Привяжи черномазую к одному из столбов в мастерской, – приказал Грау первому помощнику, когда вопрос по поводу Арнау был решен, – и собери всех, в том числе мальчишку.

Грау обдумал все во время похоронной церемонии: в первую очередь виновата рабыня – она должна была следить за детьми!

Потом, пока Гиамона плакала, а священник читал молитвы, он, прищутив глаза, задался вопросом: каким образом наказать няньку?

Закон запрещал убивать или увечить рабов, но никто ни в чем не сможет упрекнуть его, если ее смерть станет следствием понесенного наказания.

Грау еще никогда не сталкивался со столь тяжелым преступлением. Он представлял мучения, о которых слышал: облить девушку кипящим животным жиром (найдется ли у Эстраньи достаточно жира на кухне?), заковать ее в оковы или заточить в подземелье (нет, этого слишком мало), избить ее, связав по рукам и ногам... или отхлестать кнутом.

⁴ «Книга слов мудрецов и философов». – Примеч. автора.

«Будь осторожней, когда будешь им пользоваться, – сказал капитан одного из кораблей, преподнеся ему в качестве подарка кнут. – Он такой, что может одним лишь ударом снять кожу с человека!»

С тех пор Грау хранил этот дорогой кнут, привезенный с Востока. Толстый, из плетеной кожи, легкий и простой в обращении; у него было несколько хвостиков, каждый из которых заканчивался заостренными металлическими кусочками.

Когда священник замолчал, несколько мальчиков замахали кадилами вокруг гроба. Гиамона закашлялась, Грау глубоко вздохнул.

Мавританка застыла в ожидании. Привязанная за руки к столбу, она едва касалась пола кончиками пальцев ног...

– Я не хочу, чтобы мой сын видел это, – сказал Бернат, обращаясь к Жауме.

– Сейчас не время спорить, Бернат, – возразил первый помощник. – Не ищи себе беды...

Бернат упрямо покачал головой.

– Ты много сделал для сына, Бернат, так не усложняй жизнь своему ребенку.

Грау, облаченный в траур, вошел в круг, образованный рабами, подмастерьями и помощниками, которым велели собраться у столба.

– Раздень ее, – приказал он Жауме.

Мавританка попыталась поднять ноги, когда с нее начали срывать рубашку. Тело девушки, обнаженное, темное, блестящее от пота, было выставлено перед невольными зрителями, которые боязливо поглядывали на кнут, растянутый Грау на полу.

Арнау расплакался от страха, и Бернат с силой сжал его плечи.

Хозяин отвел руку назад и ударил кнутом по обнаженной плоти; кнут щелкнул по голой спине, и хвостики с металлическими наконечниками, обвившись вокруг тела, вонзились в груди Хабибы. Тонкий ручеек крови потек по темной коже мавританки, а на грудях остались рваные раны. Острая боль пронзила ее тело, и Хабиба, подняв лицо вверх, взвыла.

Арнау затрясся и закричал, упрашивая Грау остановиться.

Грау снова отвел руку:

– Ты должна была присматривать за моими детьми!

Щелканье кнута заставило Берната развернуть Арнау и прижать голову мальчика к своей груди.

Женщина взвыла снова.

Арнау, пытаясь заглушить свои крики, зарылся головой в одежду отца. Грау продолжал хлестать мавританку, пока ее спина, плечи, груди, ягодицы и ноги не превратились в одну кровоточащую массу.

– Скажи своему хозяину, что я ухожу, – сказал Бернат.

Жауме с досадой сжал зубы. В этот миг ему хотелось по-братски обнять Берната, но кое-кто из подмастерьев внимательно смотрел на них. Бернат проводил взглядом первого помощника, который пошел к дому.

Сначала Бернат попытался поговорить с Гиамоной, но сестра не принимала никого. Целыми днями Арнау не вставал с соломенного тюфяка Берната, на котором они должны были теперь спать вместе.

Когда отец подходил к нему, мальчик сидел в одной и той же позе: он всегда пристально смотрел на то место, где лежала истерзанная мавританка, которой после истязаний попытались оказать помощь – но все усилия оказались напрасными.

Ее отвязали, как только Грау вышел из мастерской, но все растерялись, не зная, куда положить девушку.

Эстранья прибежала в мастерскую с оливковым маслом и мазями, однако, увидев сорванное с тела страдальцы живое мясо, только покачала головой.

Арнау смотрел на все это издали – спокойно, но со слезами на глазах. Бернат настаивал, чтобы он ушел, но мальчик отказался. В ту же ночь Хабиба скончалась. Единственное, что свидетельствовало о ее смерти, было прекращение ее стонаний, похожих на плач новорожденного...

Грау, услышав о решении своего шурина из уст Жауме, растерялся. Этого ему только не хватало: два Эстаньола со своими приметными родинками примутся бродить по Барселоне в поисках работы, рассказывая о нем всем, кто пожелает услышать...

А таких сейчас найдется немало, ведь он почти достиг вершины!

У Грау похолодело в желудке и пересохло во рту: он, Грау Пуч, старшина Барселоны, консул гильдии гончаров, член Совета Ста, приютил у себя беглых крестьян! Знать восстанет против него. Чем больше помогала Барселона королю Альфонсу, тем меньше зависел он от сеньоров-феодалов и все меньше становились милости, которые знать могла получить от монарха. А кто оказывал самую большую помощь королю? Он. Кому наносило ущерб бегство рабов-крестьян? Знати, у которой была земля.

Грау покачал головой и тяжело вздохнул.

Да будет проклят тот час, когда он позволил этому крестьянину поселиться в его доме!

– Пусть он придет, – приказал он первому помощнику.

Когда Бернат явился, Грау, поджав губы, сказал:

– Жауме сообщил мне, что ты собираешься покинуть нас.

Бернат утвердительно кивнул.

– А что ты будешь делать?

– Буду искать работу, чтобы содержать сына.

– У тебя нет профессии. Барселона битком набита такими, как ты: крестьяне, которые не смогли жить на своих землях, чаще всего не находят работу и в конце концов умирают с голоду. Кроме того, – добавил он, – у тебя даже нет свидетельства о гражданстве, хотя ты и прожил достаточно долго в городе.

– Что такое свидетельство о гражданстве? – спросил Бернат.

– Это документ, подтверждающий, что ты прожил в Барселоне один год и один день и поэтому являешься свободным гражданином, не подчиняющимся сеньяорам.

– А где можно получить такой документ?

– Его дают старшины города.

– Я попрошу его.

Грау взглянул на Берната. Грязный, одетый в простую рубашку и плетеную обувь, он выглядел жалко. Грау представил Берната, стоящего перед старшинами города и рассказывающего историю десяткам писарей: о том, как беглые зять и племянник Грау Пуча, старшины города, годами прятались в мастерской. Новость тут же начнет передаваться из уст в уста и...

Он и сам порой использовал подобные ситуации для нападения на своих противников.

– Садись, – пригласил он Берната. – Когда Жауме рассказал мне о твоих намерениях, я поговорил с Гиамоней, – соврал Грау, чтобы оправдать свое изменившееся отношение к происходящему. – Твоя сестра попросила, чтобы я сжалился над тобой.

– Мне не нужна жалость, – перебил его Бернат, думая о сидящем на тюфяке Арнау с потерянными взглядом. – Годы тяжелой работы в обмен на...

– Это был договор, – отрезал Грау, – и ты с ним согласился. В тот момент ты был заинтересован.

– Возможно, – ответил Бернат, – но я не продавал себя в рабство, и сейчас мне нет никакого интереса работать на тебя.

– Забудем о жалости. Я не думаю, что ты найдешь в городе работу, тем более если тебе не удастся доказать, что ты свободный гражданин. Без этого документа ты добьешься только одного – тобой просто воспользуются. – Грау вздохнул. – Ты знаешь, сколько крестьян-рабов бродят здесь в поисках работы? Они готовы работать даром – только лишь для того, чтобы прожить год и день в Барселоне! Ты не сможешь конкурировать с ними, ведь у тебя на руках ребенок. Прежде чем тебе дадут свидетельство о гражданстве, ты либо сам умрешь с голоду, либо умрет твой сын. Несмотря на то, что произошло, мы не можем позволить, чтобы с маленьким Арнау случилось то же, что и с нашим Гиамоном. Хватит одной смерти. Твоя сестра этого не переживет.

Бернат ничего не ответил и спокойно ждал, что еще скажет Грау.

– Если хочешь, – продолжил тот, повысив тон, – ты можешь работать в мастерской на тех же условиях... и с соответствующей платой неквалифицированного рабочего, из которой у тебя будут вычитать за ночлег и еду.

– А сын?

– А что с ним?

– Ты обещал взять его подмастерьем.

– И я это сделаю... когда он подрастет.

– Я хочу, чтобы это было записано в договоре.

– Хорошо, – заверил его Грау.

– А свидетельство о гражданстве?

Грау утвердительно кивнул, с досадой подумав о том, как трудно будет получить его для Берната, не скомпрометировав себя.

7

«Сим объявляем свободными гражданами Барселоны Берната Эстаньола и его сына Арнау...»

Наконец-то!

Бернат едва сдерживался, слушая слова, которые, чуть запинаясь, бормотал человек, читавший документ.

Получив бумаги, Бернат пошел на верфь, чтобы найти кого-нибудь, кто смог бы прочитать свидетельство. Этому грамотею он пообещал монету в обмен за оказанную услугу. Вдыхая запах дегтя и наслаждаясь морским бризом, ласкающим лицо, Бернат слушал, как тот читал ему второй документ, гласивший, что Грау обязуется взять Арнау в подмастерья, когда мальчику исполнится десять лет, и обучить его ремеслу гончара.

Его сын стал свободным и сможет получить профессию, чтобы зарабатывать на жизнь и защищать себя в этом городе!

Бернат с улыбкой на лице распрощался с обещанной монетой и пошел назад, в мастерскую.

То, что им дали свидетельство о гражданстве, означало: Льоренс де Бельера не заявил на них властям, против Берната Эстаньола не было открыто никакого уголовного дела. Наверное, тот мальчишка из кузницы все-таки выжил. Что ж, слава богу...

– Можешь присвоить себе наши земли, сеньор де Бельера, а мы останемся с нашей свободой, – вызывающе пробормотал Бернат.

Рабы Грау и сам Жауме даже прервали работу, увидев возвращающегося Берната, который сиял от счастья.

На земляном полу все еще оставалась кровь Хабибы. Грау приказал не счищать ее...

Бернат постарался не наступить на пятно, но его лицо помрачнело.

– Арнау... – прошептал он сыну, когда ночью они оба лежали на одном тюфяке.

– Да, отец?

– Мы теперь свободные граждане Барселоны.

Арнау не ответил.

Бернат нащупал голову сына и погладил его по волосам. Он знал, как мало это значило для ребенка, у которого отняли радость жизни. Бернат прислушался к дыханию работников и, продолжая поглаживать сына по голове, задумался. Его одолевало сомнение: согласится ли мальчик работать на Грау, когда наступит срок?..

В ту ночь Бернат долго не мог заснуть.

На рассвете, когда в мастерской начиналась работа, Арнау уходил. Каждое утро Бернат пытался поговорить с сыном и вернуть его к прежней жизни. «Ты должен поискать себе друзей», – хотел он сказать ему как-то раз, но, прежде чем успел раскрыть рот, увидел, как Арнау повернулся к нему спиной и нехотя побрел на улицу. «Пользуйся своей свободой, сынок», – готов был произнести Бернат в другой раз, заметив, что мальчик пристально смотрит на него. Однако в тот момент, когда он жестом собирался пригласить его к разговору, по щеке сына покатилась слеза.

Бернат стал на колени и дрожащими руками обнял его. Он наблюдал, как мальчик уходит по двору, едва волоча ноги...

Когда в очередной раз Арнау обходил пятна крови Хабибы, в ушах Берната вновь раздались звуки щелкающего кнута Грау. И он поклялся, что больше никогда не будет отступать перед кнутом: хватит тех бед, что уже случились!

Бернат побежал за сыном, и тот обернулся, услышав его шаги. Поравнявшись с Арнау, он начал сбивать ногой засохшую землю, на которой все еще были видны пятна крови мавританки. Лицо Арнау просветлело, и Бернат с еще большим усердием продолжил свое занятие.

– Что ты делаешь? – закричал Жауме с другого конца двора.

Бернат похолодел.

Свист кнута снова прозвучал в его ушах.

– Отец, давай!

Носком башмака Арнау стал отбрасывать почерневшую землю, которую Бернат заканчивал сбивать ногой.

– Что ты делаешь, Бернат? – повторил Жауме.

Бернат не ответил.

Прошло несколько секунд. Оглянувшись, Жауме увидел, что рабы перестали работать... и не отрывают от него взгляда.

– Принеси мне воды, сынок, – попросил Бернат, воспользовавшись замешательством Жауме.

Арнау поспешно вскочил, и впервые за несколько недель Бернат увидел его таким оживленным.

Жауме больше не подавал голоса.

Отец и сын опустили на колени и молча сдирали землю, пока не убрали все следы несправедливой казни.

– А теперь иди поиграй, сынок, – сказал ему Бернат, когда они закончили работу.

Арнау опустил взгляд. Ему хотелось спросить: с кем он должен играть?

Бернат провел рукой по голове мальчика и легонько подтолкнул его к двери.

Когда Арнау оказался на улице, он, как и во все эти дни, обошел дом Грау и взобрался на развесистое дерево, которое возвышалось над забором.

Оттуда был виден сад.

Спрятавшись, он ожидал, пока выйдут его двоюродные братья и сестра в сопровождении Гиамоны.

– Почему вы теперь не любите меня? – бормотал он. – Я ведь ни в чем не виноват.

Его двоюродные братья, казалось, были в хорошем настроении. Смерть Гиамона отдалялась временем, и только лицо их матери иногда болезненно искажалось от нахлынувших воспоминаний. Жозеф и Женис делали вид, что дерутся, а Маргарита смотрела на них, сидя рядом с матерью, которая почти не отходила от детей. Арнау, спрятавшись на дереве, грустил, вспоминая, как они дружно играли раньше.

Каждое утро Арнау стал взбираться на это дерево.

– А эти тебя уже не любят? – услышал он однажды вопрос, раздавшийся как будто с небес.

От неожиданности мальчик на миг потерял равновесие и чуть не упал с высоты. Арнау огляделся, но никого не увидел.

– Я здесь, – снова раздался голос.

Арнау посмотрел внутрь кроны, откуда исходил голос. Наконец ветви зашевелились, и между ними ему удалось различить фигуру мальчика, который махал ему рукой. С серьезным видом на лице тот сидел верхом на одном из сучьев.

– Что ты делаешь... на моем дереве? – сухо спросил его Арнау.

Мальчик, грязный и исхудавший, не смутился.

– То же, что и ты, – коротко ответил он ему. – Смотрю.

– Ты не имеешь права смотреть, – заявил Арнау.

– Почему? Я уже давно это делаю. Я тебя и раньше видел.

Грязнуля немного помолчал.

– Твои братья тебя уже не любят? Поэтому ты плачешь?

Арнау почувствовал, как по щеке покатилась слеза, и рассердился: этот оборванец подсматривал за ним!

– Сейчас же спускайся, – приказал он, когда уже сам был на земле.

Мальчик проворно слез с дерева и встал перед ним.

Арнау был на голову выше его, но мальчуган не выглядел испуганным.

– Ты за мной подглядывал! – обвинил его Арнау.

– Ты тоже подглядывал, – защищался малыш.

– Да, но они – мои двоюродные братья, и я имею право это делать.

– Тогда почему ты не играешь с ними, как раньше?

Арнау больше не мог сдерживаться и громко всхлипнул.

Когда он собрался наконец ответить, у него задрожал голос.

– Не переживай, – сказал малыш, пытаясь успокоить его, – я тоже часто плачу.

– А ты чего плачешь? – спросил Арнау, вытирая слезы.

– Не знаю... Иногда я плачу, когда думаю о маме.

– У тебя есть мама?

– Да, но...

– А что же ты здесь делаешь, если у тебя есть мама? Почему ты не играешь с ней?

– Я не могу быть с ней.

– Почему? Она разве не у тебя дома?

– Дома... – смутившись, произнес мальчик и добавил: – Конечно дома.

– Тогда почему ты не с ней?

Мальчик провел рукой по грязному лицу и не ответил.

– Она больна? – продолжал расспрашивать Арнау.

Незнакомец отрицательно покачал головой и сказал:

– Здорова...

– Тогда что с ней? – настаивал Арнау.

Мальчик безутешно посмотрел на него. Покусывая нижнюю губу, он наконец решился.

– Пойдем, – сказал он, схватившись за рукав рубашки Арнау. – Иди за мной.

Малыш быстро вышел за ворота и побежал с удивительной для его росточка быстротой. Арнау следовал за ним, стараясь не терять из виду, что было просто, когда они бежали через квартал гончаров, с его открытыми и просторными улицами. Но вскоре стало труднее: они оказались в центре Барселоны, где узкие городские улочки, полные людей и лотков с товарами ремесленников, превращались в настоящие ловушки, из которых почти невозможно было выбраться.

Арнау не знал, где он находится, но бежал без всякой предосторожности; в тот момент его единственной целью было не потерять из виду маленькую фигурку нового товарища, который ловко пробирался между прохожими и прилавками торговцев, вызывая возмущение и тех и других. Менее проворный Арнау, не успевая увернуться от проходящих мимо людей, принимал на себя все последствия раздражения, вызванного его новым товарищем, выслушивая ругательства в свой адрес. Кто-то собрался даже дать ему затрещину, кто-то попытался схватить за рубашку, но Арнау удалось ускользнуть от них, хотя из-за этого он упустил из виду своего проводника и внезапно очутился недалеко от большой площади, заполненной людьми.

Арнау знал эту площадь. Однажды он был здесь с отцом.

– Это площадь Блат, – сказал ему отец, – центр Барселоны. Видишь этот камень посередине площади? – (Арнау проследил за рукой отца.) – Этот камень означает, что отсюда город начинает делиться на кварталы: Морской, Фраменорс, Дел-Пи и Салада – он же Сант-Пере.

Он добрался до площади по улице торговцев шелком и остановился перед воротами замка викария. Арнау попытался разглядеть в толпе своего нового приятеля, но люди, запо-

лонившие площадь, мешали ему. С одной стороны портала находилась главная городская скотобойня, а с другой – несколько прилавков, на которых продавали выпеченный хлеб. Арнау решил поискать малыша между каменными столами, расположенными с обеих сторон площади.

Всюду суетились горожане.

– Это рынок пшеницы, – объяснял ему Бернат, когда они гуляли здесь. – Вон на тех прилавках продают пшеницу городские перекупщики и лавочники, а напротив, на других прилавках, зерном торгуют крестьяне, которые приезжают в город, чтобы продать собранный урожай...

Арнау никак не мог высмотреть оборвыша, который привел его сюда. Его не было среди людей, которые торговались, покупая пшеницу.

Пока Арнау стоял перед Главными воротами, пытаясь разглядеть в толпе мальчика, его оттолкнули люди, которые пытались заехать на площадь. Он попробовал увернуться от них, вплотную прижавшись к прилавкам торговцев хлебом, но как только его спина коснулась прилавка, ему сразу же отпустили подзатыльник.

– Пошел отсюда, молокосос! – крикнул торговец.

Арнау снова оказался в толпе, в окружении кричащих людей, которые несли на плечах мешки с зерном, не замечая ничего вокруг. Мальчик не знал, куда идти, и, пинаемый со всех сторон, растерялся...

У Арнау уже начала кружиться голова, когда из ниоткуда перед ним вновь появилась озорная грязная мордашка мальчугана, за которым он гнался через всю Барселону.

– Чего ты здесь стоишь? – спросил малыш, повышая голос, чтобы Арнау услышал его.

Арнау ничего не ответил.

На этот раз он крепко схватил нового знакомого за рубашку, и они вместе пробрались через всю площадь до улицы Бокерия. Затем мальчики очутились в квартале котельщиков, в маленьких улочках которого стоял стук молотков по меди и железу. Теперь они не бежали; Арнау, едва дыша, вцепился в рукав мальчика и заставил своего шустрого проводника-оборванца замедлить шаг.

– Вот мой дом, – сказал наконец малыш, махнув рукой в сторону приземистого одноэтажного строения. Перед дверью стоял стол, заставленный медными котлами всевозможных размеров; за столом работал крупный мужчина, даже не посмотревший на них. – Это был мой отец, – добавил мальчик, когда они прошли вдоль фасада дома.

Они поднялись по улочке вверх и обогнули небольшие постройки, за которыми открывался фруктовый сад, прилегающий к тыльной стороне дома нового знакомого. Малыш ловко взобрался на глиняную стену, окружавшую сад, и обернулся, давая знак, чтобы Арнау последовал его примеру.

– Зачем?..

– Залазь! – крикнул мальчик, сев верхом на стену.

Когда оба спрыгнули внутрь садика, мальчик остановился, пристально глядя на маленькую пристройку к дому, стена которой была обращена в сад. Она была достаточно высокая, с небольшим проемом в форме окна.

Арнау подождал, пока прошло несколько секунд, но мальчик даже не пошевелился.

– Ну и что дальше? – спросил Арнау.

Мальчуган повернулся к нему:

– Что?..

Сорванец, не обращая внимания на Арнау, взял деревянный ящик, поставил его под окошком, а потом взобрался на него, не отводя глаз от проема.

– Мама, – прошептал малыш.

Бледная женская рука с трудом поднялась, чтобы взяться за края проема; локоть оставался на подоконнике, а пальцы нежно коснулись головы ребенка.

– Жоанет, – услышал Арнау ласковый голос, – сегодня ты пришел раньше, еще нет и полудня.

Жоанет молча кивнул.

– Что-нибудь случилось? – продолжала расспрашивать женщина.

Мальчику потребовалось несколько секунд, прежде чем он ответил. Втянув в себя воздух, он сказал:

– Я пришел с другом.

– Я рада, что у тебя есть друзья. Как его зовут?

– Арнау.

«Откуда он знает мое имя? А, ясно! Он же подсматривал за мной», – подумал Арнау.

– Он здесь?

– Да, мама.

– Привет, Арнау.

Арнау посмотрел в сторону окна. Жоанет повернулся к нему.

– Привет... сеньора, – пробормотал Арнау, не зная, что он должен сказать в ответ на голос, доносившийся из окна.

– Сколько тебе лет? – спросила его женщина.

– Восемь лет... сеньора.

– Ты на два года старше моего Жоанета, но я надеюсь, что вы подружитесь и навсегда сохраните вашу дружбу. В этом мире нет ничего лучше, чем добрый друг. Помните об этом всегда.

Голос утих. Рука матери продолжала поглаживать голову Жоанета, и Арнау наблюдал, как малыш, сидевший на деревянном ящике, прислонился к стене, свесил ноги и оставался без движения, наслаждаясь этой лаской.

– Идите поиграйте, – внезапно сказала женщина, убирая руку. – Прощай, Арнау. Присматривай за моим сыном, ты ведь старше его.

Арнау хотел было сказать «до свидания», но не смог произнести ни слова.

– До встречи, сынок, – снова послышался голос. – Придешь ко мне еще?

– Конечно, мама.

– Ну, идите.

Мальчики снова окунулись в шум улиц Барселоны и пошли куда глаза глядят. Арнау ждал, что Жоанет все ему объяснит, но тот молчал, и Арнау решил спросить:

– Почему твоя мама не выходит в сад?

– Ее заперли, – ответил ему Жоанет.

– Почему?

– Не знаю. – Мальчуган пожал плечами. – Знаю только, что она закрыта.

– А почему ты не войдешь к ней через окно?

– Понс мне запрещает это делать.

– Кто такой Понс?

– Понс – мой отец.

– А почему он тебе запрещает?

– Не знаю, – ответил Жоанет.

– Почему ты называешь его Понсом, а не отцом?

– Он мне не разрешает называть его отцом.

Арнау внезапно остановился и потянул Жоанета на себя так, чтобы тот повернулся к нему лицом.

– Я не знаю, почему Понс не хочет быть моим отцом, – тихо произнес малыш.

Они пошли дальше. Арнау задумался, пытаясь разобраться в этой путанице, а Жоанет, глядя на своего нового товарища, казалось, ожидал следующего вопроса.

– А как же твоя мать? – решил-таки спросить Арнау.

– Она всегда там закрыта, – ответил Жоанет, сиюминутно изобразив на лице улыбку. – Однажды, когда Понс был за городом, я попытался залезть в окно, но она мне этого не позволила. Она сказала, что не хочет, чтобы я ее увидел.

– Чего ты улыбаешься? – нахмурившись, спросил Арнау.

Жоанет прошел еще несколько метров, прежде чем ответить.

– Она мне всегда говорит, что нужно улыбаться, – грустно произнес он.

Оставшуюся часть утра Арнау бродил по улицам Барселоны, следуя за грязным мальчуганом, который никогда не видел лица своей матери.

– Мать гладила его по голове через оконце, которое было в пристройке, – шептал Арнау своему отцу, когда они оба лежали на тюфяке. – Он никогда ее не видел. Отец ему этого не позволяет, да и она тоже.

Бернат ласково прижимал к себе сына, пока тот рассказывал о своем приключении с новым другом.

Храп работников и подмастерьев, спавших в том же помещении, время от времени нарушал молчание, воцарявшееся между ними.

Бернат задался вопросом: какое преступление совершила эта женщина, чтобы заслужить столь суровое наказание?

Понс, котельщик, сразу бы ответил ему: «Прелюбодеяние!»

Он рассказывал об этом уже десятки раз каждому, кто готов был его выслушать.

– Я застал ее на месте преступления с любовником, таким же юнцом, как и она. Они воспользовались тем, что я часами работаю в кузнице. Конечно, я пошел к викарию, чтобы потребовать справедливое возмездие, которое предусматривают наши законы.

Мускулистый котельщик вздохнул, восхваляя закон, позволяющий справедливости торжествовать:

– Наши графы – мудрые люди, они знают о низости женщин! Только женщины благородного происхождения могут снять с себя обвинение в прелюбодеянии клятвой. Виновость же всех прочих, вроде моей Жоаны, доказывается в драке! Правый побеждает с Божьей помощью!

Те, кто присутствовал при драке, помнили, как Понс разорвал в клочья юного любовника Жоаны. Едва ли Бог мог встать между котельщиком, закаленным работой в кузнице, и хиленьким влюбленным юнцом. Так же не повезло и самой Жоане...

Королевский приговор гласил: «Если победит женщина, муж будет содержать ее в почете и возместит всякий урон, который был нанесен ей и ее друзьям в этом споре и этой схватке, а также возместит урон дравшемуся. Если же супруга будет побеждена, она останется в руках мужа со всем имуществом, ей принадлежащим».

Понс не умел читать, но по памяти пересказывал содержание приговора всем любопытным.

«Предписываем означенному Понсу, если он хочет, чтобы ему отдали Жоану, содержать ее в надлежащих условиях и в безопасности в своем собственном доме, в месте, которое будет длиной двенадцать пядей, шириной – шесть и высотой в три кань⁵. Он должен подготовить для нее мешок с соломой, необходимый для сна, и одеяло, которым она сможет укрываться. При этом ему следует выкопать яму, чтобы она могла отправлять свои естественные потреб-

⁵ *Кана* – каталонская мера длины, около 1,5 м.

ности, и сделать ей окошко, чтобы через него ежедневно передавать означенной Жоане еду – восемнадцать унций выпеченного хлеба и столько воды, сколько она пожелает.

Кроме того, ему предписано не давать и не делать Жоане ничего, что подтолкнуло бы ее к смерти. Все это должно быть обеспечено, прежде чем супруга будет передана Понсу».

Понс выполнил предписание викария, и тот отдал ему Жоану. Он пристроил к своему дому комнатку два с половиной метра на метр двадцать, выкопал яму, чтобы женщина могла оправляться, и прорубил окно, через которое Жоанет, появившийся на свет через девять месяцев после суда и не признанный Понсом, давал себя гладить по голове. Заточив на всю жизнь свою юную супругу, Понс успокоился.

– Отец, – прошептал Арнау, – какой была моя мать, почему вы со мной никогда не говорите о ней?

«Что тебе рассказать, сынок? Что она потеряла девственность под одним подвыпившим сеньором? Что она превратилась в публичную женщину в замке феодала Льоренса де Бельеры?» – с горечью думал Бернат.

– Твоей матери, – ответил он, – не повезло в жизни. Она была несчастным человеком.

Бернат услышал, как Арнау тяжело вздохнул, прежде чем заговорить снова.

– Она меня любила? – спросил мальчик глухим голосом.

– Не успела. Умерла при родах.

– Хабиба меня любила.

– Я тебя тоже люблю.

– Но вы мне не мать. Даже у Жоанета есть мать, которая гладит его по голове.

– Не у всех детей есть... – начал было Бернат.

«Мать всех христиан!» Слова священника всплыли в его памяти.

– О чем вы говорите, отец?

– У тебя есть мать. Разумеется, у тебя она есть, – сказал Бернат, заметив, что ребенок немного успокоился. – Всем детям, которые остаются без матери, как ты, Бог дает другую – Деву Марию.

– А где эта Мария?

– Дева Мария, – поправил его Бернат. – Она на небе.

Арнау некоторое время помолчал и после паузы спросил:

– А зачем нужна мать, которая на небе? Она не приласкает меня и не поиграет со мной, не поцелует меня, не...

– Она все сделает. – Бернат отчетливо припомнил объяснения, которые давал ему отец, когда он сам задавал подобные вопросы. – Она посылает птиц, чтобы они приласкали тебя. Когда ты заметишь птиц, передай с ними привет своей матери, и ты увидишь, как они полетят высоко в небо, чтобы выполнить твою просьбу. Потом они расскажут об этом друг другу, и одна из птиц станет щебетать и весело кружиться над тобой.

– Но я не понимаю птичьего языка.

– Ты научишься понимать его.

– И я никогда не встречу с ней?..

– Нет... нет, никогда. Но ты сможешь увидеть ее в некоторых храмах и даже поговорить с ней через птиц или в этих же храмах. Она будет отвечать тебе по ночам, когда ты будешь спать. Она будет любить тебя и осыплет ласками больше, чем любая мать, которая находится рядом...

– Больше, чем Хабиба?

– Гораздо больше.

– А этой ночью? – спросил мальчик. – Сегодня я не разговаривал с ней.

– Не переживай, я сделал это за тебя. Постарайся заснуть, и ты увидишь ее.

8

Новые друзья встречались каждый день и вместе бегали к морю, чтобы посмотреть на корабли. Иногда они бродили по улицам Барселоны. Каждый раз, когда в саду звучали голоса Жозефа, Жениса или Маргариды Пуч, Жоанет видел, как его друг поднимал глаза к небу, как будто выискивал что-то витающее в облаках.

– На что ты смотришь? – смеясь, спросил его однажды Жоанет.

– Ни на что, – коротко ответил Арнау.

Его друг захохотал еще громче, и Арнау снова посмотрел на небо.

– Может, залезем на дерево? – спросил Жоанет, думая, что внимание друга привлекали ветки.

– Нет, – отказался Арнау, выискивая взглядом птицу, с которой можно было передать привет матери.

– Почему ты не хочешь залезть на дерево? Тогда мы сможем увидеть много чего...

Но Арнау не слушал приятеля. Что он мог сказать Деве Марии? Что вообще говорят матерям? Жоанет ничего не говорил своей, он только слушал ее, отвечал на ее вопросы и кивал в ответ, но мог слышать ее голос и ощущать ее ласку, подумал Арнау.

– Может, все-таки залезем? – снова предложил малыш.

– Нет! – крикнул Арнау, стараясь стереть улыбку с губ Жоанета. – У тебя есть мать, которая тебя любит, и тебе не нужно подглядывать за матерями других!

– Но ведь у тебя ее нет, – ответил Жоанет. – Если мы залезем...

«Как я тебя люблю!» – эти слова часто говорили своей матери дети Гиамоны. «Птичка, скажи это моей маме, – мысленно умолял Арнау, увидев, как птица полетела ввысь. – Скажи ей, как я ее люблю».

– Ну что, давай? – настаивал Жоанет, уже держась одной рукой за нижние ветки.

– Нет. Не хочу.

Жоанет отошел от дерева и вопросительно посмотрел на своего товарища.

– У меня тоже есть мама, – сказал вдруг Арнау.

– Новая?

Арнау растерялся:

– Не знаю. Ее зовут Дева Мария.

– Дева Мария? А кто это?

– Она есть в некоторых храмах. Я знаю, что они, – продолжил он, показывая рукой на забор, – ходили в церковь, а меня не брали.

– Я знаю, где находится церковь, – сказал Жоанет и, увидев, как расширились глаза Арнау, добавил: – Если хочешь, я отведу тебя. В самую большую церковь в Барселоне!

Жоанет, как всегда, выбежал, не дожидаясь, когда ему ответят, но Арнау сразу бросился за ним и быстро догнал.

Они помчались в сторону улицы Бокерия, обошли еврейский квартал по улице Бисбе и оказались у собора.

– Ты думаешь, что здесь, внутри, есть Дева Мария? – спросил Арнау, недоверчиво глядя на малыша.

Затем он посмотрел на кучу лесов, возвышавшихся над незаконченными стенами, и проводил взглядом большой камень, который с трудом поднимали несколько работников, таща его через блок.

– Ну конечно же, – убежденно ответил ему Жоанет. – Это же церковь.

– Это не церковь! – услышали они за спиной чей-то голос.

Мальчики повернулись и увидели грубого на вид мужчину, который держал в руках молоток и долото.

– Это – собор, – заявил он, гордясь, что работает помощником скульптора. – Никогда не путайте его с церковью.

Арнау гневно посмотрел на Жоанета.

– А где церковь? – спросил Жоанет мужчину, когда тот уже отвернулся от них.

– Вон там, – ответил он, показывая долотом на ту же улицу, по которой они пришли сюда, – на площади Сант-Жауме.

Мальчики бегом вернулись на площадь Сант-Жауме, где обнаружили небольшое строение – не такое, как остальные, а с бесчисленными рельефными изображениями, высеченными на фронте двери, и маленькой парадной лестницей. Дети не стали медлить и поспешили зайти внутрь. Здесь было темно и прохладно, но, прежде чем глаза друзей привыкли к полумраку, чьи-то сильные руки схватили их за плечи и спустили с лестницы так, что оба упали на землю.

– Мне уже надоело говорить, чтобы вы не бегали по церкви Святого Жауме!

Арнау и Жоанет посмотрели друг на друга.

Церковь Святого Жауме!

Значит, это тоже не церковь Девы Марии. В глазах детей читалось явное разочарование.

Когда священник ушел, они поднялись. В тот же миг их окружили шестеро мальчишек, босоногих, в лохмотьях и таких же грязных, как Жоанет.

– У него очень скверный характер, – произнес один из них, кивнув в сторону церкви.

– Если хотите, мы можем сказать, как войти в церковь, чтобы никто вас не заметил, – вступил в разговор другой и добавил: – Но потом сами выпутывайтесь. Если вас поймают.

– Нет, мы туда не пойдем, – ответил Арнау. – Вы знаете, где есть другая церковь?

– Вас ни в какую не пустят, – заявил третий.

– А это уже наше дело, – дерзко произнес Жоанет.

– Слышишь, малявка! – засмеялся самый старший из всех, направляясь к Жоанету. Он был в два раза выше Жоанета, и Арнау не на шутку испугался за своего друга. – Все, что происходит на этой площади, – наше дело, понял? – сказал паренек, толкая малыша.

Жоанет уже изготовился было наброситься на своего обидчика, но в этот миг что-то происходившее на другом краю площади отвлекло внимание всей ватаги.

– Еврей! – крикнул один из оборванцев.

Вся компания тут же повернулась в сторону другого мальчика, на груди которого ярким пятном выделялся желтый кружок. Тот бросился наутек, как только заметил, что ему угрожает опасность. Маленький еврей сумел добежать до ворот своего квартала, и ватаге не удалось догнать его. Мальчишки остановились у входа ни с чем. Рядом с Арнау и Жоанетом остался только маленький худышка, еще меньше, чем Жоанет, в его глазах застыл страх, оттого что он сейчас собирался пойти наперекор главарю своей ватаги, но все же он произнес:

– Вон там, за церковью Святого Жауме, – показал он им, – есть еще одна церковь. Бегите, пока Пау, – добавил он, кивая головой в сторону мальчишек, которые снова направились к ним, – не вернется и не отыграется на вас. Он всегда сердится, когда еврею удастся сбежать от него.

Арнау потянул Жоанета, приготовившегося к схватке и смело ожидавшего этого Пау. Однако, увидев, что уличные бродяжки приближаются с угрожающими рожами, Жоанет дрогнул...

Они мчались вниз по улице в сторону моря, пока не сообразили, что Пау со своими друзьями, вероятно, снова занялся евреями, проходившими через площадь. Убедившись, что их больше не преследуют, они пошли обычным шагом. Едва мальчики миновали улицу, которая

протянулась от площади Сант-Жауме, как перед ними возник храм. Они остановились у его подножия, и Жоанет глазами указал в сторону двери.

– Подождем, – спокойно произнес Арнау.

В этот миг из церкви вышла пожилая женщина и стала медленно спускаться по ступенькам. Арнау не раздумывая бросился к ней.

– Сударыня, – спросил он, когда она ступила на мостовую, – что это за церковь?

– Святого Михаила, – на ходу ответила женщина.

Арнау вздохнул. Теперь – святой Михаил...

– А где еще другая церковь? – вмешался Жоанет, увидев, как помрачнело лицо товарища.

– В конце этой улицы.

– А что это за церковь? – осведомился малыш, привлекая внимание женщины к себе.

– Церковь Святых Жуста и Пастора. А почему это вас так интересует?

Дети не ответили и, опустив головы, пошли прочь от женщины, которая продолжала смотреть на них.

– Все церкви мужские! – с горечью воскликнул Арнау. – Нужно найти женскую церковь. Наверняка там будет Дева Мария.

Жоанет продолжал идти, о чем-то думая.

– Я знаю одно место... – вымолвил он наконец. – Это женская церковь. Она находится в самом конце городской стены, рядом с морем. Ее называют... – Жоанет силился вспомнить, – церковь Святой Клары.

– Но это тоже не Святая Дева.

– Но зато женщина. Значит, твоя мать будет где-то рядом с ней.

Они спустились по улице Сьютат до Морских ворот и оказались у древнеримской городской стены, возле замка Регомир, откуда начиналась дорога к монастырю Святой Клары. Этот монастырь закрывал собой новую городскую стену в ее восточной части, расположенной у самого моря. Обогнув замок Регомир, мальчики повернули налево и двигались вперед, пока не достигли Морской улицы, протянувшейся от площади Блат до церкви Святой Марии у Моря. Здесь улица расходилась на несколько маленьких улочек, которые параллельно друг другу вели к морю. Затем, пройдя через площадь Борн и площадь Льюль, дети вышли на улицу Санта-Клара и вскоре добрались до одноименного монастыря.

Несмотря на горячее желание поскорее найти церковь, оба не устояли перед тем, чтобы задержаться у лавок ювелиров, расположенных по обеим сторонам Морской улицы.

Барселона была богатым, процветающим городом, и подтверждением этому служили многочисленные дорогостоящие предметы, выставленные в этих лавках: серебряная посуда, кувшины и стаканы из драгоценных металлов, инкрустированные драгоценными камнями ожерелья, браслеты и кольца, сверкавшие в лучах летнего солнца, дорогие ремни, бесконечное количество произведений искусства. Арнау и Жоанет словно зачарованные смотрели на всю эту роскошь, пока хозяева не отгоняли их – иногда криками, а порой и подзатыльниками.

Убегая от подмастерья одного из ювелиров, они и добрались до улицы Санта-Клара, справа от которой было маленькое кладбище, большая усыпальница, а слева – какая-то церковь.

– Святая Клара... – начал было Жоанет, но внезапно замолчал.

Это... это было грандиозно!

– Как они это сделали? – спросил Арнау и тоже замолчал, разинув рот.

Перед ними вздымалась церковь, величественная и прочная, значительная и суровая, как будто сплюснутая, без окошек; ее стены казались невероятно толстыми. Вокруг церкви все было вычищено и разровнено. Ее окружало бесконечное количество столбиков, вбитых в землю и соединенных веревками, так что они образовывали геометрические фигуры.

По окружности церкви стояли десять шестнадцатиметровых колонн из белоснежного камня, который был отчетливо виден сквозь леса, окружавшие их.

Деревянные помосты, опиравшиеся на заднюю часть церкви, вздымались и вздымались вверх, как огромные ступеньки. Несмотря на то что они стояли довольно далеко, Арнау пришлось задрать голову, чтобы разглядеть последние помосты, которые находились гораздо выше колонн.

– Пойдем, – потянул его Жоанет, когда ему надоело смотреть на опасную суету рабочих, бегающих по прогибавшимся мосткам. – Не сомневайся, есть еще один собор.

– Это не собор, – услышали они чей-то голос у себя за спиной.

Арнау и Жоанет быстро переглянулись и, повернувшись, уставились на крепкого, покрытого потом мужчину с огромным камнем на плечах.

«А что же это?» – вертелось на языке у Жоанета, но он промолчал.

– За собор платят богатые горожане и город, а это – церковь, которая будет красивее и значительнее собора, потому что ее строит народ.

Мужчина даже не остановился. Тяжелая ноша словно подталкивала его вперед, и он только улыбнулся им на ходу.

Оба мальчика прошли за ним до боковой стороны церкви, расположенной рядом с другим кладбищем, малой усыпальницей.

– Помочь? – спросил Арнау.

Мужчина глубоко вдохнул, прежде чем повернуться, и, улыбувшись, ответил:

– Спасибо, малец, я сам.

Наконец мужчина согнулся и сбросил камень на землю. Дети во все глаза смотрели на него, и Жоанет, подойдя к камню, попытался сдвинуть его, но не смог.

Мужчина рассмеялся.

– Если это не собор, – вмешался Арнау, указывая на высокие восьмигранные колонны, – то что тогда?

– Это новая церковь, которую воздвигает квартал Рибера в знак благодарности и преклонения перед Богородицей, Девой...

– Девой Марией? – выкрикнул Арнау, широко раскрыв глаза.

– Конечно, малец, – ответил мужчина, повернувшись к нему. – Дева Мария, Богородица...

– А... а где находится Дева Мария? – снова спросил Арнау, не отрывая взгляда от церкви.

– Там, внутри этой церкви. Когда мы ее закончим, это будет самая красивая церковь, какой у Девы прежде никогда не было.

Внутри церкви!

Арнау даже не стал дальше слушать.

Там была его Святая Дева!

Внезапно какой-то шум заставил их поднять головы: стая птиц взлетела с самого верхнего помоста.

9

Квартал Рибера, где строилась церковь в честь Девы Марии, вырос как пригород Барселоны, которая была окружена и укреплена древнеримскими стенами во времена Каролингов. В самом начале это был простой квартал рыбаков, портовых грузчиков и прочих людей низкого сословия. Уже тогда там построили маленькую церковь, известную под названием Святая Мария на Песках. Она располагалась в том месте, где в 303 году, по некоторым сведениям, была замучена святая Эулалия. Церквушка Святой Марии на Песках получила это название, потому что была воздвигнута на морском берегу Барселоны, но наслоения земли, которые делали порт города непригодным к использованию, отдаляли церковь от моря, и она постепенно утратила свое изначальное наименование. Через какое-то время она стала известна как церковь Святой Марии у Моря, потому что, хотя береговая линия и отошла от нее, люди, которых кормило море, продолжали почитать морскую стихию.

Прошли годы, место для церквушки очистилось от песков, и город стал осваивать земли за крепостными стенами, чтобы обеспечить пространство для растущего населения Барселоны, которому уже было тесно в пределах римской стены. Из трех границ Барселоны была выбрана восточная, через которую шло движение из порта в город. Именно здесь, на Морской улице, и поселились ювелиры. Другим улицам дали названия исходя из того, кто жил и работал там: менялы, торговцы хлопком, мясники и пекари, виноторговцы и сыроделы, шляпники, оружейники и множество других ремесленников.

Здесь также была *альондига*, гостиница, где останавливались чужеземные купцы, приехавшие в город, и строилась площадь Борн, расположившаяся сразу за церковью Святой Марии, – здесь проходили рыцарские турниры и состязания.

Но не только богатых ремесленников привлекал квартал Рибера; знать тоже переезжала сюда. Это произошло с легкой руки предводителя дворянства Гильема Рамона де Монкады, которому граф Барселоны Рамон Беренгер IV отдал соборные земли. Здесь и появилась улица, носившая его имя: она выходила на площадь Борн, рядом с церковью Святой Марии у Моря, и вскоре на ней были воздвигнуты большие и роскошные дома.

Когда квартал Рибера превратился в богатое и процветающее место, древняя романская церковь, куда приходили поклониться своей покровительнице рыбаки и прочие жившие на побережье люди, стала тесной. К тому же разбогатевшим и знатым прихожанам она казалась слишком бедной.

Все средства барселонской Церкви и королевского двора направлялись исключительно на строительство городского собора, однако прихожане церкви Святой Марии у Моря, богатые и бедные, объединенные почитанием Святой Девы, не отступили от своей благородной цели и, несмотря на отсутствие официальной поддержки, с помощью недавно назначенного архидьякона Морской епархии Берната Льюля ходатайствовали перед церковными властями о позволении воздвигнуть то, что им бы хотелось. Верующие мечтали о самом большом монументе Деве Марии.

И они добились своего.

Церковь Святой Марии у Моря начала строиться людьми и для людей, которые и заложили первый камень. Он находился в том самом месте, где должен был стоять главный алтарь, на котором, в отличие от храмов, возводившихся при поддержке властей, был высечен герб прихода – символ того, кем она строилась и кому принадлежала, то есть единственно и исключительно прихожанам: богатым, пожертвовавшим свои деньги, и неимущим, вложившим свой труд. Когда заложили первый камень, было решено, что группа прихожан и старшин города, названная «Двадцать пять», должна будет собираться каждый год во главе с ректором прихода, чтобы в присутствии нотариуса передавать ему ключи от церкви на текущий год.

Арнау посмотрел на мужчину, который принес камень. Все еще потный, тяжело дышащий, он улыбался, глядя на строительство.

– А можно ее увидеть? – осведомился Арнау.

– Деву Марию? – уточнил мужчина, доброжелательно глядя на мальчугана.

«А если детям не разрешено входить одним в церковь? – подумал Арнау. – Если они должны это делать с родителями?»

Он вспомнил слова священника из церкви Святого Жауме. Но мужчина, продолжая улыбаться, сказал:

– Разумеется. Святая Дева будет очень рада, что такие дети, как вы, пришли к ней.

Арнау засмеялся. Зря он переживал!

Посмотрев на Жоанета, мальчик спросил:

– Пойдем?

– Эх! – воскликнул мужчина. – Жаль, но я должен идти работать.

Он взглянул на рабочих, которые тесали камень.

– Анхель! – крикнул он двенадцатилетнему мальчику, который подбежал к ним. – Сходи с этими детьми в церковь. Скажи священнику, что они хотят посмотреть на Святую Деву.

Мужчина повернулся к Арнау, погладил его по голове и ушел в сторону моря.

Арнау и Жоанет остались с Анхелем, и, когда он на них посмотрел, оба потупились.

– Вы хотите увидеть Святую Деву? – поинтересовался Анхель.

Арнау утвердительно кивнул.

– Ты... ее знаешь?

– Конечно, – засмеялся Анхель. – Это – Святая Дева у Моря... Моя Святая Дева. Мой отец – лодочник! – добавил он с гордостью. – Пойдемте!

Оба мальчика пошли за ним к входу в церковь: Жоанет – с широко раскрытыми глазами, Арнау – опустив голову.

– У тебя есть мать? – спросил внезапно Арнау.

– Да, конечно, – бросил Анхель, не останавливаясь.

Идя за ним, Арнау посмотрел на Жоанета и улыбнулся. Они вошли в церковь Святой Марии и остановились, привыкая к темноте.

Пахло воском и ладаном. Арнау сравнил высокие и стройные колонны, которые высились снаружи, с внутренними – низкими, квадратными и толстыми. Единственный свет, проникавший сюда через несколько узких окон, вытянутых и глубоко посаженных в массивные стены здания, оставлял на полу желтые прямоугольники. Повсюду: на потолке, на стенах, в нишах – были корабли. Одни – уже тщательно обработанные, другие – незаконченные.

– Пойдемте, – шепнул им Анхель.

Когда они шли к алтарю, Жоанет увидел нескольких человек, стоящих на коленях, прямо на полу, которых они поначалу даже не заметили. Проходя мимо них и услышав шепот, дети приостановились.

– Что они делают? – спросил Жоанет, склонившись к уху Арнау.

– Молятся, – ответил тот.

Его тетя Гиамона, возвратясь из церкви со своими детьми, тоже заставляла его молиться на коленях в спальне перед распятием.

Когда они оказались перед алтарем, к ним подошел худощавый священник. Жоанет притих, спрятавшись за Арнау.

– Что привело вас сюда? – тихо спросил святой отец, глядя на детей.

Затем он протянул руку Анхелю, перед которой подросток с почтением склонился.

– Эти двое, отче, хотят видеть Святую Деву, – пояснил Анхель.

Когда священник повернулся к Арнау, мальчик увидел, как заблестели в темноте его глаза.

– Вот она, – торжественно произнес кюре, указывая на алтарь.

Арнау проследил за рукой святого отца и увидел маленькую хрупкую женскую фигуру, высеченную из камня. На правой руке у нее сидел младенец, а у ее ног стоял деревянный корабль. Арнау пристально разглядывал спокойные черты лица...

Его мама!

– Как вас зовут? – спросил священник.

– Арнау Эстаньол, – ответил мальчик.

– Жоан, но меня называют Жоанет, – представился его товарищ.

– А фамилия?

Улыбка мгновенно слетела с лица Жоанета.

Он не знал своей фамилии.

Его мать сказала, что он не должен пользоваться фамилией котельщика Понса, который, узнав об этом, может сильно разозлиться. Но фамилию матери он тоже не имел права носить. Жоанет никогда не должен был никому называть свою фамилию. Зачем священнику знать ее? Но кюре продолжал пристально смотреть на мальчугана.

– Такая же, как и у него, – наконец вымолвил Жоанет, – Эстаньол.

Арнау повернулся к нему и по умоляющему взгляду малыша понял, что тот просит не выдавать его.

– Так вы братья?

– Д-да... – только и смог пробормотать Жоанет с молчаливого согласия Арнау.

– Молитвы знаете?

– Конечно, – ответил Арнау.

– А я еще нет, – признался Жоанет.

– Пусть тебя научит старший брат, – сказал священник. – Вы можете помолиться Святой Деве. А ты, Анхель, иди со мной, я хочу, чтобы ты кое-что передал своему мастеру. Здесь несколько камней...

Голос священника становился все тише, по мере того как он и Анхель удалялись.

Дети остались у алтаря.

– Нужно будет молиться на коленях? – шепотом спросил Жоанет.

Арнау повернулся к тем людям, на которых указывал малыш, и, когда тот уже направился к подставкам для колен с подушками из красного шелка, удержал его за руку.

– Люди стоят на полу, – шепнул он ему, кивнув в сторону прихожан, – и все же они молятся.

– А ты что будешь делать?

– Я не буду молиться. Я поговорю с мамой. Ты же не становишься на колени, когда разговариваешь со своей мамой, правда?

Жоанет растерянно посмотрел на него. Нет, он не становится...

– Но священник не сказал нам, что мы можем поговорить с ней, – заметил малыш, – он сказал только, что мы должны помолиться.

– Не вздумай сказать что-нибудь священнику, – предупредил его Арнау. – Если ты это сделаешь, я открою, что ты... соврал и что ты никакой мне не брат.

Жоанет встал рядом с Арнау и принялся рассматривать многочисленные корабли, которые украшали церковь. Ему очень хотелось иметь один из таких кораблей! Он спросил себя: могут ли они плавать?..

Конечно могут; если бы не могли, зачем же их было вырезать? Он был бы не против спустить один из этих кораблей на море.

Арнау же не сводил пристального взгляда с каменной фигуры. Что он мог сказать сейчас? Ей ведь передали привет птицы? Он говорил им, что любит ее, говорил это много раз...

– Мой отец рассказывал, что, хотя Хабиба была мавританкой, она все равно всегда со мной. Но я не могу никому сказать про это, потому что люди говорят, что мавры не попадают на небо, – пробормотал мальчик.

Арнау продолжал внимательно смотреть на Деву Марию. Каменную фигуру окружали десятки зажженных свечей, от которых дрожал воздух.

– Хабиба с тобой? Она была очень доброй. Она ни в чем не виновата. Это все Маргарита, – шептал Арнау. – Если ты увидишь Хабибу, скажи ей, что я ее тоже люблю. Ты ведь не обидишься, что я ее люблю, хоть она и мавританка, не правда ли?

Сквозь полумрак, дрожащий воздух и мерцание десятков свечей Арнау вдруг заметил, что губы маленькой каменной фигуры изогнулись в улыбке.

– Жоанет! – позвал он своего друга.

– Что?

Арнау показал на Деву Марию, но теперь ее губы снова были неподвижны. Может, Святая Дева не хотела, чтобы кто-то другой видел, как она улыбается? Наверное, это был секрет...

– Что? – еще раз спросил Жоанет.

– Ничего, ничего.

– Помолились?

Подошедшие Анхель и священник застали их врасплох.

– Да, – ответил Арнау.

– А я нет... – начал было извиняющимся голосом Жоанет.

– Знаю, знаю, – ласково перебил его священник, глядя по голове. – А ты какую молитву читал?

– «Аве Мария», – ответил Арнау.

– Замечательная молитва. Ну, пойдете, – добавил священник, провожая их к двери.

– Святой отец, – обратился к нему Арнау, когда они уже вышли, – а можно нам еще прийти?

Священник улыбнулся:

– Ну конечно, но надеюсь, что к следующему разу ты научишь своего брата молиться.

Глядя на Жоанета, стоявшего с серьезным видом, святой отец потрепал его по щеке и добавил:

– Приходите в любое время, вам всегда здесь будут рады.

Анхель направился к месту, где складывали камень. Арнау и Жоанет последовали за ним.

– Ну а теперь куда пойдете? – спросил Анхель, поворачиваясь к ним; дети посмотрели друг на друга и пожали плечами. – На стройке вам находиться нельзя. Если мастер не разрешит...

– Человек с камнем? – перебил его Арнау.

– Нет, – ответил Анхель, смеясь. – Это Рамон, бастайш.

Увидев на лицах мальчиков недоумение, Анхель пояснил:

– Бастайши – это портовые грузчики, они переносят товары с кораблей в склады и наоборот – погружают и разгружают товары после того, как лодочники доставят их на берег.

– Значит, они не работают в церкви Святой Марии? – спросил Арнау.

– Еще как работают! – весело ответил Анхель. – Они люди небогатые, без средств, но преданные Деве Марии, преданнее кого бы то ни было. Поскольку у них нет возможности дать денег на строительство, они решили бесплатно переносить камни с королевской каменоломни в Монжуике до строительной площадки. Они носят их на плечах, – с некоторой грустью говорил Анхель, – и проходят с этим грузом целые мили, ну а мы потом двигаем камни.

Арнау вспомнил громадный камень, который грузчик сбросил на землю.

– Конечно, они работают для своей Святой Девы! – повторил Анхель. – И больше, чем все остальные. А вы идите играть, – добавил он и отправился по своим делам.

10

– Почему леса ставят все выше и выше? – Арнау махнул рукой в сторону задней части церкви Святой Марии.

Анхель поднял глаза и, набив рот хлебом и сыром, пробормотал какое-то неразборчивое объяснение.

Жоанет засмеялся, затем засмеялся и Арнау, и наконец, не сдержавшись, расхохотался и Анхель, да так, что поперхнулся и его смех превратился в кашель.

Каждый день Арнау и Жоанет навещали Святую Марию, входили в церковь и становились на колени.

Поощряемый матерью, Жоанет решил выучить молитвы, которые читал ему Арнау. После того как друзья расставались, малыш бежал к окну пристройки и рассказывал матери, как он молился в тот день. Арнау между молитвами разговаривал со своей матерью, за исключением тех моментов, когда к ним подходил отец Альберт – так звали священника. Увидев священника, он сразу же присоединялся к бормотанию Жоанета.

Покидая церковь, Арнау и Жоанет, отойдя подальше, наблюдали за строительством, смотрели, как работают плотники, каменотесы, каменщики. Потом они садились где-нибудь неподалеку и ждали, когда Анхель сделает перерыв и присоединится к ним, чтобы съесть свой хлеб с сыром. Отец Альберт смотрел на детей с умилением, рабочие на стройке приветствовали их улыбками, да и бастайши, появляясь на строительной площадке с камнями на спине, обращали внимание на двух мальчуганов, сидящих перед церковью Святой Марии.

– Почему леса ставят все выше и выше? – снова спросил Арнау.

Они посмотрели на заднюю часть церкви, где поднимались десять колонн: восемь – полукругом и две – чуть в стороне. За ними уже начали возводить контрфорсы и стены, составляющие апсиду. Но если колонны возвышались над маленькой романской церковью, то леса поднимались все выше и выше, причем без видимой причины, как будто рабочие сошли с ума и захотели построить лестницу до самого неба.

– Не знаю, – ответил Анхель, пожав плечами.

– Ведь эти леса ничего не поддерживают, – вмешался Жоанет.

– Но будут поддерживать, – раздался уверенный мужской голос.

Все трое дружно повернулись.

Смеясь и кашляя, они не заметили, как у них за спиной появились люди; некоторые из них были одеты в роскошные одежды, другие облачены в сутаны с золотым крестом на груди, украшенным драгоценными камнями; крупные перстни и пояса, расшитые золотыми и серебряными нитями, сияли в солнечных лучах.

Отец Альберт, увидев гостей, поспешил им навстречу. Анхель от неожиданности подпрыгнул и снова поперхнулся. Уже не первый раз он видел человека, который только что ответил им; тот всегда появлялся здесь в окружении свиты. Это был Беренгер де Монтагут, руководитель строительства церкви Святой Марии у Моря.

Арнау и Жоанет тоже поднялись. Отец Альберт присоединился к группе гостей и поприветствовал епископов, поцеловав их перстни.

– А что они будут поддерживать?

Этот вопрос Жоанета застал отца Альберта в поклоне, на полпути ко второму перстню. Оказавшись в не очень удобном положении, священник бросил на ребенка красноречивый взгляд: мол, молчи, пока тебя не спрашивают. Один из глав общины жестом пригласил гостей идти дальше, но Беренгер де Монтагут положил руку на плечо Жоанета.

– Иногда дети способны увидеть то, чего не видим мы, – громко сказал он, обращаясь к своим спутникам. – Поэтому меня не удивляет, что они сумели разглядеть нечто, не замеченное нами. Ты хочешь знать, почему мы поднимаем леса выше?

Жоанет кивнул, предварительно посмотрев на отца Альберта.

– Видишь, где заканчиваются колонны? – продолжил руководитель строительства. – Потом оттуда, с вершины каждой колонны, будут исходить шесть арок, а на самой главной расположится апсида новой церкви.

– А что такое апсида? – поинтересовался Жоанет.

Беренгер улыбнулся и посмотрел на сопровождавших его господ. Некоторые из присутствующих слушали его так же внимательно, как и дети.

– Апсида – что-то вроде этого...

Мастер соединил пальцы двух рук, выгибая их. Дети с интересом смотрели на эти волшебные руки, как и гости, стоящие сзади, в том числе отец Альберт.

– Потом над всем этим, на самом верху, – продолжал он, разведя руки и подняв указательный палец, – будет установлен большой камень, который называется краугольным. Вначале мы должны поднять этот камень на самый верх лесов, вон туда, видите?

Все посмотрели куда-то в небеса.

– Как только мы его установим, сразу начнем поднимать нервюры этих арок, пока они не соединятся с ключевым камнем. Для этого нам и нужны высокие леса.

– А зачем такие старания? – снова спросил Жоанет.

Священник даже вздрогнул, когда услышал вопрос ребенка, хотя уже и начал привыкать к его неожиданным замечаниям.

– Всего этого не будет видно изнутри церкви. Это останется вверху, на крыше, – с сомнением произнес Жоанет.

Беренгер засмеялся, и к нему присоединились некоторые его спутники. Отец Альберт выдохнул с облегчением.

– Дело в том, мальчик, что крыша старой церкви, которая есть сегодня, будет исчезать по мере возведения нового здания. Со стороны будет казаться, что эта маленькая церковь рождает новую, более значительную и величественную.

Досада на лице Жоанета удивила его. Малыш уже привык к уюту маленькой церкви, к ее запаху, полумраку, который мягко окутывал прихожан во время молитвы, и полюбил его.

– Ты любишь Святую Деву у Моря? – спросил его Беренгер.

Жоанет посмотрел на Арнау, и оба дружно кивнули.

– Но ведь после того, как мы построим новую церковь, у Святой Девы, которую вы так любите, будет больше света. Она не будет стоять в темноте, как сейчас, и у нее появится такой красивый дом, который никто даже представить себе не может! Толстые и низкие стены, окружающие ее сейчас, мы заменим на тонкие и высокие, со стройными колоннами и апсидами, достигающими до неба, где и пребывает Святая Дева...

Все снова посмотрели на небо.

– Да, – продолжил Беренгер де Монтагут, – прямо туда будет доходить церковь Святой Девы у Моря.

И он зашагал вперед в сопровождении своей свиты, оставив детей и отца Альберта, которые, затаив дыхание, смотрели им вслед.

– Отец Альберт, – спросил Арнау, когда их никто уже не мог слышать, – а что будет со Святой Девой, когда разрушат маленькую церковь, но еще не построят большую?

– Видишь те контрфорсы? – Священник указал на два строящихся контрфорса, которые были предназначены для того, чтобы закрыть галерею за главным алтарем. – Чуть позже между ними планируют построить первую часовню Святых Даров, а в ней – временно – рядом с телом

Христовым и гробницей, в которой помещены останки святой Эулалии, – будет стоять Святая Дева, чтобы ей ничего не мешало.

– А кто за ней будет присматривать?

– Не беспокойся, – ответил священник, на этот раз улыбаясь. – За Святой Девой будет хороший присмотр. Часовня Святых Даров принадлежит общине бастайшей; у них будет ключ от решетки, и они позаботятся, чтобы Святая Дева была в целости и сохранности.

Арнау и Жоанет уже знали, кто такие бастайши.

Анхель называл их имена, когда они выстраивались в ряд со своими громадными камнями за спиной: Рамон – первый, с кем они познакомились; Гильем – твердый как камни, которые он носил на спине, загорелый на солнце, с ужасно обезображенным во время одного несчастного случая лицом, но мягкий и добрый по характеру; еще один Рамон, которого все называли Парнишкой, ростом ниже первого Рамона и коренастый; Микел – жилистый человек, который, казалось, был не в состоянии нести свой тяжелый груз, но ему это всегда удавалось: он так напрягал все мышцы и сухожилия, что казалось – он вот-вот лопнет; Себастьян, самый несимпатичный и неразговорчивый, и его сын Бастьянет; Пере, Жауме и еще бесчисленное множество грузчиков из квартала Рибера, которые поставили перед собой задачу перенести из королевской каменоломни к церкви Святой Марии у Моря тысячи камней, необходимых для строительства.

Арнау думал о бастайшах, вспоминая, как они смотрели на церковь, когда, согнувшись в три погибели, подходили к Святой Марии, как улыбались, сбрасывая камни. Он восхищался силой, которая была заключена в их руках и спинах, и ни минуты не сомневался, что они позаботятся о Святой Деве как следует.

Не прошло и семи дней, как исполнилось то, что предсказывал Беренгер де Монтагут.

– Завтра приходите на рассвете, – посоветовал им Анхель. – Посмотрите, как будут поднимать краугольный камень.

Мальчики пришли пораньше и стояли рядом с рабочими, столпившимися внизу, под лесами. На строительной площадке собралось более сотни человек: рабочие, бастайши и священники. Отец Альберт сбросил с себя свои одежды и остался в рубашке из красного грубого сукна, подвязанной на талии чем-то вроде пояса.

Арнау и Жоанет здоровались с одними и улыбались другим.

– Дети, – услышали они голос мастера каменщиков, – когда мы начнем поднимать ключевой камень, вас здесь быть не должно.

Мальчики с готовностью согласились и побежали туда, где им приказали находиться, – к первому уровню лесов, в самом низу.

– Святая Дева! – одновременно вскрикнули они, когда увидели большой круглый камень.

Люди смотрели на него затаив дыхание. Все знали, насколько важен сегодняшний день.

– Он весит более шести тонн, – сказал им кто-то.

Жоанет изумленно посмотрел на Рамона – бастайша, который стоял возле камня.

Угадав мысли мальчугана, тот поспешно произнес:

– Нет, это не мы его принесли.

Его слова вызвали нервный смех, который тут же прекратился. Арнау и Жоанет увидели, как люди выстроились и попеременно смотрели то на камень, то на самый верх лесов.

Им предстояло поднять на канатах эту громадину на высоту тридцати метров!

– Если что-нибудь пойдет не так... – услышали они чей-то голос.

– ...нас здесь раздавит, – скривившись в гримасе, продолжил другой и торопливо перекрестился.

Никто не стоял на месте; даже отец Альберт в своем странном наряде беспрестанно сновал среди людей, подбадривая их, похлопывая по спине, заговаривая то с одним, то с другим.

Старая церковь возвышалась над людьми и лесами. Многие с тревогой посматривали в ее сторону. Горожане Барселоны тоже начали собираться вокруг, правда на отдаленном расстоянии от строительной площадки.

Наконец появился и Беренгер де Монтагут. Не давая людям поприветствовать его, он взобрался на нижний помост лесов и начал командовать. Пока он говорил, несколько каменщиков, которые его сопровождали, стали привязывать большой блок к камню.

– Как видите, – объяснил де Монтагут, – на верху лесов установлены различные тали, которые нам понадобятся для поднятия ключевого камня. Блоки, как те, что вверху, так и те, которые привязывают к ключевому камню, состоят из трех рядов шкивов. Вы уже знаете, что мы не будем использовать ни лебедки, ни колеса, поскольку в любой момент нам, возможно, потребуется направить камень вбок. Есть три каната, которые проходят через шкивы и поднимаются вверх или спускаются на землю. – Руководитель строительства, за которым следили сотни глаз, показал, как проходят канаты. – Я прошу вас разделиться на три группы и встать вокруг меня.

Помощники мастера принялись выстраивать людей. Арнау и Жоанет проскочили к заднему фасаду церкви и там, прислонившись спиной к стене, сели, чтобы следить за подготовительными работами. Когда Беренгер убедился, что вокруг него сформировались три группы, он продолжил:

– Каждая из трех групп потянет за один из канатов. Вы, – добавил он, обращаясь к одной из групп, – будете Святой Марией. Повторите за мной: Святая Мария!

Люди крикнули:

– Святая Мария!

– Вы – Святая Клара! – продолжил Беренгер.

Вторая группа хором повторила:

– Святая Клара.

– А вы – Святая Эулалия. Я буду обращаться к вам по этим именам. Когда я скажу: «Все!» – это будет относиться ко всем трем группам. Вы должны тянуть по прямой, как вас поставят, не отступая от спины вашего товарища и ожидая приказа мастера, который будет командовать каждым рядом. Помните: вы все время должны стоять прямо! Выстройтесь в ряд.

В каждой группе было по мастеру-каменщику, которому подчинялись рабочие. Когда люди взялись за подготовленные заранее канаты, Беренгер де Монтагут не дал ни минуты на раздумье.

– Все! Начинайте тянуть после слова «Давай!», сначала потихоньку, пока не почувствуете, что канаты натянуты. Давай!

Арнау и Жоанет увидели, как задвигались ряды и постепенно натянулись канаты.

– Все! Сильней! – командовал Беренгер.

Дети затаили дыхание. Взрослые уперлись пятками в землю, продолжая тянуть, и стало видно, как напряглись их руки, спины и лица. Арнау и Жоанет пристально смотрели на камень. Он не двигался.

– Все! Еще сильней! – разнеслась по площади команда.

Лица людей налились кровью. Леса закрипели, и ключевой камень приподнялся на пядь от земли.

Шесть тонн!

– Еще! – закричал Беренгер, не сводя взгляда с камня.

– Еще одна пядь...

Дети забыли обо всем на свете, наблюдая за происходящим.

– Святая Мария! Еще сильнее! Еще!

Арнау и Жоанет повернулись к ряду Святая Мария. Там был и отец Альберт, тянувший канат зажмурив глаза.

– Хорошо, Святая Мария! Хорошо. Все! Еще сильнее!

Леса скрипели.

Арнау и Жоанет боялись шелохнуться.

Беренгер де Монтагут смотрел только на камень, который уже поднимался – медленно, очень медленно...

– Еще! Еще! Еще! Все вместе! Сильней!

Когда камень поднялся до первого уровня лесов, Беренгер приказал прекратить тянуть и оставить камень висеть в воздухе.

Чуть позже прозвучала команда:

– Святая Мария и Святая Эулалия, подождите! Святая Клара, тяните!

Камень медленно переместился на тот помост лесов, с которого командовал Беренгер.

– Теперь вместе! Отпускайте осторожно. Не спешите.

Все, включая тех, кто тянул канаты, облегченно вздохнули, когда камень лег на помост, у ног Беренгера.

– Стоп! – крикнул руководитель строительства.

Помост прогнулся под весом камня.

– А если не выдержит? – шепнул Арнау Жоанету.

Но помост выдержал.

Конечно, этот помост не был рассчитан на то, чтобы выдержать вес камня долгое время. Его нужно было сразу поднять на самый верх, где, по расчетам Беренгера, помосты были более крепкими.

Каменщики перебросили канаты на следующий шкив, и люди снова взялись тянуть, стараясь изо всех сил. Еще один помост, потом еще один; камень в шесть тонн поднимался к тому месту, где должны сойтись нервюры арок, – к небу.

Пот лился с людей ручьями, их мышцы напряглись до предела. Время от времени кто-нибудь падал, и тогда главный в ряду подбегал, чтобы вытащить его из-под ног стоящих перед ним. Подошли несколько крепких горожан, готовых заменить тех, кто выбился из сил.

Беренгер, стоявший наверху, отдавал приказы, которые повторял один из его помощников, находившийся помостом ниже. Когда ключевой камень дошел до последнего помоста, на крепко сжатых губах людей появились улыбки.

Это был самый трудный момент.

Беренгер де Монтагут точно рассчитал место, где должен был оказаться ключевой камень, чтобы нервюры арок идеально сошлись в нем. Целыми днями он манипулировал веревками и кольями между десятью колоннами, свешивал с помоста отвес, натягивал бесконечные веревки от колец внизу до помостов вверх. По несколько часов в день он работал с чертежами, стирал и снова чертил многочисленные схемы. Если ключевой камень займет неправильное положение, он не выдержит нагрузок арок и апсида может рухнуть...

В конце концов, после тысяч расчетов и огромного количества чертежей, он определил точное место на последнем помосте.

Именно там должен был встать ключевой камень, ни пядью выше или ниже. Беренгер де Монтагут не позволил оставить камень на помосте ни на одну лишнюю минуту, он продолжал отдавать указания:

– Еще немного, Святая Мария! Нет, Святая Клара, тяните, теперь подождите. Святая Эулалия! Святая Клара! Святая Мария! Вниз!.. Вверх!.. Сейчас! – внезапно крикнул он. – Подождите все! Вниз! Тихо-тихо... Медленно!

В какой-то момент канаты перестали натягиваться. В наступившей тишине вконец обессиленные люди посмотрели ввысь, на верхний помост, где Беренгер де Монтагут присел на корточки, чтобы убедиться, все ли в порядке с ключевым камнем. Развернув камень, достигший двух метров в диаметре, он выпрямился и помахал всем, кто стоял внизу.

Арнау и Жоанету, которые сидели, прислонившись к стене церкви, показалось, что они почувствовали спиной, как заколебался воздух от выдоха, вырвавшегося из глоток множества людей, несколько часов тянувших канаты. Многие, устав от непомерной нагрузки, попадали на землю. Другие обнимались и прыгали от радости. Сотни зрителей, следившие за процессом, кричали и хлопали в ладоши, а у Арнау от радостного возбуждения к горлу подступил комок.

– Хотел бы я быть взрослым, – прошептал той ночью Арнау своему отцу, когда оба лежали на соломенном тюфяке в комнате, заполненной кашляющими и храпящими работниками и подмастерьями.

Бернат попытался понять, откуда взялось такое желание.

Арнау вернулся оживленным, он без конца рассказывал, как поднимали ключевой камень в церкви Святой Марии. Даже Жауме внимательно выслушал его.

– Почему, сынок?

– Все что-то делают. В церкви есть много детей, которые помогают своим родителям или мастерам, только Жоанет и я не такие...

Бернат ласково провел рукой по спине ребенка и прижал его к себе. Арнау проводил в церкви целые дни, кроме тех, когда ему поручали какую-нибудь случайную работу в мастерской. Что бы он мог делать там, желая быть полезным?

– Тебе ведь нравятся бастайши, не так ли?

Бернат слышал, с каким энтузиазмом сын рассказывал о том, как эти люди переносят камни. Дети шли за ними до городских ворот, ожидали их там и сопровождали назад вдоль всего побережья, от Фраменорса до церкви Святой Марии.

– Да, – ответил Арнау, в то время как его отец другой рукой шарил под тюфяком.

– Возьми, – сказал Бернат, отдавая ему старый бурдюк, который был с ними во время побега; Арнау взял его в темноте. – Будешь носить им холодную воду. Вот увидишь, они не откажутся и будут благодарны тебе.

На следующий день, как только рассвело, Жоанет уже ожидал его у дверей мастерской Грау. Арнау показал ему бурдюк, который он держал за горлышко, и друзья побежали на берег, к фонтану Ангела, единственному, который был на пути бастайшей. Следующий фонтан находился далеко, аж возле церкви Святой Марии.

Увидев приближающуюся вереницу бастайшей, которые медленно шли, согнувшись под тяжестью камней, дети взобрались на одну из лодок, привязанных у берега. Когда первый бастайш поравнялся с ними, Арнау показал ему бурдюк. Мужчина улыбнулся и остановился возле лодки, так что Арнау смог налить воду прямо ему в рот. Остальные ожидали, пока он закончит пить, чтобы напиться самим. Возвращаясь на королевскую каменоломню, уже без груза, бастайши останавливались возле лодки и благодарили мальчиков за холодную воду.

С этого дня Арнау и Жоанет ожидали бастайшей возле фонтана Ангела. А когда нужно было разгрузить какой-нибудь корабль и грузчики не работали в церкви Святой Марии, мальчики шли за ними в город и там тоже поили их водой, чтобы те не останавливались и не снимали тяжелый груз, затрачивая лишние силы.

Они также ежедневно бегали к церкви Святой Марии, чтобы посмотреть на нее, поговорить с отцом Альбертом или просто посидеть на земле, наблюдая за тем, как Анхель справляется со своим обедом.

В глазах мальчиков появлялся особый блеск, когда они смотрели на церковь. Они тоже помогали строить ее!

Так считали не только бастайши, но и сам отец Альберт!

После установки ключевого камня дети с удовольствием следили, как из каждой колонны, окружавшей его, рождались нервюры арок, как каменщики выводили лекала, на которые укладывали один камень за другим, и как дуга поднималась к ключевому камню. За колоннами уже выросли стены крытой галереи с контрфорсами, обращенными внутрь церкви. Между этими

двумя контрфорсами, пояснил им отец Альберт, вскоре появится часовня Святых Даров, «часовня бастайшей», где будет находиться Святая Дева.

Одновременно с кладкой стен крытой галереи и строительством девяти сводов, опирающихся на нервюры, которые исходили из колонн, началась разборка старой церкви.

– Поверх апсиды, – говорил им священник, и Анхель подтвердил его слова, – будет построено укрытие. Знаете, из чего его сделают?

Дети отрицательно покачали головой.

– Из битой глиняной посуды, принесенной со всего города. Сначала поставят несколько тесаных камней, затем – всю посуду ровными рядами, а на нее – укрытие для церкви.

Арнау видел эту посуду, сложенную в кучу возле камней, предназначенных для церкви Святой Марии. Он спрашивал у отца, зачем ее принесли сюда, но Бернат не знал, что ответить сыну.

– Думаю, – сказал он, – что битую посуду складывают в надежде, что за ней придут.

А позже признался:

– Я даже не мог предположить, что эти черепки могут пригодиться для дела.

Новая церковь начала приобретать очертания за апсидой старой, которую уже частично разобрали, чтобы использовать ее камни. Барселонский квартал Рибера не хотел оставаться без храма даже теперь, когда строился новый великолепный собор Святой Марии и церковные службы не прекращались ни на день.

Арнау, как и все, входил в церковь через двери, за которыми открывалась маленькая романская церковь. Как только мальчик оказывался внутри, потемки, в которых он прятался, чтобы поговорить со своей Девой Марией, исчезали, уступая место свету, пробивавшемуся через большие окна в новой апсиде. Древняя церковь напоминала маленький ящик, окруженный великолепием другого, большего. Один ящик должен был исчезнуть по мере того, как рос второй, который венчался высочайшей апсидой, уже накрытой.

11

Жизнь Арнау не ограничивалась посещением церкви Святой Марии и раздачей воды бастайшам.

В его обязанности по гончарной мастерской в обмен на кров и еду, помимо всего прочего, входила еще и помощь кухарке, когда та отправлялась в город за покупками.

Раз в два или три дня Арнау покидал мастерскую Грау на рассвете, чтобы сопровождать Эстранью, рабыню-мулатку, которая ходила широко расставляя ноги. Она раскачивалась и с трудом переваливалась, неся свои обильные телеса. Как только Арнау появлялся на пороге кухни, она, не говоря мальчику ни слова, давала ему первые две сумки с тестом, которое нужно было отнести на улицу Ольерс-Бланкс, чтобы там из него выпекли хлеб. В одной сумке было тесто на хлеб для Грау и его семьи, вымешенное из отборной пшеничной муки, которое впоследствии становилось белыми пышными караваемы, а в другой – тесто для всех остальных, из смешанной муки ячменя, проса или даже бобов, поэтому хлеб получался темный, плотный и твердый.

Решив вопрос с хлебом, Эстранья и Арнау покидали квартал гончаров и проходили через городскую стену в центр Барселоны. В начале пути Арнау без труда шел за рабыней, смеясь над тем, как она култыхается, тряся своим огромным темным телом во время ходьбы.

– Ты чего смеешься? – не раз спрашивала его мулатка.

Арнау смотрел на ее лицо, круглое и плоское, и прятал улыбку.

– Любишь позубоскалить? Ну смейся, – ворчала она на площади Блат, наваливая на мальчика мешок с пшеницей.

– Где же твоя улыбка? – спрашивала она Арнау на Молочном спуске, вручая ему молоко для его двоюродных братьев и сестры; этот же вопрос она повторяла и на площади Капусты, где покупала овощи и зелень, или на Масляной площади, где брала оливковое масло и птицу...

Оттуда уже Арнау брел за ней уставший, понурился голову. В постные дни, которые составляли почти полгода, телеса мулатки тряслись в сторону морского берега, к церкви Святой Марии, и там, в одной из двух рыбных лавок города, в новой или старой, Эстранья ругалась, выбирая лучших тунцов, осетров и прочую рыбу.

– Теперь погрузим наш улов, – насмешливо улыбаясь, говорила она ему, когда получала то, что хотела.

Потом они возвращались назад, и мулатка покупала потроха. Возле каждой из двух рыбных лавок тоже было много людей, но там Эстранья ни с кем не ругалась.

Несмотря на это, Арнау предпочитал постные дни всем остальным, когда Эстранья должна была покупать мясо: чтобы купить рыбу, нужно было сделать два шага до рыбной лавки, а чтобы купить мясо, необходимо было пройти пол-Барселоны, а затем возвращаться оттуда навьюченным тяжелой поклажей.

В мясных лавках, расположенных рядом с городскими бойнями, они покупали мясо для Грау и его семьи.

Разумеется, это мясо было высшего качества, как и все мясо, продаваемое в стенах города: в Барселону разрешалось привозить только живых животных, которых забивали на месте.

Поэтому, чтобы купить потроха для слуг и рабов, нужно было выйти из города через ворота Портаферриса и отправиться на рынок, заваленный битыми животными и мясом неизвестного происхождения. Эстранья глумливо улыбалась, когда покупала это мясо и нагружала им Арнау.

Наконец, зайдя в пекарню за готовым хлебом, они возвращались в дом Грау: Эстранья – покачиваясь, Арнау – еле волоча ноги...

Однажды утром, когда Эстранья и Арнау пришли за мясом на главную бойню, расположенную возле площади Блат, на церкви Святого Жауме зазвонили колокола.

Это было не воскресенье и не праздник.

Эстранья так и осталась стоять на месте с расставленными ногами и разинутым ртом. На площади раздался чей-то крик. Арнау не мог разобрать слов, но к крику присоединились другие, и люди стали разбегаться кто куда. Мальчик поставил поклажу и повернулся к Эстранье; в его глазах читался вопрос, который он так и не задал. Продавцы зерна поспешно освобождали свои прилавки. Люди продолжали кричать, суетиться, бросаясь из стороны в сторону, а колокола Святого Жауме не умолкали.

Арнау попытался было пройти на площадь Сант-Жауме, но в этот момент зазвонили колокола церкви Святой Клары. Он растерялся, глядя в сторону женского монастыря, и вдруг услышал, что к этому звону присоединились колокола церкви Святого Пере из Фраменорса и церкви Святого Жуста.

Звонили все колокола города!

Арнау остался стоять на месте с открытым ртом, потрясенный происходящим.

Внезапно прямо перед ним выскочил Жоанет. Малыш, взволнованный так же, как и сам Арнау, не мог успокоиться.

– *Via fora! Via fora!*⁶ – кричали со всех сторон.

– Что это? – спросил Арнау.

– *Via fora!* – крикнул ему Жоанет прямо в ухо.

– Что это значит?..

Жоанет жестом показал, чтобы Арнау замолчал, и кивнул в сторону старинных Главных ворот возле дворца викария.

Арнау проследил за рукой товарища и увидел одного из офицеров викария, облаченного в боевые доспехи и посеребренную кольчугу. На боку у него покачивался большой меч; в правой руке он нес на позолоченном древке знамя Святого Георгия – красный крест на белом фоне. За ним следовал другой офицер, тоже в боевых доспехах, и нес знамя города. Оба прошли в самый центр площади, где находился камень, разделявший город на кварталы. Остановившись там с флагами Святого Георгия и Барселоны, они одновременно закричали:

– *Via fora! Via fora!*

Колокола продолжали трезвонить, и крики «Дорогу!» катились по всем улицам города, пугая граждан.

Жоанет, который до этого наблюдал за происходившим, сохраняя завидное спокойствие, вдруг тоже заорал во всю глотку: «*Via fora! Via fora!*»

Наконец Эстранья пришла в себя и тихо сказала Арнау, что им пора уходить отсюда. Но мальчик, не отрывая глаз от двух офицеров, стоявших в центре площади в своих блестящих кольчугах и с мечами на боку и как будто застывших под цветастыми знаменами, отпрянул от мулатки.

– Пойдем, Арнау, – требовательно позвала его Эстранья.

– Нет, – ответил он, подстрекаемый Жоанетом.

Женщина схватила его за плечо и потянула за собой:

– Пойдем. Это не наше дело.

– Что ты говоришь, рабыня? – раздался голос незнакомой женщины, которая стояла рядом и наблюдала за происходящим так же зачарованно, как и они. Похоже, она слышала спор между Арнау и мулаткой.

– Мальчик – раб? – спросила она, глядя на Эстранью.

⁶ На улицы! (кат.)

Кухарка отрицательно покачала головой.

– Он – свободный гражданин? – продолжала расспрашивать незнакомка.

Когда Арнау кивнул, женщина возмущенно воскликнула:

– Как же ты смеешь говорить, что призыв «*Via fora!*» – не его дело?

Эстранья замолкла и, переминаясь с ноги на ногу, как утка, опустила голову.

– Кто ты такая, рабыня, – обратилась к ней другая женщина, – чтобы отказать мальчику в чести защищать права Барселоны?

Уставившись в землю, Эстранья молчала. Что бы сказал ей хозяин, если бы узнал об этом? Ведь он тоже отстаивал честь города...

Колокола все звонили.

Жоанет подошел к группе женщин и кивнул Арнау, чтобы тот шел за ним.

– Женщины не участвуют в городском ополчении, – заметила первая женщина, глядя на Эстранью.

– А рабы и подавно, – добавила вторая.

– Как ты думаешь, кто должен заботиться о наших мужьях, если не такие мальчишки, как эти?

Эстранья не смела поднять глаза.

– Как ты думаешь, кто готовит им еду или выполняет их поручения, снимает им сапоги или чистит арбалеты?

– Иди отсюда! – крикнули кухарке. – Здесь не место рабам!

Эстранья взяла сумки, которые до того носил Арнау, и побрела прочь, тяжело переваливаясь на ходу. Жоанет, довольный, улыбался и с восхищением смотрел на женщин. Арнау остался на том же месте.

– Идите, мальчики, – сказали им женщины, – позаботьтесь о наших мужчинах.

– Предупреди моего отца! – крикнул Арнау Эстранье, которая успела пройти не больше трех или четырех метров.

Жоанет заметил, что Арнау не отрывал взгляда от медленно удаляющейся рабыни, и догадался о сомнениях товарища.

– Разве ты не слышал, что сказали женщины? – спросил он его. – Мы должны позаботиться о солдатах Барселоны. Твой отец все поймет.

Арнау кивнул, теперь уже более уверенно. Ну конечно, отец поймет его! Он и сам боролся за то, чтобы они стали гражданами Барселоны...

Когда мальчики снова повернулись к площади, они увидели, что рядом с двумя знаменами появилось третье – торговцев. На знаменосце не было военных доспехов, но за спиной у него виднелся арбалет, а сбоку – меч. Немного погодя появилось еще одно знамя – ювелиров, и так, постепенно, площадь заполнилась разноцветными знаменами с самыми разными символами: тут были знамена скорняков, врачей, брадобреев, плотников, котельщиков, гончаров...

Под знаменами шли, собравшись в группы, ремесленники, свободные граждане Барселоны, и все, как того требовал закон, были вооружены арбалетом, колчаном с сотней стрел, мечом или пикой. Не прошло и двух часов, как ополчение Барселоны было готово выступить на защиту привилегий Графского города.

За эти два часа, благодаря всезнайке Жоанету, Арнау выяснил наконец, что же происходит.

– Барселона не только защищается, когда это необходимо, но и сама идет в атаку, если кто-либо осмеливается выступить против нас, – с чувством собственного достоинства разъяснял малыш, показывая на солдат и знамена и демонстрируя таким образом свою гордость тем, что он причастен к происходящему.

– Это невероятно! Ты увидишь... К счастью, мы побудем несколько дней вне города. Когда кто-нибудь плохо обращается с гражданином города или ущемляет его права, об этом

сообщают... не знаю, кому сообщают, то ли викарию, то ли Совету Ста. И если власти признают, что это правда, тогда собирают войско под знаменем Святого Георгия. Вон оно, видишь? В центре площади, над всеми остальными. Потом начинают звонить колокола, и люди выскакивают из домов с криком: «Via fora!», чтобы об этом знала вся Барселона. Предводители гильдий берут свои знамена и объединяют вокруг себя членов гильдии, чтобы пойти в бой...

Арнау, вытаращив глаза, изумленно смотрел на бурлящую толпу и старался не отставать от Жоанета, который ловко пробирался сквозь толчею сбившихся в группы людей.

– А что нужно делать? Это опасно? – спрашивал Арнау, восхищенный парадом оружия, которое демонстрировалось на площади Блат.

– Обычно это не опасно, – ответил Жоанет, улыбаясь ему. – Подумай, раз викарий дал согласие на сбор, то он сделал это не только от имени города, но и от имени короля. Все зависит от того, кто нападает. Когда какой-нибудь феодал видит, что приближается войско Барселоны, он обычно уступает требованиям горожан.

– Так, значит, битвы не будет?

– Все зависит от решения властей и поведения сеньора. В прошлый раз одну из крепостей сровняли с землей; тогда было сражение, и жертвы, и нападения, и... Смотри! Вон твой дядя, – произнес Жоанет, показывая на знамя гончаров. – Пойдем!

Возле трех старшин гильдии стоял Грау Пуч, облаченный в доспехи, сапоги и кожаную кольчугу, которая закрывала его тело от груди и до середины икр. За поясом у него поблескивал меч. Вокруг старшин собирались гончары города. Как только Грау увидел племянника своей жены, он подал знак Жауме, и тот подошел к мальчикам.

– Куда вы идете? – поинтересовался он.

Арнау растерянно посмотрел на Жоанета.

– Мы хотим предложить свои услуги хозяину, – ответил Жоанет. – Мы могли бы нести его мешок с провизией... или сделать то, что он пожелает.

– Понятно, – только и сказал Жауме.

– И что теперь? – спросил Арнау, когда первый помощник Грау повернулся к ним спиной.

– Не переживай, – заявил Жоанет. – Здесь полно людей, которые будут рады нашей помощи.

Мальчики пошли за ополченцами; они смотрели на мечи, арбалеты и пики, восхищаясь теми, кто был одет в латы, и пытались уловить смысл оживленных разговоров.

– А что у нас с водой? – услышали они чей-то голос, раздавшийся за их спинами.

Арнау и Жоанет обернулись.

Лица обоих мальчиков зарделись, когда они увидели улыбающегося им Рамона. Вместе с ним было более двадцати воинов. Все они, здоровенные и вооруженные, приветливо смотрели на них.

Арнау невольно похлопал себя по спине в поисках бурдюка и так расстроился, не найдя его, что некоторые бастайши предложили ему свой.

– Нужно быть всегда готовым, когда город зовет тебя, – шутили они.

Ополчение выступило из Барселоны под знаменем Святого Георгия с красным крестом и направилось к замку Крейшель, что неподалеку от Таррагоны. Жители этой местности задержали стадо, которое принадлежало мясникам Барселоны.

– Это плохо? – спросил Арнау у Рамона, которого они решили сопровождать.

– Ну конечно. Стадо является собственностью мясников Барселоны, имеет право на проход и выпас по всей Каталонии. Никто, даже король, не может задерживать стадо, предназначенное для Барселоны. Наши дети должны есть самое лучшее мясо в графстве, – добавил Рамон, поглаживая их обоих по голове. – Владелец Крейшеля захватил стадо и требует от пастуха платы за выпас и проход через его земли. Вы представляете себе, что будет, если от Тар-

рагоны до Барселоны все сеньоры начнут требовать плату за выпас и проход? Нам нечего будет есть!

«Если б ты знал, какое мясо дает нам Эстранья...» – мелькнуло в голове Арнау.

Жоанет догадался, о чем подумал его друг, и от отвращения скорчил гримасу. Арнау рассказывал об этом только Жоанету. Его не раз подмывало раскрыть правду, сообщив отцу, где они покупают мясо, плавающее у них в мисках в те дни, когда не надо соблюдать пост. Но, видя, с каким аппетитом ел отец, с какой жадностью набрасывались на еду все рабы и работники Грау, мальчик замолчал и тоже брал ложку.

– Бывают ли еще причины для сбора ополчения? – спросил Арнау, ощущая неприятный привкус во рту.

– Ну конечно! Любое посягательство на привилегии Барселоны или на ее гражданина может привести к сбору ополчения. Например, если кто-нибудь похитит гражданина Барселоны, ополчение сразу же отправится освобождать его.

Не переставая болтать, Арнау и Жоанет прошли побережье – Сант-Бой, Кастельдефельс и Гарраф.

Люди, встречавшиеся им на пути, молча уступали дорогу и провожали ополченцев пристальными взглядами. Казалось, даже море почтительно относилось к войску Барселоны, и шум его стихал, когда по берегу под знаменем Святого Георгия проходили сотни вооруженных людей.

После целого дня пути, как только море засеребрилось в лунном свете, ополченцы остановились на ночлег у поселка Сиджес. Хозяин замка Фонольяр принял у себя старшин города, а все остальные расположились за воротами.

– Будет ли сражение? – спросил Арнау, нарушив тишину.

Все бастайши посмотрели на него.

Тихо потрескивал костер.

Жоанет спал, положив голову Рамону на ногу. Некоторые мужчины, переглянувшись, задумались над вопросом Арнау.

Будет ли сражение?

– Нет, – ответил Рамон. – Крейшель не может нам противостоять.

Арнау казался разочарованным.

– А если будет, – попытался утешить его второй старшина бастайшей, сидящий по другую сторону костра, – то мы зададим ему жару! Много лет тому назад, когда я был примерно таким же молодым, как ты сейчас, – продолжил старшина, и Арнау весь превратился в слух, – собрали ополчение, чтобы пойти на Кастельбисбаль. Тогда сеньор тоже захватил стадо, как это сделал де Крейшель. Сеньор де Кастельбисбаль решил не сдаваться без боя. Вероятно, он полагал, что граждане Барселоны – торговцы, ремесленники или бастайши, как мы, – не способны воевать. Ополченцы взяли сеньора и его солдат в плен, захватили замок и уничтожили его полностью.

Арнау уже представлял себя с мечом, как он поднимается по лестнице и победоносно кричит на стене замка Крейшель: «Кто смеет противостоять ополчению Барселоны?» Все бастайши обратили внимание на выражение его лица: напряженный взгляд мальчика был устремлен на пламя, руки, вцепившиеся в палку, которой он раньше играл, нервно ворошили угли, он весь дрожал.

– Я, Арнау Эстаньол... – шептал он.

Неожиданно раздавшийся смех вернул его в Сиджес.

– Иди поспи, – посоветовал ему Рамон и поднялся, поддерживая Жоанета. Увидев, что Арнау надул губы, он добавил: – И тебе обязательно приснится война.

Ночь была достаточно прохладной, и кто-то уступил свое одеяло детям.

На следующий день, на рассвете, ополченцы продолжили марш на Крейшель. Они прошли через Жельтру, Виланову, Кубельс, Сегур и Барá. Во всех этих местечках были замки. От

Бара войско повернуло прямо на Крейшель. Это селение находилось немногим менее мили от берега и располагалось на возвышенности, где на самой вершине вздымался замок сеньора де Крейшеля. Крепость, имевшая одиннадцать сторон и несколько защитных башен, была возведена на каменном склоне, а вокруг нее теснились многочисленные строения.

До заката оставалось несколько часов, когда советники и викарий созвали старшин гильдий. С развевающимися на ветру знаменами войско Барселоны выстроилось в боевом порядке перед Крейшелем. Арнау и Жоанет бегали между шеренгами, предлагая воду бастайшам, но почти все отказывались; ополченцы вызывающе смотрели на замок. Все молчали, и дети не осмеливались нарушать тишину.

Вернулись старшины и присоединились к своим гильдиям. Все войско наблюдало за тем, как три посланника Барселоны отправились к Крейшелю. Вскоре навстречу им вышли посланники из замка, и они встретились на полпути. Арнау и Жоанет, как и все граждане Барселоны, в полном молчании следили за переговорщиками.

Вскоре стало известно, что сражения не будет.

Де Крейшелю удалось бежать через тайный ход, соединявший замок с побережьем. Управляющий сеньора на виду у граждан Барселоны, стоящих в боевом порядке, отдал приказ удовлетворить все требования Графского города. Его земляки возвратили скот, отпустили на свободу пастуха, согласились выплатить крупную компенсацию и пообещали впредь уважать привилегии города. Кроме того, они выдали двух своих жителей, которых считали виновными в оскорблении, нанесенном Барселоне. Тех немедленно взяли под стражу.

– Крейшель сдался, – объявили советники войску.

Глухой рокот прокатился по рядам барселонцев.

Ополченцы попрятали мечи в ножны, побросали арбалеты и пики и освободились от прочего военного снаряжения. Смех, крики и шутки были слышны по всему войску.

– Дети, вина! – крикнул Рамон и осекся. – Что с вами? – участливо спросил он, заметив, что Арнау и Жоанет приуныли. – Вы надеялись увидеть настоящую битву, да?

Разочарование на лицах мальчиков было ему красноречивым ответом.

– Любого из нас могли ранить или даже убить. Вам бы это понравилось? – Рамон с самым серьезным видом посмотрел на них, и дети поспешно покачали головой. – Вам следует взглянуть на все это с другой стороны: вы принадлежите к самому большому и могущественному городу графства, и все, кто стоит у нас на пути, рискуют быть разбитыми наголову.

Арнау и Жоанет слушали Рамона с широко раскрытыми глазами.

– Идите, ребята, и наберите нам вина! Вы тоже выпьете за эту победу.

Знамя Святого Георгия с почетом вернулось в Барселону, а вместе с ним и двое детей, которых переполняла гордость за свой город, за сограждан, за то, что они – барселонцы. Пленные из Крейшеля вошли в город в оковах и были с позором проведены по улицам Барселоны. Женщины и все, кто оставался в городе, рукоплескали войску и плевали в сторону пленных. Арнау и Жоанет, серьезные и гордые, сопровождали процессию в течение всего марша, пока пленные не были заключены во дворце викария. Только после этого они предстали перед Бернатом, который, увидев своего сына живым и невредимым, сразу же успокоился и даже забыл отчитать его за столь длительную отлучку. Улыбаясь, он слушал рассказ Арнау о его новых впечатлениях...

12

Прошло несколько месяцев после приключения, которое привело его к замку Крейшель, но жизнь Арнау не изменилась за это время. В ожидании, когда ему исполнится десять лет – возраст, который позволит стать подмастерьем в мастерской его дяди Грау, – он продолжал шататься по привлекательной и всегда полной неожиданностей Барселоне. Арнау носил воду бастайшам и все больше времени проводил в церкви Святой Марии у Моря. Мальчик видел, как она растет, он молился Святой Деве, рассказывая ей о своих невзгодах и радуясь улыбке, которая, как ему казалось, иногда появлялась на губах статуи...

Вскоре, когда главный алтарь романской церкви был снесен, Святую Деву перенесли в маленькую часовню Святых Даров, расположенную в крытой галерее. Там, за новым большим алтарем Святой Марии, между двумя контрфорсами, ее поставили за высокую железную решетку. Часовня Святых Даров не пользовалась бы никакой привилегией, если бы бастайшам не поручили заботиться о ней, защищать ее и следить за тем, чтобы там всегда горели свечи. Эту часовню, самую главную в храме, призванную хранить тело Христово, приход отдал скромным портовым грузчикам, хотя множество благородных и богатых торговцев готовы были оплатить строительство и сделать пожертвования на тридцать три остальные часовни, которые по плану должны были построить в церкви Святой Марии у Моря между контрфорсами крытой галереи или боковых нефов, – так сказал мальчишкам отец Альберт. Но часовня Святых Даров принадлежала бастайшам, и молодой водонос мог всегда беспрепятственно попасть к своей Святой Деве.

Однажды утром Бернат наводил порядок, перетряхивая свое скудное имущество, спрятанное под соломенным тюфяком. Здесь лежала сумка, в которой он хранил деньги, собранные перед его поспешным бегством из дому вот уже почти девять лет тому назад, а также то немногое, что платил ему зять. Эти деньги понадобятся, когда Арнау начнет осваивать профессию, и помогут сыну стать на ноги...

Неожиданно в комнату рабов вошел Жауме. Бернат с удивлением посмотрел на первого помощника – Жауме не часто заходил сюда.

– Что?..

– Твоя сестра умерла, – скупно обронил Жауме.

У Берната подкосились ноги, и он присел на тюфяк с сумкой в руках.

– Как?.. Что произошло? – пробормотал он.

– Хозяин не знает. Утром ее тело было уже холодным.

Бернат выронил сумку и закрыл руками лицо.

Когда он отнял их и поднял глаза, Жауме уже не было. С комком в горле Бернат вспомнил девочку, работавшую в поле вместе с ним и отцом, девушку, поющую без остановки, когда она ухаживала за скотиной. Иногда Бернат видел, как отец делал перерыв в работе и, закрыв глаза, чтобы отвлечься на несколько мгновений, наслаждался этим голосом, веселым и беззаботным.

И вот...

Арнау остался безучастным, когда во время еды узнал эту новость из уст отца.

– Ты слышишь меня, сынок? – спросил его Бернат.

Арнау кивнул. Прошел уже год, как мальчик не видел Гиамону, исключая те давние случаи, когда он залезал на дерево, чтобы посмотреть, как она выводит на прогулку его двоюродных братьев и сестру. Он сидел, затаившись в густой листве, и подглядывал за ними, глотая слезы, а они бегали и смеялись. И никто его не пожалел. Арнау хотел сказать отцу, что ему все равно, что Гиамона его не любила, но грусть, светившаяся в глазах отца, остановила его.

– Отец, – тихо произнес Арнау, подходя к нему, – не плачьте.

Он уткнулся лицом ему в грудь, и Бернат, прижав мальчика к себе, крепко обнял его.

Они ели в полном молчании, сидя рядом с рабами и подмастерьями, когда раздался первый вопль. Этот душераздирающий крик, казалось, рвал воздух. Все повернулись в сторону дома.

– Плакальщицы, – пояснил один из подмастерьев. – Моя мать – плакальщица. Может быть, это она. Она лучше всех плачет, в городе ей нет равных, – с гордостью добавил он.

Арнау посмотрел на отца. В этот момент прозвучал другой вопль, и Бернат увидел, как сжался его сын.

– Нам еще долго придется слушать их, – предупредил он Арнау. – Мне сказали, что Грау нанял много плакальщиц.

Так и было.

В течение всего вечера и ночи, пока люди приходили в дом семьи Пуч, чтобы выразить соболезнование, несколько женщин оплакивали смерть Гиамоны. Ни Бернат, ни его сын не могли уснуть из-за постоянного жалобного воя...

– Об этом знает вся Барселона, – сообщил Жоанет Арнау, когда они увиделись утром, оказавшись среди людей, которые толпились у дверей дома Грау.

Арнау пожал плечами.

– Все пришли на похороны, – добавил Жоанет, заметив невольное движение друга.

– Почему?

– Потому что Грау богатый и всякий, кто придет в этот траурный день, получит какую-нибудь вещь.

Жоанет показал Арнау длинную черную рубашку.

– Вроде этой, – добавил он, улыбаясь.

В начале дня все пришедшие облачились в черное и похоронная процессия отправилась в сторону Назаретской церкви, где находилась часовня Святого Ипполита, чьим покровительством пользовалась гильдия гончаров. Плакальщицы шли возле гроба; они не только плакали, завывали, но и рвали на себе волосы.

Часовня была заполнена влиятельными людьми: старшины различных гильдий, городские советники и большая часть членов Совета Ста. Сейчас, когда Гиамона умерла, никто и не вспомнил об Эстаньолах, но Бернат, взяв с собой сына, смог-таки приблизиться к месту, где находилось тело покойной, где простая траурная одежда, подаренная Грау, смешалась с шелками и виссоном – дорогой материей из черного льна.

Однако ему даже не дали попрощаться с сестрой.

Пока священники вели похоронную службу, Арнау удалось рассмотреть покрасневшие от слез лица своих двоюродных братьев и сестры: Жозеф и Женис держались, Маргарита стояла прямо, но у нее все время дрожала нижняя губа...

Они потеряли мать, как и он сам.

«Знают ли они о Святой Деве?» – подумал Арнау.

Потом он перевел взгляд на дядю, который стоял неподвижно, погрузившись в свою горе. Мальчик был уверен, что Грау Пуч не рассказывал своим сыновьям о Святой Деве. Богатые – не такие, как все, ему не раз об этом говорили. Возможно, они по-другому воспринимают новую мать...

Конечно же по-другому!

Богатый вдовец в Барселоне – человек, на которого имеют виды. Еще не закончился траур, как на Грау посыпались брачные предложения, и он не успевал вести переговоры.

Избранницей на место новой матери детей Гиамоны стала Изабель, молодая женщина не очень привлекательной внешности, но из знатной семьи. Грау взвесил добродетели всех претенденток и отдал предпочтение той единственной, которая могла похвастаться принадлежностью к аристократическому роду. Ее приданое – титул без привилегий, пусть даже при

отсутствии земель и богатства, – позволяло ему войти в высшее общество. Владельца гончарной мастерской не прельщало роскошное приданое, которое ему предлагали купцы, желавшие приобщиться к богатству Грау. В свою очередь, могущественные знатные семейства не были заинтересованы во вдовстве простого гончара, каким бы богатым он ни был. И только отец Изабель, будучи без средств, увидел в этой ситуации возможность заключения удобного союза для обеих сторон – и не ошибся.

– Ты, конечно, понимаешь, – требовательно заявил будущий тесть, – что моя дочь не может жить в гончарной мастерской.

Грау с готовностью согласился.

– И что она тем более не может выйти замуж за простого гончара.

При этих словах Грау хотел было возразить, но тесть презрительно махнул рукой.

– Грау, – добавил он, – мы, вельможи, не можем посвящать себя ремеслу, понимаешь? Даже если мы небогаты, мы никогда не станем ремесленниками.

«Мы, вельможи, не можем...»

Грау едва скрывал свое удовлетворение оттого, что и он теперь причислен к знати.

«Сеньор барон» – именно так, начиная с сегодняшнего дня, будут обращаться к нему не только во время торговых переговоров, но и в городском Совете Ста.

Сеньор барон!

Но тесть прав: у кого из вельмож есть мастерская? Разве можно каталонскому барону держать ремесленную мастерскую?

И Грау, все еще старшина гильдии, легко и быстро добился того, чтобы Жауме получил звание мастера. Они обсудили этот вопрос в спешке – Грау спешил жениться на Изабель, он опасался, что эта знать, такая капризная, может пойти на попятную. У будущего барона не было времени торговаться. Жауме станет мастером, а Грау продаст ему мастерскую и дом в рассрочку. Оставался нерешенным только один вопрос.

– У меня ведь четверо детей, – сказал ему Жауме, – и я вряд ли смогу выплатить сразу всю сумму.

Под настойчивым взглядом Грау он продолжил:

– Я также не смогу взять на себя все обязательства, которые касаются ваших рабов, помощников, подмастерьев. Мне даже не удастся прокормить их! Желая добиться чего-либо, я должен прежде всего устроить своих детей.

День свадьбы был назначен.

Грау, по настоянию отца Изабель, приобрел дорогой особняк на улице Монкада, где жили семьи барселонской знати.

– Помни, – предупредил его тесть при выходе из только что купленного дома, – ты не войдешь в церковь, пока у тебя есть мастерская.

Они заглянули во все до единого закоулки в приобретенном доме, и барон снисходительно одобрил покупку. Грау же быстро подсчитал в уме, во что ему обойдется мебель, которую нужно купить, чтобы заполнить огромное пространство. За воротами, выходящими на улицу Монкада, начинался внутренний двор, выложенный камнем; напротив него – конюшни, которые занимали большую часть первого этажа, рядом с кухнями и помещениями для рабов. Справа тянулась длинная каменная лестница под открытым небом, которая вела на второй этаж, предназначенный для хозяев, – здесь были залы и прочие комнаты; вверху, на третьем этаже, – спальни. Весь особняк был сложен из камня; на верхних этажах – сплошь стрельчатые окна, выходящие во двор...

– Согласен, – сказал он Жауме, который много лет был его первым помощником, – ты будешь свободен от обязательств.

В тот же день они подписали договор, и Грау, довольный сделкой, предстал перед своим тестем с этим документом.

– Я уже продал мастерскую, – объявил он.

– Сеньор барон, – ответил ему тесть, протягивая руку.

«А теперь, – решил Грау, – подумаем о рабах. Я оставляю себе тех, кто нужен, а кто не нужен... на продажу. Что касается помощников и подмастерьев...»

Грау поговорил с членами гильдии и распродал всех своих рабов по весьма умеренным ценам.

Оставались только его шурин с ребенком.

У Берната в гильдии не было никакого звания, даже звания помощника.

Рассчитывать, что кто-нибудь возьмет его к себе в мастерскую, не приходилось. К тому же это было запрещено. У мальчика еще не наступил возраст подмастерья, хотя у Берната на руках имелся контракт. Но как Пучу просить кого бы то ни было принять каких-то Эстаньолов?! Все сразу узнают, что эти два беглеца – его родственники.

Их зовут Эстаньолами, как и Гиамону. Тут же станет известно, что он, Грау Пуч, приютил двух деревенских сервов. И это сейчас, когда ему предстоит стать членом знатной семьи! Разве не аристократы были злейшим врагом беглых сервов? Разве не они больше других давили на короля, чтобы тот отменил указ, позволяющий сервам-крестьянам совершать побег? И как он будет чувствовать себя, став представителем высшего класса, если имя Эстаньол начнут склонять все кому не лень? Что скажет его тесть?

Жауме, как новый хозяин мастерской, больше не подчиняющийся Грау, улучил минуту, сел рядом и доверительно поговорил с ним.

«Грау не посмеет ничего с вами сделать, – сказал он. – Он признался мне, что не хочет, чтобы о вас узнали. Я добился неплохих условий, Бернат. Он спешит уладить свои дела до женитьбы на Изабель. Но не забывай, что у тебя есть контракт, подписанный для твоего сына. Воспользуйся этим, Бернат. Надави на этого бездушного человека. Пригрози ему судом. Ты – хороший работник. Я хотел бы, чтобы ты понял: все, что произошло за эти годы, не должно пойти прахом...»

– Пойдете со мной, – велел Грау Бернату, который уже несколько дней ходил угрюмый и озабоченный новыми событиями.

Бернат сообразил, что имел в виду Жауме, и, ободренный бывшим начальником, осмелился возразить своему зятю.

– Как ты разговариваешь со мной? – закричал Грау, когда Бернат резко ответил ему: «Куда и зачем?» – Куда я захочу! – орал новоиспеченный барон, нервно размахивая руками.

– Мы не твои рабы, Грау.

– У тебя не очень большой выбор.

Бернату пришлось откашляться, прежде чем он последовал совету Жауме и неожиданно заявил:

– Я могу подать в суд!

Грау, согнувшийся, дрожащий, маленький и худой, оторопел и медленно приподнялся со стула. Но Бернат даже глазом не моргнул и оставался стоять, как бы ему ни хотелось побыстрее выскочить отсюда и убежать подальше...

Угроза Берната подействовала на вдовца.

Было решено, что они будут ухаживать за лошадьми, которых Грау считал себя обязанным купить вместе с особняком.

– Ты что, собираешься держать конюшни пустыми? – однажды как бы невзначай спросил тесть, как будто разговаривал с несмышленным ребенком.

Грау лихорадочно складывал в уме цифры.

– Моя дочь Изабель всегда ездила верхом, – добавил сеньор.

Но самым важным для Берната оказалась хорошая плата, о которой он договорился для себя и Арнау, начавшего работать в конюшне. Отныне они могли жить в собственной комнате, а не с рабами и подмастерьями. У него и сына теперь было достаточно денег, чтобы не испытывать лишений.

Грау настоял, чтобы Бернат аннулировал контракт об обучении Арнау и подписал новый.

С тех пор как им предоставили гражданство, Бернат редко выходил из мастерской. Похоже, что никакого следствия в связи с его побегом не было; и теперь имя Берната Эстаньола значилось в списках граждан Барселоны. В противном случае его бы уже бросились искать, думал он каждый раз, когда отправлялся на улицу.

Обычно он ходил на море и там растворялся среди десятков людей. Взгляд Берната всегда был прикован к горизонту. Позволяя ветру ласкать лицо, вдыхая резкие запахи моря, кораблей и дегтя, он наслаждался свободой и... грустил.

Прошло почти десять лет, как он ударил подмастерья из кузницы. Бернат надеялся, что тот выжил.

Вот и сейчас он сидел у моря. Арнау и Жоанет резвились на берегу. Мальчики убегали далеко вперед, затем возвращались и, весело улыбаясь, смотрели на него блестящими глазами.

– У нас будет собственный дом! – крикнул Арнау. – Давайте поселимся в квартале Рибера, отец, пожалуйста!

– Боюсь, что это всего лишь комната, – попытался объяснить ему Бернат, но ребенок продолжал улыбаться, как будто речь шла о лучшем дворце Барселоны.

– Неплохая идея, – сказал Жауме, когда Бернат рассказал ему о предложении своего сына. – Ты наверняка найдешь там комнату.

В квартал Рибера они отправились втроем. Дети бежали, а Бернат, нагруженный жалкими пожитками, шел за ними. В течение всего пути до церкви Святой Марии Арнау и Жоанет не переставали здороваться со всеми, кто проходил мимо.

– Это – мой отец! – крикнул Арнау одному бастайшу, идущему с мешком зерна. Мальчик указал на Берната, от которого они отбежали метров на двадцать.

Согнувшийся под грузом бастайш улыбнулся, продолжая идти вперед. Арнау подбежал к Бернату. Однако через несколько метров мальчик остановился: Жоанет не последовал за ним.

– Пойдем! – крикнул Арнау, махнув ему рукой.

Но Жоанет покачал головой.

– Что случилось, Жоанет? – спросил Арнау, с недоумением глядя на приятеля.

Малыш опустил глаза.

– Это – твой отец, – пробормотал он. – Что будет теперь со мной?

Он был прав – все принимали их за братьев, а Арнау даже не подумал о своем младшем «братце»...

– Бегом! За мной, – сказал он, взяв друга за руку.

Бернат видел, как они приближались: Арнау тащил Жоанета, который, казалось, упирался, не желая идти.

«У вас хорошие дети», – сказал ему один бастайш, проходя мимо, и улыбнулся. Мальчики дружили уже больше года. Бернат вдруг подумал о матери маленького Жоанета и представил себе, как малыш сидит на ящике, а она гладит его по голове. Неужели он так и не увидит лица матери?

Бернат почувствовал, как комок подступил к горлу.

– Отец... – начал было Арнау, когда они подошли к нему.

Жоанет спрятался за спину друга.

– Дети, – перебил сына Бернат, – думаю, что...

– Отец, могли бы вы быть отцом и Жоанету? – выпалил Арнау.

Бернат увидел, как малыш робко выглянул из-за спины Арнау.

– Иди сюда, Жоанет, – позвал его Бернат. – Ты хочешь быть моим сыном? – спросил он, когда тот осмелился подойти к нему.

Лицо Жоанета засияло.

– Это значит – да? – Бернат улыбнулся.

Ребенок обхватил его ногу, а благодарный Арнау смотрел на отца с восторгом.

– Идите играйте, – приказал Бернат надломленным голосом.

Дети привели Берната к отцу Альберту.

– Не сомневайтесь, мой отец поможет нам, – сказал Арнау, а Жоанет с удовольствием подтвердил:

– Наш отец! – воскликнул малыш и, отбежав от Арнау, стал знакомить Берната со всеми, кто встречался им на пути, даже с теми, кого они знали лишь в лицо.

Отец Альберт пригласил Берната на стаканчик сладкого вина и попросил детей оставить их вдвоем.

Выслушав его историю, он сказал:

– Я знаю, у кого вы могли бы остановиться. Это добрые люди. Скажи, Бернат, ты добился хорошей работы для Арнау, у него будет достойная оплата, и он получит специальность, ведь стремянные всегда нужны. А что будет со вторым сыном? Что ты думаешь делать с Жоанетом?

Бернат махнул рукой – и признался во всем священнику.

Отец Альберт и привел их всех в дом Пере и его жены. Эти бездетные старики жили в маленьком двухэтажном домике у самого моря; на первом этаже у них был очаг, а на втором – три комнаты. Все соседи знали, что они хотели бы сдавать одну из них.

За время всего пути и в доме Пере, когда он знакомил Эстаньолов с хозяином и его женой, отец Альберт смотрел на Жоанета и думал о судьбе малыша. Не удержавшись, он сочувственно похлопал мальчугана по плечу. Как он мог быть таким слепым?! Как он мог не замечать страданий, которые выпали на долю этого мальчика?..

Сколько раз он видел, как Жоанет замыкался, устремляя взгляд в пустоту!

Отец Альберт прижал мальчика к себе. Жоанет повернулся к священнику и улыбнулся...

Комната была небольшая, но чистая, с двумя тюфяками на полу – единственными «предметами мебели» в ней.

Сюда доносился постоянный шум волн, и под этот привычный аккомпанемент проходила жизнь хозяев дома. Арнау напряг слух – и уловил звуки, доносившиеся сюда со строительной площадки церкви Святой Марии, которая находилась неподалеку.

Они поужинали обычной ольей, приготовленной женой Пере. Арнау посмотрел на блюдо, поднял глаза и улыбнулся отцу. Как далеко была от них теперь бурда Эстраньи!

Все трое поели с аппетитом, чувствуя на себе заботливый взгляд хозяйки, готовой снова наполнить их тарелки.

– А теперь – спать, – сказал Бернат, умиротворенный событиями дня. – Завтра на работу.

Жоанет задумался. Когда все встали из-за стола, он посмотрел на Берната и повернулся к двери.

– Не время выходить на улицу, сынок, – мягко произнес Бернат в присутствии обоих стариков.

И мальчик остался.

13

– Это – брат моей матери и его сын, – сказала Маргарита своей мачехе, когда та узнала, что Грау заключил контракт еще с двумя людьми, чтобы те смотрели за семьей лошадьми.

Грау заявил ей, что ничего не хочет знать о лошадях, и действительно, он даже не спустился вниз, чтобы осмотреть великолепные конюшни, расположенные на первом этаже особняка. Молодая супруга сама выбрала животных и привела с собой своего старшего конюха Жезуса, который посоветовал госпоже взять опытного стремянного Томаса.

Но четверо конюхов для семи лошадей – это слишком даже для привычек баронессы, и она высказала свои претензии по этому поводу в первое же посещение конюшен, после того как взяли Эстаньолов.

Изабель настояла, чтобы Маргарита продолжила рассказ.

– Они были крестьянами, рабами-земледельцами, – сообщила девочка.

Изабель не проронила ни слова, но с этого момента у нее появились подозрения.

– Его сын, Арнау, – говорила между тем Маргарита, – виноват в смерти моего младшего брата Гиамона. Я ненавижу их! Не понимаю, зачем отец нанял этих Эстаньолов.

– Мы узнаем, в чем дело, – заверила ее баронесса, цедя слова и не отрывая взгляда от спины Берната, который чистил одну из лошадей.

Однако Грау не придавал значения словам супруги.

– Я счел это необходимым, – коротко объяснил он, подтвердив ее подозрения, что его родственники – беглые крестьяне.

– Если бы мой отец узнал...

– Но ведь он не узнает, не правда ли, Изабель? – Грау пронзительно посмотрел на жену, которая уже была готова спуститься к ужину.

Это был один из новых обычаев, введенных ею в жизнь Пуча и его семьи.

Баронессе едва исполнилось двадцать лет; она была ужасно худа, как и Грау. Некрасивая и лишенная тех соблазнительных изгибов, которыми в свое время очаровала жениха Гиамона, она к тому же обладала несносным характером, хотя поначалу Грау искренне верил, что благородство происхождения положительно влияет на нрав человека.

– Тебе ведь не хотелось бы, чтобы твой отец узнал, что ты живешь с двумя беглецами?

Баронесса посмотрела на него горящими глазами и вышла из комнаты.

Несмотря на неприязнь Изабель и ее пасынков, Бернат быстро доказал свое умение обращаться с животными. Он умел ухаживать за ними, кормить их, чистить им копыта и лечить, когда в том была нужда. Единственное, в чем можно было упрекнуть Берната, так это в том, что ему не хватало опыта придавать им особый лоск.

– Господа требуют, чтобы лошади блестели, – пояснил он однажды Арнау по дороге домой, – чтобы не было ни пылинки. Надо тереть и тереть, иначе не вычистишь песок, который забивается в кожу, а потом несколько раз пройтись щеткой, пока они не заблестят.

– А гривы и хвосты?

– Подрезать и заплетать их, а уже затем надевать на лошадей сбрую.

Арнау было запрещено подходить к животным. Он восхищался ими, видел, как лошади отвечали на ласки отца, и, когда в конюшне никого не было, Бернат, пользуясь случаем, разрешал сыну погладить их. Пару раз Бернат даже сажал его на одну из лошадей, но без седла, когда та спокойно отдыхала в стойле. Обязанности, которые вменили Бернату, не позволяли ему покидать место хранения упряжи. Там он чистил сбрую: натирал ее жиром и тер лоскутом до тех пор, пока она не впитывала жир и не начинала блестеть. Бернат старательно следил за состоянием вожжей и стремян, вычищал щеткой попоны и прочие украшения – чтоб ни одной ворсинки! Эту работу он выполнял пальцами, пользуясь ногтями как пинцетом, чтобы удалять

тонкие волоски, которые впивались в ткань и прятались в ней. Позже, если у него оставалось время, он принимался полировать карету, приобретенную Грау.

Несколько месяцев спустя даже Жезус вынужден был признать мастерство крестьянина. Когда Бернат входил в любое из стойл, лошади ничуть не пугались и доверчиво подходили к нему. Он прикасался к животным, гладил их и шептал что-то им на ухо, чтобы успокоить.

Когда входил Томас, они опускали уши, а если стремянный кричал на них, забивались к дальней стенке.

«Что происходит с этим парнем? До сих пор он был примерным стремянным», – думал Жезус всякий раз, когда слышал громкие вопли Томаса.

Каждое утро, когда отец и сын уходили на работу, Жоанет из кожи лез, чтобы помочь Марионе, жене Пере. Мальчик убирал, наводил порядок в комнате и ходил с ней за покупками. Потом, когда она принималась готовить еду, Жоанет отпрашивался на берег моря в поисках Пере. Всю свою жизнь старик посвятил рыбалке и теперь, помимо случайной помощи, которую он получал от общины, мог заработать несколько грошей на починку снастей. Жоанет, сопровождая рыбака, внимательно слушал его рассказы и бегал выполнять мелкие поручения, когда это было нужно Пере.

А если появлялась свободная минутка, малыш старался повидаться с матерью.

– Этим утром, – сказал он ей однажды, – Бернат пошел платить Пере за комнатку, но старик вернул ему часть денег. Он сказал, что малыш... «Малыш» – это я, ты знаешь, мама? Меня называют малышом. Да, так вот он сказал ему, что малыш помогал ему по дому и на берегу, поэтому он не должен платить за меня.

Пленница слушала, держа руку на голове ребенка.

Как все изменилось!

С тех пор как ее сын стал жить с Эстаньолами, он уже не сидел, всхлипывая в ожидании ее молчаливых ласк и какого-нибудь нежного слова. Теперь он разговаривал с ней, оживленно рассказывая что-нибудь интересное, и даже смеялся!

– Бернат обнял меня, – продолжал Жоанет, – а Арнау поздравил.

Рука напряглась на голове ребенка.

А Жоанет все говорил и говорил – об Арнау и Бернате, Марионе и Пере, о берегу моря и рыбаках, о снастях, которые они чинили со стариком. Увлеченный рассказом, он даже не заметил, что женщина уже не слушает его. Она была довольна тем, что ее сын наконец-то знает, что такое объятие, что ее малыш счастлив...

– Беги, сынок, – перебила его мать, стараясь скрыть дрожь в голосе. – Тебя, наверное, уже ждут.

Изнутри своей тюрьмы Жоана слышала, как малыш спрыгнул с ящика, и представила себе, как он перелез через глинобитную ограду.

Что чувствовала эта женщина?

Проведя годы в четырех стенах, Жоана изучила каждый закоулочек, по которым сотни раз прошлись ее пальцы. Она боролась с одиночеством и сумасшествием, глядя на небо через малюсенькое окошко, которое ей пожаловал король, великодушный монарх! Она переборола лихорадку, страшную болезнь, и все это – ради своего малыша, чтобы иметь возможность погладить сына по голове, подбодрить его, дать ему почувствовать, что, несмотря на все лишения, он не одинок в этом мире...

И вот теперь ее мальчик не одинок. О нем заботился Бернат, он его обнимал! Ей казалось, что она знает этого доброго человека. Она грезилась им, пока текло время.

«Береги его, Бернат», – шептала она.

Теперь Жоанет был счастлив, смеялся, бегал и...

Жоана опустилась на пол и осталась сидеть в полной неподвижности. В этот день она не притронулась ни к хлебу, ни к воде: ее тело не нуждалось в еде.

Жоанет вернулся на следующий день, еще через день, еще, и она слушала, как он смеялся и рассказывал о сказочном мире.

Из окна доносился приглушенный голос, который отрывисто произносил: «да», «нет», «смотри», «беги», «спеши жить».

– Беги наслаждаться этой жизнью, которой по моей вине у тебя не было, – добавила шепотом женщина, когда ребенок спрыгнул с ограды.

Хлеб скапливался внутри тюрьмы Жоаны.

– Ты знаешь, что случилось, мама? – Жоанет придвинул ящик к стене и сел на него; ноги его все еще не доставали до земли. – Нет? Хочешь об этом узнать?

Усевшись, он согнулся и прислонился спиной к стене там, где рука матери привычно должна была искать его голову.

– Я тебе расскажу. Это очень забавно. Получилось так, что вчера одна из лошадей Грау...

Но рука так и не появилась из окна.

– Мама? Слушай. Я говорю тебе, это забавно. Речь идет об одной из лошадей...

Жоанет повернулся в сторону окна:

– Мама?

Он подождал.

– Мама?

Мальчик напряг слух, стараясь не обращать внимания на грохот ударов котельщиков, разносившийся по всему кварталу.

И снова ничего.

– Мама! – крикнул он.

Жоанет стал на колени. Что он мог сделать? Она всегда запрещала ему приближаться к окну.

– Мама! – вновь крикнул он, поднимаясь к проему.

Она всегда говорила, чтобы он не смотрел, чтобы никогда не пытался увидеть ее.

Но она не отвечала...

Жоанет заглянул в окно.

Внутри было слишком темно. Он забрался на проем и перебросил ногу. Так ему пролезть не удалось. Тогда он попытался забраться в окно боком.

– Мама? – снова позвал мальчик.

Зацепившись за верхнюю часть окна, малыш поставил обе ноги на подоконник и спрыгнул внутрь.

– Мама? – прошептал он, когда его глаза привыкли к темноте.

Он подождал, пока смог различить яму, из которой исходило непереносимое зловоние, а с другой стороны, слева от него, возле стены, на тюфяке из соломы он увидел тело, свернувшееся калачиком.

Жоанет напрягся. Он не двигался. Постукивание молотков по меди осталось снаружи.

– Я хотел рассказать тебе одну забавную историю, – сказал он, медленно приближаясь к тюфяку. Слезы катились по его щекам. – Ты будешь смеяться, – пробормотал он.

Жоанет присел возле трупа своей несчастной матери.

Жоана закрыла лицо руками, как будто знала, что сын проберется к ней в камеру, а ей не хотелось, чтобы он увидел свою мать – даже после ее смерти.

– Можно тебя потрогать? – Малыш погладил мать по волосам, грязным, спутанным, сухим, жестким. – Тебе пришлось умереть, чтобы мы смогли быть вместе...

Жоанет расплакался.

Бернат, вернувшись домой, увидел стоявших в дверях Пере и его жену. Перебивая друг друга, они сообщили ему, что Жоанет не возвращался. Они никогда не спрашивали мальчика, куда он идет. Когда Жоанет исчезал, старики думали, что он побежал в церковь Святой Марии. Но этим вечером никто его там не видел. Мариона в отчаянии подняла руку ко рту.

- А если с ним что-нибудь случилось? – всхлипнула она.
- Мы найдем его, – попытался успокоить ее Бернат.

А Жоанет оставался со своей матерью.

Сначала он гладил рукой ее волосы, потом расчесывал их пальцами и распутывал. Он не пытался увидеть ее лицо. Через какое-то время он поднялся и повернулся к окну.

Смеркалось.

– Жоанет?

Жоанет снова посмотрел на окно.

– Жоанет? – услышал он с другой стороны пристройки.

– Арнау?

– Что случилось?

Изнутри раздался тоскливый голос:

– Она умерла.

– А почему ты не...

– Не могу. Здесь нет ящика. Слишком высоко.

«Какой ужасный запах», – мелькнуло в голове Арнау, и он побежал к отцу.

Тем временем Бернат стучал в дверь дома котельщика Понса. Что мог делать мальчонка там, внутри пристройки, целый день?!

Он стал стучать еще сильнее. Дверь открылась, и перед ним появился гигант, заняв почти весь дверной проем. Бернат отступил назад.

– Чего вы хотите? – прорычал котельщик. Он стоял без штанов, в одной мятой рубахе, которая доходила ему до колен.

– Меня зовут Бернат Эстаньол, а это – мой сын, – сказал Бернат, положив руку на плечо Арнау и подталкивая его вперед, – друг вашего сына Жоа...

– У меня нет никакого сына, – перебил его Понс, собираясь закрыть дверь.

– Но у вас есть жена, – возразил Бернат, придерживая дверь и вынуждая Понса уступить. – Вернее, – уточнил он под тяжелым взглядом котельщика, – была. Она умерла.

Понс не шелохнулся.

– Ну? – спросил он, чуть заметно пожав плечами.

– Жоанет там, внутри, вместе с ней. – Бернат пытался выказать всю свою твердость, на которую был способен. – Мальчик не может выбраться из пристройки.

– Там ему и место, – буркнул в ответ Понс. – Этот убудок должен был бы находиться с ней всю свою жизнь.

Бернат встретился взглядом с котельщиком и сильнее сжал плечо сына. Арнау невольно съезился, но тут же, когда Понс посмотрел на него, выпрямился.

– Вы собираетесь что-нибудь делать? – продолжал настаивать на своем Бернат.

– Ничего, – ответил котельщик. – Завтра, когда я разрушу комнатушку, мальчишка сможет выйти.

– Нельзя оставлять мальчика там на всю ночь...

– В моем доме я могу делать все, что захочу.

– Я сообщу викарию, – заявил Бернат, осознавая бесполезность своей угрозы.

Понс прищурил глаза и, не говоря ни слова, исчез в доме, оставив дверь открытой. Бернат и Арнау растерянно переглянулись. Когда Понс вернулся, они увидели в его руках веревку, которую великан вручил Арнау.

– Вытащи своего дружка оттуда, – приказал он, – и скажи ему, что теперь, когда мать умерла, я не хочу его больше здесь видеть.

– Как... – начал было Бернат.

– Так же, как он пробирался сюда все эти годы, – удаляясь, бросил Понс. – Через ограду. Через мой дом вы не пройдете.

– А женщина? – спросил Бернат, прежде чем хозяин успел захлопнуть дверь.

– Его мать мне доверил король, поставив условие, что я ее не убью. Теперь, когда она умерла, я и верну ее королю, – скороговоркой объяснил Понс. – Я отдал хорошие деньги в качестве залога и, клянусь Богом, не собираюсь лишиться их из-за какой-то шлюхи.

Отец Альберт, уже знавший историю Жоанета, и старый Пере со своей женой – им Бернат не мог не рассказать о случившемся, искренне сочувствовали беде ребенка. Все трое старались сделать для него хоть что-нибудь. Несмотря на это, мальчик продолжал молчать, и его движения, ранее нервные и беспокойные, сейчас стали медленными, как будто какой-то невыносимый груз давил ему на плечи...

– Время все лечит, – произнес как-то утром Бернат, обращаясь к Арнау. – Нужно подождать, окружить его любовью и заботой.

Но Жоанет продолжал молчать, только иногда заходил в приступе плача, которые случались с ним каждую ночь.

Отец и сын внешне сохраняли спокойствие, затаившись на своих тюфяках. Затем силы покидали малыша, и сон, беспокойный и недолгий, брал верх...

– Жоанет, – услышал как-то Бернат голос Арнау. – Жоанет...

Ответа не последовало.

– Если хочешь, я могу попросить Святую Деву, чтобы она тоже стала твоей матерью.

«Правильно, сынок!» – подумал Бернат. Он и сам хотел предложить сыну сделать это, но понимал, что Святая Дева – это секрет мальчугана и потому он сам должен был принять такое решение.

И Арнау это сделал. Но Жоанет не отвечал. В комнате воцарилась глубокая тишина.

– Жоанет? – снова позвал его Арнау.

– Так меня называла мама.

Это было первое, что малыш сказал за несколько дней, и Бернат, стараясь лежать спокойно, услышал:

– А ее уже нет. Теперь я – Жоан.

– Как хочешь. Слышал, что я тебе сказал о Святой Деве, Жоанет... Жоан? – поправил себя Арнау.

– Но твоя мама не говорит с тобой, а моя говорила.

– Скажи ему о птицах! – тихонько подсказал Бернат.

– Но я могу видеть Святую Деву, а ты не мог видеть свою маму.

Жоанет снова замолчал.

– Откуда ты знаешь, что она тебя слышит? – спросил малыш после довольно продолжительной паузы. – Она – всего лишь каменная фигура, а каменные фигуры не слышат.

Бернат затаил дыхание.

– Если ты уверен, что она не слышит, – ответил Арнау, – почему все с ней говорят? Даже отец Альберт это делает. Ты сам видел, не так ли? Или ты считаешь, что отец Альберт ошибается?

– Но она ведь – не мать отца Альберта, – возразил малыш. – Он мне сказал, что у него есть своя мать. Как я узнаю, что Святая Дева захочет стать моей матерью, если она со мной не разговаривает?

– Она тебе это скажет ночью, когда ты спишь, или через птиц.

– Птиц?

– Ладно, – пробормотал Арнау. Сам он, конечно, знал, как можно говорить через птиц, хотя и не осмеливался сказать об этом отцу. – Это сложнее. Тебе это объяснит мой... наш отец.

Бернат вдруг почувствовал, как комок подступил к горлу. В комнате снова воцарилось молчание.

– Арнау... – раздался грустный голос Жоана. – А не могли бы мы пойти в церковь прямо сейчас и спросить об этом у Святой Девы?

– Сейчас?

«Да, сейчас, сынок, сейчас. Ему это необходимо», – подумал Бернат.

– Ну пожалуйста...

– А ты знаешь, что запрещено заходить в церковь ночью? – спросил Арнау. – Отец Альберт...

– Мы не будем шуметь. Никто не узнает. Пойдем.

Арнау согласился, и дети, стараясь не шуметь, покинули дом Пере, находившийся неподалеку от церкви Святой Марии у Моря.

Бернат не на шутку разволновался, но постарался успокоить себя: что с ними может случиться? Ведь все, кто их знает, любят этих славных мальчуганов... В лунном сиянии возвышались леса, выведенные на половину стены, контрфорсы, арки и апсиды...

Церковь Святой Марии стояла окутанная тишиной, только у костров время от времени прохаживались охранники. Арнау и Жоанет обошли церковь со стороны улицы Борн: главный вход был закрыт, как и другая ее часть со стороны кладбища Шелковиц, где хранили большую часть строительных материалов. Одиноким костер освещал строящийся фасад. Юрким мальчикам пробраться внутрь было не так уж трудно: стены и контрфорсы спускались от апсиды до улицы Борн, а дощатый настил вел к входной лестнице. Стараясь в точности следовать чертежам мастера Монтагута, которые указывали на месторасположение дверей и ступеней, дети пробрались внутрь храма. Они молча дошли до часовни Святых Даров, которая находилась в крытой галерее, где за крепкой, красиво отделанной решеткой из кованого железа их ждала Святая Дева, всегда освещенная свечами из чистого пчелиного воска, которые ставили бастайши.

Оба перекрестились. «Вы всегда должны это делать, когда заходите в церковь», – говорил им отец Альберт.

Мальчики взялись за решетку часовни.

– Он хочет, чтобы ты была его матерью, – сказал Арнау, обращаясь к Святой Деве. – Его мать умерла, а я не против, чтобы ты была матерью для нас обоих.

Жоан посмотрел на Святую Деву, а потом, сжимая решетку, спросил:

– Ну что?

– Тихо! – воскликнул Арнау и продолжил: – Отец говорит, что мальчику пришлось много страдать. Его мать была в заточении, представляешь? Она могла только высунуть руку через окошко, чтобы погладить его по голове. Жоан не мог видеть ее, пока она не умерла, но он мне сказал, что даже тогда не смотрел на нее. Она ему запретила это делать.

От подсвечника, стоявшего как раз под святым ликом, поднимался ароматный дым. Взгляд Арнау затуманился, и каменные губы улыбнулись ему.

– Она будет твоей матерью, – возвестил мальчик, обращаясь к Жоану.

– Откуда ты знаешь, что она отвечает?..

– Знаю – и все, – резко оборвал его Арнау.

– А если я ее спрошу?

– Нет, – коротко ответил Арнау.

Жоан посмотрел на каменный лик; ему хотелось поговорить со Святой Девой, как это делал Арнау. Почему она слушала только его брата? Откуда мог знать Арнау, что она согласна?

Пока Жоан клялся себе, что однажды он тоже станет достойным того, чтобы самому поговорить с ней, послышался шум.

– Тсс! – прошептал Арнау, глядя в сторону проема, ведущего к воротам Шелковиц.

– Есть кто живой? – раздался чей-то голос, и друзья увидели отблески пламени от зажженного светильника, поднятого вверх.

Арнау направился в сторону улицы Борн, откуда они заходили, но Жоан стоял не двигаясь. Его взгляд был прикован к светильнику, который приближался к крытой галерее.

– Пойдем! – прошептал Арнау и потянул его за собой.

Внезапно они заметили внутри церкви Святой Марии еще несколько огней, которые приближались к первому светильнику. Охранники разговаривали, перекрикиваясь между собой.

Арнау разволновался. Бежать было некуда. Что им оставалось делать?

Дощатый настил! Он толкнул Жоана на пол, но малыша словно парализовало. Доски не были закрыты с боков, и Арнау снова подтолкнул Жоана. Оба мальчика поползли назад, пока не уткнулись в фундамент церкви. Жоан дрожал от страха. Люди со светильниками поднялись на помост. Шаги охранников, идущих по доскам, отдавались в ушах Арнау, а их голоса заглушали стук сердца.

Мальчики ждали, пока люди осмотрят церковь.

Это тянулось целую вечность!

Арнау посмотрел вверх, пытаясь увидеть, что происходит. Каждый раз, когда свет пробивался через стыки досок, дети сжимались в комок, боясь, что их обнаружат.

В конце концов охранники ушли. Только двое из них остались на помосте и оттуда светили еще какое-то время перед собой, пытаясь разглядеть что-либо...

Просто удивительно, что они не слышали биения их сердец!

Наконец и эти двое спустились с помоста.

Арнау повернул голову в ту сторону, где прятался малыш. Один из охранников повесил светильник рядом с помостом, а его напарник стал медленно удаляться.

Куда же запропастился Жоан? Арнау подполз к тому месту, где помост подходил прямо к церкви. Он провел в темноте рукой и нащупал отверстие, маленькое углубление, которое открывалось в фундаменте.

После того как Арнау подтолкнул его, Жоан пополз под настил; ему ничто не препятствовало, и малыш вскоре оказался в небольшом тоннеле, который вел к главному алтарю. Время от времени Арнау приказывал ему: «Тихо!» И хотя трение собственного тела о землю не позволяло Жоану что-либо слышать, он был уверен, что Арнау где-то рядом. Во всяком случае, он слышал, как тот тоже лег под дощатый помост. Только когда узкий тоннель расширился, мальчик смог оглянуться и даже стать на колени.

В этот момент Жоан осознал, что остался один.

Где он? В крошечной тьме ничего не было видно.

– Арнау, – позвал он.

Его голос отозвался эхом. Это... это было похоже на... пещеру. Под церковью!

Он снова позвал, потом еще и еще раз. Сначала тихо, но потом он закричал так, что собственный голос напугал его.

Мальчик мог бы попробовать вернуться, но как теперь найти тоннель, по которому он полз?

Жоан вытянул руки, однако ничего не нащупал.

Наверное, он слишком далеко заполз...

– Арнау! – крикнул он снова.

Никакого ответа.

Жоан заплакал. Что его ждет в этом месте? Чудовища? А если это ад? Ведь он сейчас под церковью! Разве не говорили ему, что ад внизу? А вдруг сейчас появится дьявол?!

Тем временем Арнау полз по тому же пути, понимая, что Жоан мог спрятаться только там, под этим помостом. Продвинувшись немного вперед, когда его голос уже не могли слышать снаружи, Арнау позвал своего друга.

Ответа не было.

Он пополз дальше.

– Жоанет! – крикнул он и тут же поправился: – Жоан!

– Я здесь, – услышал он наконец голос малыша.

– Где «здесь»?

– В конце тоннеля.

– С тобой все в порядке?

Жоан перестал дрожать.

– Да.

– Тогда возвращайся.

– Не могу. – Жоан вздохнул. – Здесь темно, как в пещере, и я не знаю, где выход.

– Попробуй найти стены на ощупь... Нет! – Арнау внезапно замолчал. – Не делай этого, ты меня слышишь, Жоан? Здесь могут быть другие тоннели. А если я к тебе подползу... Там что-нибудь видно, Жоан?

– Нет, – ответил малыш.

Арнау готов был ползти дальше, чтобы встретиться с малышом, но вдруг подумал о том, что он тоже может потеряться.

И вообще – откуда здесь, под церковью, пещера?

Чуть поразмыслив, Арнау немного успокоился: теперь он знал, как ему поступить.

Для начала нужен свет. Со светильником они наверняка выберутся отсюда.

– Подожди меня там! Ты меня слышишь, Жоан? Сиди спокойно и жди! Не двигайся. Ты меня слышишь? – повторил он.

– Да, слышу. А что ты будешь делать?

– Пойду поищу фонарь и вернусь. Жди меня и не двигайся, хорошо?

– Да... – пробормотал Жоан.

– Думай, что ты как раз под тем местом, где находится Святая Дева, твоя мать.

Не услышав ответа, Арнау спросил:

– Жоан, ты меня слышишь?

«Как я могу его не услышать?» – подумал малыш. Арнау сказал: «Твоя мать», а сам не дал ему поговорить с ней. Может, Арнау не хотел, чтобы она была их общей матерью, и специально заточил его здесь, в аду?

– Жоан! – снова крикнул Арнау.

– Что?

– Жди меня и не двигайся.

Арнау с трудом пополз назад, пока снова не оказался под дощатым помостом, со стороны улицы Борн. Не раздумывая ни минуты, он схватил светильник, который оставил охранник, и снова вернулся в тоннель.

Жоан увидел, как к нему приближается свет. Когда стены тоннеля расширились, Арнау сделал огонь поярче.

Малыш стоял на коленях в двух шагах от выхода из тоннеля. Жоан смотрел на него испуганными глазами и едва сдерживался, чтобы не заплакать.

– Не бойся, – попытался успокоить его Арнау.

Он поднял светильник и еще прибавил огня. Что же это такое?

Неужели кладбище?

Да, они были на кладбище. Маленькая пещера, которая, словно пузырек воздуха, по какой-то причине осталась под Святой Марией. Потолок был таким низким, что дети не могли встать на ноги.

Арнау направил свет в сторону больших амфор, похожих на те, которые он видел в мастерской Грау, но сделанных более грубо.

Некоторые были разбиты, и они увидели трупы, находившиеся там. Были здесь и другие амфоры – обрезанные по бокам, соединенные между собой, с печатью в центре.

Жоан дрожал, не в силах отвести взгляд от мертвецов.

– Спокойно, – твердо произнес Арнау, приближаясь к нему.

Но Жоан вдруг резко отпрянул.

– Что?.. – хотел было спросить Арнау.

– Пойдем отсюда, – попросил Жоан, перебивая его.

Не ожидая ответа, он полез в тоннель. Арнау полез следом за ним и, когда они оказались под помостом, потушил светильник.

Никого не было видно вокруг. Арнау вернул светильник на место, и мальчики возвратились в дом Пере.

– Никому ни слова, – предупредил он Жоана. – Хорошо?

Жоан не ответил.

14

Когда Арнау наконец убедил малыша, что Святая Дева тоже его мать, Жоан стал бегать в церковь, как только у него появлялась свободная минутка. Вцепившись руками в решетку часовни Святых Даров, он просовывал лицо между прутьями и смотрел на каменную фигуру с Младенцем на руке и с кораблем у ног.

– Когда-нибудь ты не сможешь вытащить оттуда голову, – сказал ему как-то отец Альберт.

Жоан, повернувшись к нему, улыбнулся. Священник погладил мальчика по голове и присел на корточки.

– Ты ее любишь? – спросил он, показывая внутрь часовни.

Жоан задумался.

– Теперь она – моя мать, – ответил он, скорее движимый желанием верить в это, чем уверенностью.

Отец Альберт почувствовал, как комок подступает к горлу. Сколько всего он мог бы поведать этому малышу о Богородице!

Он хотел было сказать ему об этом, но от волнения не произнес ни слова. Обняв мальчика, священник молчал, ожидая, когда голос вернется к нему.

– Ты молишься? – спросил он, немного успокоившись.

– Нет. Я только с ней разговариваю.

Увидев, что отец Альберт смотрит на него с некоторым удивлением, Жоан пояснил:

– Да, я рассказываю ей, что у меня на душе.

Кюре взглянул на Святую Деву.

– Продолжай, сын мой, продолжай.

Он еще раз ласково провел рукой по волосам мальчугана и оставил его одного.

Отец Альберт колебался, выбирая из трех-четырех кандидатов, но в конце концов остановился на одном богатом ювелире. На последней исповеди года тот выглядел достаточно раскаявшимся за кое-какие шашни, которые он крутил было прежде...

– Если ты – его мать, – бормотал отец Альберт, поднимая взор к небесам, – то вряд ли будешь возражать, если я воспользуюсь этой маленькой хитростью ради твоего сына. Не так ли, Матерь Божья?

Ювелир тоже не посмел отказать ему.

– Речь идет только об одном небольшом пожертвовании, – сказал священник. – Тем самым ты поможешь ребенку и Богу... А Бог тебя за это возблагодарит.

Теперь ему оставалось поговорить с Бернатом, и отец Альберт отправился на поиски.

– Я добился того, чтобы Жоанета приняли в школу при соборе, – сообщил он, когда они прогуливались по берегу вблизи дома Пере.

Бернат повернулся к священнику.

– У меня нет таких денег, святой отец, – произнес он извиняющимся тоном.

– Тебе это ничего не будет стоить.

– Насколько я понимаю, школы...

– Да, но это городские школы. В школе при соборе хватит... – «Впрочем, зачем вдаваться в подробности?» – подумал священник и, продолжая идти по берегу, добавил: – Жоан научится читать и писать. Сначала он будет читать азбуки, а затем перейдет к тем, в которых есть псалмы и молитвы.

Отец Альберт помолчал.

Почему Бернат ничего не говорит в ответ?

– Когда ему исполнится тринадцать лет, он сможет пойти в среднюю школу, где учат латынь и семь свободных наук: грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, музыку и астрономию.

– Святой отец, – глухо произнес Бернат, – Жоанет помогает по дому, и благодаря этому Пере не берет с меня денег за еще один рот. Если мальчик будет учиться...

– Его будут кормить в школе, – вставил священник, но Бернат, глядя на него, покачал головой, как будто раздумывая над этим предложением. – Кроме того, – добавил священник, – я уже поговорил с Пере, и старик согласился брать с тебя столько же.

– Вы очень беспокоитесь о ребенке.

– Да, а что тут такого?

Бернат покачал головой и улыбнулся.

– Представь себе, – продолжил отец Альберт, – что после окончания школы Жоанет сможет поступить в университет в городе Лериде или даже в какой-нибудь зарубежный университет – в Болонье или в Париже...

Бернат засмеялся.

– А если бы я не согласился, вы бы разочаровались, не так ли? – спросил Бернат и, когда священник кивнул ему, сказал: – Это не мой сын, святой отец. Иначе, как отец, я бы не позволил, чтобы один работал за другого. Но раз обучение Жоанета не будет стоить мне денег, тогда почему нет? Мальчик этого заслуживает. Возможно, однажды он действительно посетит те места, о которых вы упомянули.

– Мне бы лучше быть с лошадьми, как ты, – сказал Жоанет Арнау, когда они позже прогуливались по берегу, там же, где отец Альберт и Бернат обсуждали его будущее.

– Это очень тяжело, Жоанет. Прости... Жоан. Я все время чищу и чищу, а потом, когда все блестит, лошадь выходит, пачкается, и все начинается снова... Или появляется Томас с криками и сует мне какую-нибудь уздечку или сбрую, чтобы я их снова почистил. Первый раз он дал мне подзатыльник, но в этот момент появился наш отец и... Ты бы это видел! Он взял вилы и припер Томаса к стене, чуть не проткнув ему грудь, и тот стал заикаться и просить пощады.

– Вот поэтому мне и хотелось бы работать с вами.

– Ой нет! – ответил Арнау. – Конечно, с тех пор он меня не трогает, но зато всегда придирается и находится что-нибудь такое, что я плохо сделал. А пачкает он сам, понимаешь? Я видел...

– Почему же вы не скажете об этом Жезусу?

– Отец говорит, что тот не поверит мне, ведь Томас – друг Жезуса и поэтому он всегда будет защищать его. Да и баронесса использует любую зацепку, чтобы придаться к нам: она нас ненавидит. Видишь, что получается: ты выучишься в школе, а я буду чистить лошадей и выслушивать оскорбления.

Некоторое время оба молчали, загребая ногами песок и глядя на море.

– Воспользуйся этим случаем, Жоан, воспользуйся, – неожиданно сказал ему Арнау, повторяя слова, которые слышал от Берната.

И Жоан пошел на занятия. Он приступил к учебе, и в тот же день священник, который был учителем, при всех поприветствовал нового ученика. Жоан ощутил приятное волнение, чувствуя, как одноклассники рассматривают его.

Эх, если бы мама была жива! Он бы побежал к ней, присел на ящик и рассказал бы, как его встретили в школе. Когда учитель объявил, что он, Жоан, – самый лучший его помощник, все на него посмотрели. Никогда еще он не был лучшим ни в чем!

Тем вечером Жоан возвращался домой довольный собой. Пере и Мариона слушали мальчика, мечтательно улыбаясь, и просили его повторить слова учителя, однако Жоана хватало лишь на жесты и восклицания...

Когда пришли Арнау и Бернат, все трое повернулись к двери. Жоан хотел побежать к ним навстречу, но хмурое лицо брата остановило его. Было заметно, что Арнау плакал, и Бернат, который держал руку на плече сына, не переставал прижимать его к себе.

– Что случилось? – спросила Мариона, подходя к Арнау, чтобы обнять его.

Но Бернат остановил ее жестом.

– Нужно потерпеть, – сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно.

Жоан пытался поймать взгляд брата, но Арнау смотрел на Мариону. И они продолжали терпеть.

Томас, стремянный, не смел уязвлять Берната, но он тайком проделывал это с Арнау.

– Он ищет столкновения, сынок, – пытался успокоить его Бернат, когда Арнау снова начинал возмущаться несправедливостью стремянного. – Мы не должны попасться в ловушку.

– Но ведь нельзя терпеть всю жизнь, отец, – пожаловался однажды Арнау.

– А мы и не будем. Я слышал, что Жезус уже предупреждал его несколько раз. Томас не хочет работать как следует, и Жезус это знает. Лошади, за которыми ухаживает Томас, слишком беспокойные: они брыкаются и кусаются. Уже недолго ждать, сынок, недолго.

Как и предвидел Бернат, события не заставили себя ждать.

Баронесса вознамерилась научить детей Грау верховой езде. То, что этого не умел Грау, было допустимо, но юноши обязаны были хорошо держаться в седле. Поэтому несколько раз в неделю, когда у детей заканчивались занятия, они отправлялись за город. Изабель и Маргариды – в экипаже, которым управлял Жезус, а мальчики, гувернер и стремянный Томас шли пешком, ведя одну из лошадей на поводу. На открытой местности, лежащей за крепостными стенами, Жезус давал им уроки верховой езды.

Старший конюх брал в правую руку длинную веревку, привязывал ее к поводьям лошади так, чтобы та ходила по кругу, а в левой сжимал кнут, подгоняя ее. Юные наездники один за другим садились в седло и управляли лошадей, внимательно слушая указания и советы Жезуса.

В тот день Томас сидел рядом с экипажем и следил за тем, как лошадь тянет поводья. Стремянный не отрывал глаз от лошади: нужно было всего-навсего потянуть сильнее, чем обычно. Только один раз... Всегда так бывает – лошадь вдруг пугается...

Женис Пуч сидел верхом на лошади.

Стремянный перевел взгляд на мальчика. Похоже, у него начиналась паника. Мальчишка боялся лошадей и в седле держался как истукан. Жезус щелкнул кнутом, понукая лошадь перейти в галоп.

Животное сильно дернуло головой и потянуло за веревку.

Томас не мог сдержать улыбки. Ему не стоило особого труда тайком проникнуть к месту хранения упряжи и подрезать веревку внутри карабина так, чтобы она едва держалась. Пусть малец побултыхается немного, ему только на пользу пойдет!

Однако улыбка медленно сползла с его лица, когда он увидел, что карабин оторвался и лошадь очутилась на свободе.

Изабель и Маргариды громко вскрикнули.

Жезус бросил кнут и попытался остановить лошадь, но все было напрасно. Женис, увидев, что веревка оборвалась, завизжал и вцепился в шею лошади, а его икры и ступни, словно парализованные, вжались в подвздошные впадины животного. Неистовое животное метнулось галопом в сторону городских ворот, неся на себе Жениса. Когда лошадь перепрыгнула через маленький пригорок, мальчик не удержался, слетел с нее и, несколько раз перевернувшись, упал лицом в заросли кустарника...

Бернат, находившийся в то время в конюшне, услышал сначала цокот копыт о брусчатку двора, а затем крики баронессы. Вместо того чтобы вернуться шагом, спокойно, как это всегда

бывало, лошади с силой били копытами о камни. Когда Бернат направился к выходу, Томас вошел в конюшню, ведя под уздцы возбужденную лошадь. Животное, все в поту, дышало, раздувая ноздри.

– Что?.. – хотел было спросить Бернат и осекся.

– Баронесса хочет видеть твоего сына! – крикнул ему Томас, нанося удары по спине лошади.

Со двора доносились женские крики. Бернат снова посмотрел на бедное животное, которое неистово било копытами по земле.

– Сеньора хочет видеть тебя! – снова крикнул Томас, когда Арнау вышел из каморки, где хранилась упряжь.

Арнау посмотрел на отца, но тот лишь пожал плечами.

Они вышли во двор.

Разъяренная баронесса, размахивая кнутом, который она всегда носила с собой, когда выезжала верхом, кричала на Жезуса, гувернера и всех рабов, которые стояли перед ней. Маргарита и Жозеф находились здесь же.

Возле них стоял Женис, весь в синяках, в крови и в разорванной одежде. Как только появились Бернат и Арнау, баронесса сделала несколько шагов по направлению к мальчику и ударила его по лицу кнутом.

Арнау поднял руки, защищаясь. Бернат бросился вступить за сына, но ему не дал сделать это Жезус.

– Посмотри! – заорал старший конюх, бросая Бернату оторвавшуюся веревку и карабин. – Это работа твоего сына!

Бернат взял веревку и карабин и осмотрел их. Арнау все еще держал руки у лица. Он хорошо помнил, что проверял упряжь за день до этого. Когда мальчик проследил взглядом за своим отцом, тот как раз смотрел в сторону дверей конюшни, откуда Томас наблюдал за этой сценой.

– Все было в порядке! – крикнул Арнау, хватая веревку и карабин и тряся ими перед Жезусом. Он снова бросил взгляд в сторону дверей конюшни. – Все было в порядке, – повторил он, и первые слезы выступили у него на глазах.

– Смотрите, он еще плачет, – внезапно раздался голос Маргариты, которая указывала на Арнау. – Это он виноват в том, что с тобой произошло, – добавила она, обращаясь к своему брату Женису. – А ты не плакал, когда упал с лошади по его вине, – соврала она.

Жозеф и Женис сначала никак не отреагировали на ее слова, но потом стали насмехаться над Арнау.

– Плачь, детка, – бросил один.

– Да, плачь, детка, – повторил другой.

Арнау видел, как они показывали на него пальцем и смеялись.

Но у него не было сил остановиться! Слезы катились у него по щекам, а грудь вздымалась от всхлипываний. Протягивая руки, Арнау снова и снова показывал веревку и карабин, в том числе и рабам.

– Вместо того чтобы реветь, ты должен был бы попросить прощения за свою небрежность, – строго произнесла баронесса, поворачиваясь к своим приемным детям.

На ее губах появилась злорадная улыбка.

Прощение?

Арнау вопросительно посмотрел на отца.

За что?

Бернат не сводил с баронессы пристального взгляда. Маргарита продолжала показывать пальцем на Арнау и шушукалась со своими братьями.

– Нет, – запротестовал Арнау. – Мне не за что просить прощения. Упряжь была в порядке, – добавил он, кладя веревку и мушкетон на землю.

Баронесса вновь принялась размахивать руками, но остановилась, когда Бернат вдруг решительно шагнул ей навстречу. Жезус схватил его за руку.

– Не забывайся, она из знати, – шепнул он ему на ухо.

Арнау с тоской посмотрел на всех, кто стоял у конюшен, и побрел прочь.

– Нет! – закричала Изабель, когда Грау, узнав о случившемся, решил расстаться с отцом и сыном. – Я хочу, чтобы Эстаньол остался здесь и работал на твоих детей. Я хочу, чтобы он все время помнил, что мы еще не решили, прощать его сына или нет. Я хочу, чтобы этот ребенок при всех попросил прощения у твоих детей! А если ты их выгонишь, я никогда этого не добьюсь. Сообщи ему, что Арнау не сможет приступить к работе, пока не попросит прощения!.. – Изабель кричала и яростно жестикулировала. – Скажи Бернату, что до тех пор, пока его сын не извинится, он будет получать только половину платы. И предупреди его, что, если он будет искать работу в другом месте, мы сообщим всей Барселоне о случившемся и ему никогда не удастся найти себе место. Я желаю услышать извинения! – требовала она в истерике.

«Сообщим всей Барселоне...»

Грау почувствовал, как мурашки побежали по его телу. Столько лет он пытался скрывать своего зятя, и теперь... теперь его жена хотела, чтобы вся Барселона узнала о его существовании!

– Прошу тебя, будь благоразумной, – только и сказал он.

Ничего другого ему в голову не пришло.

Изабель посмотрела на мужа налитыми кровью глазами:

– Я хочу размазать их по земле!

Грау собирался что-то ответить, но внезапно замолчал, поджав губы.

– Благоразумие, Изабель, благоразумие, – сдержанно произнес он после паузы.

И все-таки Грау уступил требованиям капризной супруги. Гиамоны уже не было в живых. И потом – в его семье не было родинок, всех их знали как Пучей, а не как Эстаньолов!

Когда Грау вышел из конюшен, Бернат услышал от главного конюха о новых условиях работы.

– Отец, этот поводок был в порядке, – оправдывался Арнау ночью, когда они остались втроем в своей маленькой комнате. – Я вам клянусь! – говорил он, глядя на молчащего Берната.

– Но ты не можешь доказать этого, – вмешался Жоан, который знал о происшедшем.

«Мне не надо клясться, сынок, я знаю, что ты прав, – подумал Бернат. – Но как я могу объяснить тебе?..»

Бернат вспомнил, как у него похолодело внутри, когда он услышал слова сына: «Я не виноват и не должен извиняться».

– Отец, – повторил Арнау, – я клянусь вам.

– Я верю тебе, сынок. А сейчас спи... – помедлив, ответил Бернат.

– Но... – попытался возразить Арнау.

– Спать!

Арнау и Жоан погасили светильник, но Бернату пришлось долго ждать, прежде чем он услышал спокойное дыхание детей, свидетельствующее о том, что они наконец заснули.

Как же ему сказать сыну, что хозяева требуют от него извинений?

– Арнау... – Голос Берната задрожал, и мальчик, который одевался утром, собираясь на работу, удивленно посмотрел на отца. – Грау... Грау хочет, чтобы ты извинился; в противном случае...

В глазах Арнау застыл немой вопрос.

– ...он не позволит, чтобы ты вернулся работать в конюшни.

Не успел Бернат закончить фразу, как увидел, что лицо сына стало серьезным. До сих пор ему не приходилось видеть его таким.

Бернат бросил взгляд в сторону Жоана: тот тоже замер с открытым ртом, не успев одеться. Бернат хотел продолжить разговор, но в горле запершило, и он закашлялся.

– Значит... – начал Арнау, нарушая молчание, – вы считаете, отец, что я должен попросить прощения?

– Арнау, я бросил все, что у меня было, лишь бы мой сын был свободным. Я бросил наши земли, которые были собственностью Эстаньолов целые столетия! И все ради того, чтобы никто не мог поступать с тобой так, как поступали со мной, моим отцом и моим дедом. А сейчас мы возвращаемся к самому началу и зависим от каприза тех, кто называет себя знатью. Правда, с одной разницей: мы можем отказаться. Сынок, научись пользоваться свободой, которая стоила нам столько усилий. Тебе одному решать...

– Что же вы мне посоветуете, отец?

Бернат помолчал.

– Я, как и ты, не подчинился бы.

Жоан попытался вмешаться в разговор.

– Не слушайте этих каталонских баронов! – воскликнул он. – Прощение... прощение дает только Господь.

– А как же мы будем жить? – спросил Арнау.

– Не беспокойся, сынок. Я накопил немного денег, и это позволит нам продержаться какое-то время. Поищем себе другое место. Грау Пуч не единственный, кто держит лошадей.

Бернат не стал терять и дня.

Тем же вечером, после работы, он начал искать место для себя и Арнау. Ему удалось найти дом знатных людей, которые тоже держали конюшни, и его хорошо принял управляющий. В Барселоне было много семей, завидовавших тому, как ухаживали за лошадьми Грау Пуча, и когда Бернат представился, управляющий проявил интерес и согласился нанять его самого и его сына. Но на следующий день, когда Бернат снова пришел в конюшни, чтобы ему подтвердили решение, которому он уже порадовался с сыновьями, с ним даже не стали разговаривать.

«Там плата за работу слишком мала оказалась», – солгал он детям вечером за ужином.

Утром Бернат снова отправился на поиски, заходя в другие знатные дома, при которых были конюшни. Однако, несмотря на изначальную готовность нанять его, на следующее утро он получал отказ.

– Тебе не удастся найти работу, – сказал ему один конюх, тронутый отчаянием, которое было написано на лице Берната.

Тот стоял, опустив глаза, перед очередной конюшней, где ему только что отказали – в который раз.

– Баронесса не позволит, чтобы ты получил место, – объяснил конюх. – После того как ты побывал у нас, моему сеньору доставили записку от баронессы, в которой его просили не давать тебе работу. Я сожалею.

– Ублюдок, – сказал Бернат Томасу на ухо тихим, но твердым голосом, растягивая гласные, подходя к нему неслышно сзади.

Томас от неожиданности подпрыгнул и попытался убежать, но Бернат схватил его за шею и сжал так, что стремянный стал оседать на землю. Только тогда Бернат ослабил давление. «Если знатные сеньоры получают записки, – додумался Бернат еще вчера, значит кто-то наверняка следит за мной». Он попросил конюха, чтобы тот позволил ему выйти через другую дверь, и Томас, стоя в противоположном углу от двери конюшни, не мог видеть, как Бернат незаметно подкрался сзади.

– Это ты постарался, чтобы повод оборвался, правда? Чего ты еще хочешь? – Бернат снова сдавил стремянному шею.

– Я... – хватая ртом воздух, начал Томас.

– Что? – Бернат надавил сильнее.

Стремянный попытался высвободиться, но у него ничего не получилось. Через несколько секунд Бернат заметил, что тело Томаса снова начало оседать. Он отпустил его и повторил вопрос:

– Чего ты хочешь?

Прежде чем ответить, Томас шумно втянул в себя воздух. Как только бледность сошла с его лица, на губах его зазмеилась ироническая улыбка.

– Убей меня, если хочешь, – сказал он, прерывисто дыша, – но ты прекрасно знаешь, что, если бы не поводья, случилось бы что-то другое. Баронесса ненавидит тебя и всегда будет ненавидеть. Ты – всего лишь беглый серв, а твой сын – сын беглого серва. Ты не получишь работу в Барселоне. Так приказала баронесса, и если не мне, то кому-нибудь другому поручат за тобой шпионить.

Бернат плюнул ему в лицо. Томас не пошевелился, но его улыбка расплылась еще шире:

– У тебя нет выхода, Бернат Эстаньол. Твой сын должен будет просить прощения.

– Я попрошу прощения, – сдался Арнау, выслушав отца.

Той ночью, сжимая кулаки и сдерживая слезы, он сказал:

– Мы не можем бороться против знати и должны работать, чтобы выжить. Свиньи! Свиньи! Свиньи!

Бернат смотрел на своего сына.

«Там мы будем свободны», – вспомнил он свое обещание, которое дал сыну, когда через несколько месяцев после рождения Арнау принес его в Барселону.

Неужели все его усилия и лишения были напрасными?

– Нет, сынок, подожди, поищем что-то другое...

– У них власть, отец. Знать властвует везде: в городе, на ваших землях...

Жоан молча наблюдал за ними. «Нужно повиноваться и покоряться князьям, – учили его наставники. – Человек обретет свободу в Царствии Божиим, а не в этом».

– Они не могут властвовать во всей Барселоне, – твердо произнес Бернат. – Да, только у знати есть лошади, но мы можем выучиться и другому ремеслу. Что-нибудь придумаем, сынок.

И он заметил лучик надежды в глазах сына, которые расширились, как будто он хотел впитать в себя его последние слова.

«Я обещал тебе свободу, Арнау. Значит, я должен дать ее тебе, – думал Бернат, – и я дам ее. Не отказывайся от нее так поспешно, мой мальчик».

В течение многих дней Бернат бродил по улицам в поисках места для себя и сына. Сначала, когда он заканчивал работу в конюшнях Грау, Томас шпионил за ним, даже не пытаясь прятаться, но прекратил делать это, поскольку баронесса поняла, что не может влиять на ремесленников, мелких торговцев и строителей.

– Едва ли он что-нибудь найдет, – попытался успокоить ее Грау, когда супруга набросилась на него с криком, жалуясь на «этих мерзких селян».

– Что ты хочешь сказать? – спросила она.

– Он не получит работу. Барселона страдает от последствий своей непредусмотрительности.

Грау никогда не ошибался в оценках, и баронесса решила выслушать его.

– Урожаи последних лет были ужасными, – продолжал объяснять ей муж, – сельская местность перенаселена, и те крохи, которые там собирают, не доходят до города. Крестьяне съедают свой урожай сами.

– Но Каталония большая, – перебила его Изабель.

– Ты права, дорогая. Каталония очень большая, это так, но уже много лет сельские жители не занимаются выращиванием зерна, а именно хлебом живут люди. Теперь они выращивают лен, виноград, оливки или фрукты, но не зерно. Обмен обогатил сеньоров в сельской местности, и нам, торговцам, было хорошо, но ситуация становится критической. До сего времени мы получали зерно с Сицилии и Сардинии, однако война с Генуей мешает нам снабжать себя мукой. Бернат не найдет работу, но у всех, включая и нас, будут проблемы, и все это по вине четырех знатных бездарей...

– Как ты можешь так говорить? – воскликнула баронесса, почувствовав себя задетой.

– Дорогая... – серьезно ответил Грау. – Мы посвящаем себя торговле и зарабатываем много денег. Часть этого заработка мы вкладываем в собственное дело. Сейчас мы не плаваем на тех кораблях, какие были у нас десять лет назад, поэтому продолжаем зарабатывать деньги. Но знатные землевладельцы не вложили ни гроша в свои земли и в полезные изобретения. Вследствие этого они продолжают использовать те же орудия для вспашки и те же способы обработки земли, которые применяли еще римляне. Римляне! Земли должны оставаться под паром раз в два-три года. Если за ними хорошо ухаживать, этот срок можно увеличить в два и даже в три раза. А этих знатных собственников, которых ты так защищаешь, будущее не интересует. Единственное, чего они хотят, – это легкие деньги. Тем самым они ведут графство к разорению.

– Но это ненадолго, – возразила баронесса.

– Ты знаешь, сколько стоит квартера пшеницы? – Изабель не ответила, и Грау, покачивая головой, пояснил: – Примерно сто суэльдо. А знаешь, какова ее обычная цена? – На этот раз он не стал ждать ответа. – Десять суэльдо немолотая и шестнадцать молотая. Стоимость квартеры выросла в десять раз!

– Но мы-то сможем обеспечить себя зерном? – спросила баронесса, не скрывая возникшей у нее озабоченности.

– Ты не хочешь меня понять, дорогая. Мы сможем заплатить за пшеницу... если она будет, но я допускаю, что наступит момент, когда ее просто не будет. Если этот момент уже наступил. Проблема заключается в том, что, несмотря на рост цены пшеницы в десять раз, люди продолжают зарабатывать столько же.

– Значит, у нас не будет недостатка зерна, – перебила его Изабель.

– Нет, но...

– И Бернат не найдет работы.

– Не думаю, но...

Устав от его объяснений, баронесса вздохнула.

– Это единственное, что меня беспокоит, – заявила она, прежде чем покинуть комнату.

– ...скоро наступит нечто ужасное, – договорил Грау, но жена уже не слышала его слов.

«Плохой год». Бернат устал выслушивать эту отговорку всякий раз, когда просил работу. «Я вынужден распустить половину моих подмастерьев, а ты хочешь, чтобы я дал тебе работу?» – говорил ему один. «Очень плохой год, мне нечем кормить даже своих сыновей», – объяснял другой. «Ты что, не знаешь? – возмущался третий. – Сейчас плохой год, я уже истратил больше половины моих сбережений, чтобы прокормить семью, в то время как раньше мне бы хватило и двадцатой части».

«Мне ли не знать», – с горечью думал Бернат и продолжал поиски, пока не пришла зима и не наступили холода. Именно тогда в городе появились места, где он даже не осмеливался спрашивать о работе. Дети голодали, родители постились, чтобы прокормить своих отпрысков, а еще – оспа, тиф и дифтерия, которые донельзя обострили ситуацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.